

ISSN 2658-3321

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2023, том 6, № 2

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

2023, volume 6, No. 2

КАЗАНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал основан в июне 2018 года

2023, том 6, № 2

Международный научный журнал

«Казанский лингвистический журнал» – международное научное рецензируемое издание открытого доступа, придерживающееся следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Публикуемые в журнале материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименования и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора по следующим группам научных специальностей:

5.8. Педагогика*

- 1) 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 2) 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 3) 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

5.9. Филология*

- 1) 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации
- 2) 5.9.2. Литературы народов мира
- 3) 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (английский, китайский языки)
- 4) 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Информация об издании

Казанский лингвистический журнал выходит с 2018 года с периодичностью 4 номера в год на *русском, татарском, английском, немецком, французском, турецком, китайском, испанском, итальянском* языках. Журнал приглашает к публикации авторов исследовательских и обзорных статей по проблемам русской и зарубежной лингвистики, литературоведения и педагогики. Формат журнала и принцип открытого доступа позволяют обеспечить широкий охват читательской и авторской аудитории.

Цель журнала заключается в ознакомлении российского и международного научного сообщества с результатами деятельности научных школ и самостоятельных исследователей в области языкознания, литературоведения, теории и методики обучения, воспитания, профессионального образования.

Задачи журнала:

- публикация научных, обзорных и информационных статей, отражающих актуальные вопросы в заявленных областях;
- информирование об основных результатах научных работ, выполняемых в рамках приоритетных направлений исследований;
- публикация статей, посвященных разработке и реализации новых перспективных проектов;
- информирование об исследованиях молодых ученых и результатах их научной работы.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций РФ. **Свидетельство о регистрации:** ПИ № ФС 77 – 72979, дата регистрации: 06.06.2018.

Форма распространения: печатное СМИ (журнал)

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации, номер ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Учредители: Сакаева Лилия Радиковна, Тахтарова Светлана Салаватовна, Хабибуллина Эльмира Камилевна.

Издатель: Автономная некоммерческая организация «Институт культурного наследия»

ИНН 1655080432: ОГРН 1041621009660

Адрес: 420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 10/15

Редакция: 420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. М. Межлаука, д. 3, каб. 117

Сайт: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Индекс 64986

Телефон: +7 (843) 221-34-79

ГК «Урал-Пресс»

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Главный редактор

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Редакционная коллегия

Адельгейм Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна – доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Беленцов Сергей Иванович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по учебно-методической работе, Курский государственный университет, г. Курск, Россия

Бокова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения английскому языку и деловой коммуникации, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Гревцева Гульсина Якуповна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии, Челябинский государственный институт культуры, г. Челябинск, Россия

Громова Нелли Владимировна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой африканистики ИСАА при МГУ, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор, вице-президент, ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Закирянов Алфат Масумзянович – доктор филологических наук, доцент, заведующий отделом литературоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Ионова Светлана Валентиновна – доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры общего и русского языкознания, г. Москва, Россия

Калимуллина Ольга Анатольевна – доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Корнеева Лариса Ивановна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков и перевода, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Крылов Вячеслав Николаевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Миннуллин Ким Мугаллимович – доктор филологических наук, профессор, директор, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Митягина Вера Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Морозкина Евгения Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мурашов Рахим Закиевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры немецкой и французской филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Несмелова Ольга Олеговна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Пенская Елена Наумовна – доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы филологических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский институт «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Ратнер Фаина Лазаревна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Рябцева Надежда Константиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором прикладного языкознания, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Россия

Сабирова Диана Рустамовна – доктор педагогических наук, доцент, декан Высшей школы иностранных языков и перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сакаева Лилия Радиковна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород, Россия

Сторожук Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Тахтарова Светлана Салаватовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Фаткуллина Флюза Габдуллиновна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и сопоставительной филологии, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия

Шамина Вера Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

Яроцкая Людмила Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и педагогической антропологии института гуманитарных и прикладных наук, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Яхин Фарит Закизянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом текстологии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Республика Татарстан, Россия

KAZAN LINGUISTIC JOURNAL

The journal was founded in June 2018

2023, volume 6, No. 2

International scientific journal

“Kazan linguistic journal” is an international peer-reviewed open access journal that adheres to the following principle: free open access to research results increases the global exchange of knowledge.

The papers published in this journal have passed expert selection and peer review procedures. The scientific content of publications, the titles and content of sections correspond to the requirements for peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission under Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The most significant scientific works corresponding to the subject and containing materials of the author's own scientific research in the following groups of scientific specialties are accepted for publication in the journal:

5.8. Pedagogy*

- 1) 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 2) 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 3) 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

5.9. Philology*

- 1) 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation
- 2) 5.9.2. Literature of the peoples of the world
- 3) 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (English, Chinese)
- 4) 5.9.8 Theoretical, applied and comparative linguistics

Information about the journal

Kazan linguistic journal has been published since 2018 with a frequency of 4 issues per year. The works can be submitted in 9 languages: Russian, Tatar, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Turkish. The journal invites doctors and candidates of sciences, university professors, doctoral students, graduate students, undergraduates, as well as everyone who is interested in the issues under consideration to take part in the discussion on the proposed heading and publish for free. The format of the journal and the principle of open access allows providing the widest coverage of the readers and authors' audience.

The editorial board of “Kazan linguistic journal” sees **the main goal** of its activity as promotion and dissemination of information about the most significant research achievements and innovative solutions in the field of philology and linguistics, as well as facilitating the exchange of professional experience in the Russian and international community.

Achieving this goal is carried out by solving the following **tasks**:

- creation of an open discussion platform to support the exchange of views and dissemination of information in the scientific community;
- constant expansion of the range of authors in geographical (overcoming the localization of the publication process) and research plan (increasing the range of issues under consideration);
- promotion of interdisciplinary relationships and an integrated approach to the phenomena under study;
- ensuring compliance of the journal with international requirements for scientific periodicals, as well as careful and objective selection of manuscripts for publication.

The number of the certificate media: ПИИ № FS 77 – 72979, registration date: 06.06. 2018

The shape of the distribution: print media (magazine)

Territory of distribution: Russian Federation, foreign countries.

Registered in the Russian Federation ISSN National Agency, ISSN registration number: ISSN: ISSN 2658-3321 (Print).

Founders: Sakaeva Liliya Radikovna, Takhtarova Svetlana Salavatovna, Khabibullina Elmira Kamilevna.

Publisher: Autonomous non-profit organization "Institute of cultural heritage": INN 1655080432: OGRN 1041621009660

Address: 10/15, Kremlin str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111

Editorial office: room 117, 3 M. Mezhlauk str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Website: <http://kaz-linguo-journal.ru/>

Index 64986

Phone: +7 (843) 221-34-79

“Ural-Press”

E-mail: kaz-linguo-journal@mail.ru

Published 4 times a year

Head editor

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of theory and practice of translation, Kazan (Volga region) Federal University, (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Editorial Board

Adelgeym Irina Evgenevna – Doctor of Philology, Professor, Lead Reasecher, Institute of Slavic studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Avrutina Apollinaria Sergeevna – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Belentsov Sergey Ivanovich – Doctor of Pedagogics, Professor, Deputy director for education, Kursk State University (Kursk, Russia)

Bokova Tatyana Nikolaevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of English studies and crosscultural communication, Moscow City University (Moscow, Russia)

Bushkanets Liya Efimovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of foreign languages in international relations, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Grevtseva Gulsina Yakupovna – Doctor of Pedagogics, Professor of the department of pedagogy and psychology, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

Gromova Nelli Vladimirovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of African studies of Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Zagidullina Daniya Fatikhovna – Doctor of Philology, Professor, Vice President, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Zakirzyanov Alfat Magsumzyanovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Ionova Svetlana Valentinovna – Doctor of Philology, Professor, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkina, Professor of the Department of General and Russian Linguistics (Moscow, Russia)

Kalimullina Olga Anatolevna – Doctor of Pedagogics, Professor, N.G. Zhiganov Kazan State Conservatory (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Korneeva Larisa Ivanovna – Doctor of Pedagogics, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Krylov Viacheslav Nikolaevich – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Minnullin Kim Mugallimovich – Doctor of Philology, Professor, Director, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Mityagina Vera Alexandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Translation Theory and Practice, Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Morozkina Evgenia Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of linguodidactics and translation studies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Muryasov Rakhim Zakievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of German and French philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Nesmelova Olga Olegovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Penskaya Elena Naumovna – Doctor of Philology, Professor, Academic Supervisor of Faculty of Humanities, Higher School of Economics National Research University (Moscow, Russia)

Ratner Faina Lazarevna – Doctor of Pedagogics, Professor, Professor of the department of Theory and Practice of Translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Riabtseva Nadezhda Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the sector of Applied linguistics, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Sabirova Diana Rustamovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Dean of the Higher school of foreign languages and translation, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sakaeva Liliya Radikovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of foreign languages, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Sdobnikov Vadim Vitalievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the English language and translation theory and practice, Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov (Nizhny Novgorod, Russia)

Storozhuk Aleksandr Georgievich – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

Takhtarova Svetlana Salavatovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Kazan (Volga region) Federal University, Head of the department of theory and practice of translation (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Fatullina Fluza Gabdullinovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Russian and comparative philology, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russia)

Shamina Vera Borisovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the department of Russian and world literature, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yakhin Farit Zakirzyanovich – Doctor of Philology, Professor, G. Ibragimov Institute of language, literature and art of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Republic of Tatarstan, Russia)

Yarotskaya Ludmila Vladimirovna – Doctor of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogical Anthropology, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

• Филология. Русская литература и литература народов Российской Федерации	
Лю С., Васильева И.Э. Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах»...	155
• Филология. Литературы народов мира	
Тугулова О.Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода».....	165
• Филология. Языки народов зарубежных стран	
Кисель П.О. Раздельно-слитные слова <i>лихэцы</i> с высокой идиоматичностью значения в современном китайском языке.....	176
Сабирова Д.Р., Калегина Т.Е. К вопросу о влиянии пандемии на лингвистический ландшафт Франции на примере города Парижа.....	187
Хабибуллина Э.К., Чжу С. Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода.....	198
• Филология. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	
Алексеева Е.М. Употребление лексики, обозначающей психические состояния, в новостном дискурсе немецкоязычных онлайн-СМИ.....	211
Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-синтонов в японской онлайн коммуникации.....	223
Заграевская Т.Б., Кусов А.Р., Заграевская С.М. Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах.....	236
Нефедова Л.А., Элла А.-Б. Трайбализм в камерунском политическом дискурсе.....	246
Попкова Е.М., Палагина О.М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков.....	257
Поспелова С.Н. К проблеме восприятия и описания тембральных голосовых характеристик в детской игровой коммуникацию.....	271
Шейко А.М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода..	282

CONTENT

• Philological studies. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation	
Liu X., Vasilyeva I.E. Color Symbolism in the Story “The Black Monk” by A.P. Chekhov	155
• Philological studies. Literature of the peoples of the world	
Tugulova O.D. A Mother’s Image in the Chinese Female Poetry of the “New Period”.....	165
• Philological studies. Languages of peoples of foreign countries	
Kisel P.O. Separable Words <i>liheci</i> with High Idiomatic Meaning in Modern Chinese.....	176
Sabirova D.R., Kalgina T.E. The Impact of the Pandemic on the Linguistic Landscape of France. A Case Study of Paris.....	187
Khabibullina E.K., Ju S. Syntactic Transformations on the Example of Translating a Literary Work from Korean to Russian.....	198
• Philological studies. Theoretical, applied and comparative linguistics	
Alekseeva E.M. Use of Vocabulary Denoting Mental States in the News Discourse of German Online Media.....	211
Bredikhin S.N., Shishkin B.A. Gender Stratification of Addresses-Syntones in Japanese Online Communication.....	223
Zagrayevskaya T.B., Kusov A.R., Zagrayevskaya S.M. Communicative Interaction on Expressive Speech Acts.....	236
Nefedova L.A., Ella A.-B. Tribalism in the Cameroonian Political Discourse.....	246
Popkova E.M., Palagina O.I. Diplomatic discourse in the modern paradigm of approaches to foreign language teaching.....	257
Pospelova S.N. To the Problem of Perception and Description of Tembral Voice Characteristics in Children's Game Communication.....	271
Sheiko A.M. Language Technology Tools in Translation Quality Assurance.....	282

**ФИЛОЛОГИЯ. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PHILOLOGY. RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE
PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Научная статья
УДК 82.0, 821.161.1

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>

СИМВОЛИКА ЦВЕТА В ПОВЕСТИ А.П. ЧЕХОВА «ЧЕРНЫЙ МОНАХ»
Сяоя Лю¹, И.Э. Васильева²

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹LiuXiaoya410@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

²i.vasileva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4732-665X>

Аннотация. В последнее время возрос интерес литературоведов к изучению цветописы в творчестве поэтов и писателей, анализ произведений которых позволяет раскрыть семантику цвета, состояние и внутренний мир героев. Цветопись является неотъемлемым элементом поэтики А.П. Чехова, поэтому изучение колористики прозы писателя – проблема актуальная. Статья посвящена поэтике цветообозначений в повести А.П. Чехова «Черный монах». Выделены цвета, которые формируют основной колористический фон повести. Черный, белый, красный цвета показывают сложные внутренние переживания и душевное состояние главных героев героя, передают их богатый эмоциональный мир и в то же время создают основания для неоднозначности трактовки их образов и смысла повести в целом. В статье предложен сопоставительный анализ канонических значений базовых цветов и их функций в тексте Чехова. Показано, какую роль в смыслообразовании повести играет комбинирование базовых цветов. На примере анализа портретных характеристик и пейзажных фрагментов выделены приемы, формирующие неоднозначность цветовой семантики. В заключении подчеркивается, что благодаря цветописы в повести возникает простор для ассоциативной работы воображения читателей, формируется метафорическая связь между ее героями и выражается авторская позиция.

Ключевые слова: символика цвета; цветообозначение; цветопись; русская литература; «Черный монах» А.П. Чехова

Для цитирования: Лю С., Васильева И.Э. Символика цвета в повести А.П. Чехова «Черный монах». *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 155–164. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>

COLOR SYMBOLISM IN THE STORY “THE BLACK MONK”
BY A.P. CHEKHOV

Xiaoya Liu¹, I.E. Vasilyeva²

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

¹LiuXiaoya410@gmail.com <https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

²i.vasileva@spbu.ru <https://orcid.org/0000-0003-4732-665X>

Abstract. Recently, the interest of literary critics in the study of color painting in the work of poets and writers has increased, the analysis of whose works allows us to reveal the semantics of color, the state and inner world of heroes. Color painting is an integral element of A.P. Chekhov, therefore, the study of the coloring of the writer's prose is an urgent problem. The article is devoted to the poetics of color designations in A.P. Chekhov "The Black Monk". The colors that form the

main coloristic background of the story are highlighted. Black, white, red colors show the complex inner experiences and state of mind of the main characters of the hero, convey their rich emotional world and at the same time create grounds for ambiguous interpretation of their images and the meaning of the story as a whole. The article proposes a comparative analysis of the canonical meanings of basic colors and their functions in Chekhov's text. It is shown what role the combination of basic colors plays in the meaning formation of the story. On the example of the analysis of portrait characteristics and landscape fragments, the techniques that form the ambiguity of color semantics are highlighted. In conclusion, it is emphasized that thanks to the color painting in the story, there is scope for the associative work of the reader's imagination, a metaphorical connection is formed between its characters and the author's position is expressed.

Keywords: color symbolism; color designation; color painting; Russian literature; The Black Monk by A.P. Chekhov

For citation: Liu X., Vasilyeva I.E. Color Symbolism in the Story “The Black Monk” by A.P. Chekhov. *Kazan Linguistic Journal.* 2023;6(2): 155–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.155-164>

Изучение цветописи относится к той сфере междисциплинарных исследований, которая вызывает устойчивый интерес у ученых различных гуманитарных специальностей. Можно выделить несколько наиболее общих направлений, по которым группируются многочисленные публикации в этой области. Во-первых, это исследования преимущественно антропологической проблематики, в которых цветовая символика рассматривается в ряду базовых архетипических элементов исторического и/ или национального типа культуры [1], [2], [3]. Во-вторых, это исследования лингвистической направленности, для которых цветообозначения служат одним из важных инструментов изучения в синхронии и диахронии языковой картины мира [4]. В-третьих, это работы психологов, социологов и культурологов, анализирующие роль цвета в жизни субъекта и общества [5], [6]. Наконец, это филологические исследования, для которых цвет выступает как элемент единого смыслового целого художественного произведения [7]. Тем не менее, можно с уверенностью сказать, что вне зависимости от конкретного вектора исследований для всех этих направлений литературные тексты выступают как один из основных источников материала. В то же время для задач литературоведческого плана художественный текст – это не только материал, но и конечный объект исследования.

Цветопись в художественном тексте выступает как один из элементов по-

строения художественного мира, характеризуя как его субъектов, его смысловое устройство, так и внеположенное тексту, творящее его авторское сознание и связанную с автором историческую культурную реальность. Именно эта специфика определяет комплексный подход при изучении функций цвета в литературном произведении, сочетая задачи поэтики с задачами лингвистического, философского, антропологического и прочих рядов.

Классическая русская литература неоднократно выступала материалом и объектом различных исследований колористики. На сегодняшний день очевидно, что цвет может выполнять самые разные функции в структуре художественных произведений [8]. Так, Ю.В. Осипова отмечает социальную, пародийную и провиденциальную роль цветовых обозначений в «Пиковой даме» А.С. Пушкина [9]. В других исследованиях на материале сказок поэта описываются фрагменты языковой картины мира, отражающие специфику его цветописи, определяются принципы символической интерпретации цвета и света, также исследуется эволюция семантики колоронимов [10].

Вместе с тем для большинства классических авторов одна из важнейших функций цвета связана с его способностью выполнять роль дополнительной характеристики героя или места действия, нести внефабульную смысловую нагрузку. Например, в произведениях И.С. Тургенева цвет как правило выступает не только как элемент пейзажа, но и как аспект литературного портрета, раскрывающий персонаж. В той же характеризующей персонаж функции использует цветопись и Л.Н. Толстой [11].

Дополнительный смысловой потенциал, включенный в цветовые характеристики, на уровне повествовательной структуры является одним из элементов связи между миром изображенным и миром стоящего за ним повествующего авторского сознания. Через визуальное переживание цветового мира отражается своеобразие видения писателя, его взглядов на действительность, природу и людей [12]. Тем самым изучение поэтики цвета предполагает пристальное внимание и к особенностям нарративной организации того или иного текста. При-

менительно к прозе Чехова, где исследователи не раз отмечали, с одной стороны, неоднозначность взаимодействия различных повествовательных уровней, с другой — последовательный отход от прямых характеристик и оценок, изучение поэтики цвета превращается в сложную и вместе с тем увлекательную проблему.

Со времени прижизненной критики за чеховским миром закрепилась характеристика мира белого, серого, лишённого ярких тонов и ярких характеров. Вместе с тем исследования конкретных произведений показали, что Чехов, как и его предшественники, довольно активно использует эмоционально-выразительные возможности цветов для изображения авторской позиции, характеров и настроения героев, проникновения во внутренний мир своих персонажей [13], однако принципы и система использования цветообозначений в прозе А.П. Чехова – вопрос открытый. Одним из шагов на пути его решения может быть рассмотрение того, как цветообозначения в чеховском тексте соотносятся с устойчивыми символическими ореолами базовых цветов культуры. Репрезентативным материалом для такого подхода может служить повесть А.П. Чехова «Черный монах».

Повесть была написана им в Мелихово летом 1893 г. В тексте многократно встречаются три основных цвета: красный, белый и черный. Эти цвета занимают центральное место в символической колористике различных национальных традиций, поэтому их значение и статус могут быть определены как канонические. В повести Антона Павловича базовые колоронимы применяются при описании внешности персонажей, природных явлений и деталей мизансцен.

Черный цвет традиционно символизирует смерть, траур или несчастье. Этот цвет самый частотный в повести. Он ожидаемо доминирует для изображения черного монаха («одетый в черное»), создавая гнетущую и тяжелую атмосферу. И за счет общекультурных ассоциаций, и благодаря центральному образу повести этот цвет наделяется негативным ореолом галлюцинации и смерти. Часто черный цвет представлен в пейзаже: «стлался по земле черный, густой, ед-

кий дым». Его значение в пейзажных фрагментах вполне определено. Вместе с тем, сложность трактовки черного цвета постепенно нарастает в пространстве центральных персонажей повести. В первую очередь это касается Тани, которая в общей логической структуре произведения как раз противопоставлена монаху. Уже при первом описании Тани черный цвет акцентирован в ее портрете: внимание читателя обращено на ее тонкие черные брови. «Ее широкое, очень серьезное, озябшее лицо с тонкими черными бровями, поднятый воротник пальто, мешавший ей свободно двигать головой, и вся она, худощавая, стройная» [14, с.228] – такой предстаёт перед читателем Таня. В контексте данного описания тонкие черные брови выступают как буквальная цветовая характеристика. Однако по мере развертывания сюжета повести в сочетании с другими цветовыми указаниями эта черта инициирует возможность неоднозначной трактовки героини читателем. Важную роль в этом играет другой канонический цвет – белый.

Белый цвет традиционно означает чистоту, невинность. Наравне с черным, белый цвет тоже активно представлен в портретных и пейзажных зарисовках повести. Он присутствует в образах всех главных героев. Например, у Тани он, как и черный, сначала введен как элемент второго плана, ассоциативный. Еще в начале повести Коврин сравнивает Таню с птицей-цаплей. Цапля имеет свой символический ореол в культуре, благодаря которому ассоциативно создается впечатление о человеке как о существе чистом и благородном, незапятнанном, как белая цапля. В то же время бледное лицо является устойчивым атрибутом болезни [15]. На следующем этапе сюжетного развития белый цвет будет уже сфокусирован в образе героини: «бледное, страшно бледное, худое лицо!» В сочетании с бледным лицом Тани большие черные, умные и любопытные глаза становятся знаком чего-то неопределенного. Тем самым в сюжете повести белый и черный образуют не только контраст, но и визуальные переходы от светлого к темному, начиная «с ярко-белого и кончая черным, как сажа».

Противопоставление черного и белого характерно и для портрета черного монаха. Оно раскрывает его как противоречивый образ, в котором «жизнь» и

«смерть», «реальность» и «воображение» противостоят друг другу. Использование цветовых контрастов и изображение перехода одного базового цвета в другой (белый – черный) способствует показу внутреннего напряжения, состояния нервозности, повышенной чувствительности и у Коврина. Когда Коврин снова видит черного монаха на ржаном поле, тягостная атмосфера, передаваемая черным цветом, достигает своего апогея мгновенно, и в то же время подчеркивается, что герой бледен, как мертвец. В финале повести происходит непосредственный визуальный цветовой переход белого в черный уже вне прямых портретных характеристик героев. Коврин разорвал письмо Тани и бросил клочки бумаги на пол, они белеют в сумеречном освещении («конспект совсем было успокоил его, но разорванное письмо белело на полу и мешало ему сосредоточиться ... <...> Опять им овладело беспокойство, похожее на страх, и стало казаться, что во всей гостинице кроме него нет ни одной души...») [14, с.256]), затем за окном черным высоким столбом появляется черный монах. В результате комбинация белого и черного, с одной стороны, становится метафорическим выражением психологической характеристики персонажа, с другой – устойчивой чертой поэтики этой повести.

Еще один базовый цвет, представленный в этом тексте, – красный. В разных культурах красный символизирует такие важнейшие для человека понятия, как жизнь, сила, энергия, тревога, опасность, угроза. Кроме черного и белого цвета, красный также включен в цветохарактеристику героини. Он непосредственно отражает состояние здоровья Тани и ее внутренние эмоциональные колебания. После ссоры Тани с отцом Коврин смотрел на «заплаканное, покрасневшее, скорбное лицо» девушки. Все цвета имеют буквальное значение, но вместе с тем ассоциативно способствуют отражению постоянно меняющегося внутреннего мира Тани.

Итак, один из ярких колористических приемов А.П. Чехова в данной повести – фокусирование определенного цвета во внешнем облике персонажа. Аналогичный прием используется и при построении образа Коврина. Красный

цвет в финале повести, очевидно, связан с символикой крови, непосредственно указывает на смерть героя. В результате, цветообозначения в характеристиках персонажей по мере развертывания сюжета раскрывают свой сформированный культурной традицией символический потенциал и включаются в общий процесс смыслообразования.

Помимо базовых канонических цветов в повести представлены цветообозначения иного типа. Визуальные комбинации основных цветов создают, как было сказано, неоднозначность цветовой символики в сюжете повести, а усиливает эту неоднозначность подключение других цветов и оттенков. Ярче всего этот прием проявляется в пейзажах. Метафорическая передача цвета, тяготеющая к ассоциативной символизации, присутствует в описаниях неба и моря. Например, при описании неба: небо засветилось (цвет неба), ночь разорвало солнце (начинался рассвет). Рассветный пейзаж в повести может быть воспринят как своего рода декорация-предзнаменование. Он предвещает, что в жизнь героя после тёмной полосы придет неизвестное, новое будущее. Золотое солнце сияет, символизируя тепло, надежду и новую жизнь. В финале повести синий цвет моря вызывает в памяти читателя связанные с ним метафорические ассоциации: меланхолию, печаль, сочувствие. Эта гамма эмоций может быть понята как сострадание читателя и/или автора к трагической судьбе Коврина, однако значение цвета ей не исчерпывается.

В этом фрагменте синий цвет имеет более глубокий смысл. Он символизирует внутренний мир Коврина, его одиночество, отчаяние и предвещает его смерть. Коврин умирает в Крыму, на морском побережье, в окружении синих тонов: «Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе» [14, с.256]. Не только мягкий желтый лунный свет и огни, но и синее море, зеленая морская жизнь уже не вызывают тех чувств, какие создавал черный темный фон. В целом цветовая гамма моря представлена как гармоничная. В результате, и атмосфера сменяется с напряженной и гнетущей на спокойную. Эта трактовка финала становится возможной

благодаря колористической гамме центрального пейзажного образа повести – образа сада. Сюжетообразующую роль сада в этом тексте исследователи отмечали неоднократно [16]. В плане колористики образ сада отличает богатая палитра. Пестрый пейзаж весеннего сада читатель видит глазами Коврина: «Таких удивительных роз, лилий, камелий, таких тюльпанов всевозможных цветов... <...> Весна была еще только в начале, и самая настоящая роскошь цветников пряталась еще в теплицах, но уж и того, что цвело вдоль аллей и там и сям на клумбах, было достаточно, чтобы, гуляя по саду, почувствовать себя в царстве нежных красок, особенно в ранние часы, когда на каждом лепестке сверкала роса» [14, с.226].

Изменение колористики сада коррелирует с тревогой Коврина и сменой настроений Тани [17]. В композиции повести красочному саду, полному жизненных сил в начале повести соответствует чудесная бухта в финале. Несмотря на физическую смерть к Коврину возвращается ощущение полноты и радости жизни: «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость» [14, с.257]. В этой сцене контрастная цветовая гамма черного-красного-желтого оказывает сильное эмоциональное воздействие на читателя, раскрывая сложное психологическое состояние главного героя. Вместе с тем, с помощью цветов автор воздействует на глубины подсознания и читающего текст читателя.

Итак, цветовая гамма повести «Черный монах» весьма разнообразна и многозначна. В повести А.П. Чехова, как и в литературе в целом, цвет выполняет различные функции: выступает внешним признаком определенных физиологических состояний; выражает внутренний мир персонажей, их психологические особенности, формирует метафорическое поле прочтения образа, а по мере развертывания сюжета и ассоциативно-символический его потенциал.

Список литературы

1. Тернер В.У. Символ и ритуал. М.: Мир; 1983.
2. Серов Н.В. Хроматизм мифа. Л.: Васильевский остров; 1990.

3. Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил; 1993.
4. Кочнова К.А. Вопросы изучения языковой картины мира писателя. *Гуманитарные научные исследования*. 2014;11(39):51–54.
5. Исаев А.А., Теплых А.А. *Философия цвета. Феномен цвета в мышлении и творчестве*. М.: Флинта; 2011.
6. Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука; 1984.
7. Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе. *Литература и живопись*. Л.: Наука; 1982. с.31–65.
8. Штенгелов Е. Цвет в художественной литературе. *Наука и жизнь*. 1970;(8):24–26.
9. Осипова Ю.В. Символика цвета в повести Пушкина «Пиковая дама». *Проблемы современной науки и образования*. 2020;6–1(151):42–47.
10. Июльская Е.Г. Цветовая символика в сказках А.С. Пушкина. *Восточно-Европейский научный журнал*. 2018;3–5(31):65–69.
11. Труфанова М.И. Функции цвета в словесных портретах Л. Толстого и Д. Голсуорси (на примере произведений «Анна Каренина» и «Сага о Форсайтах»). *Вестник Московского государственного областного университета*. 2019;(2):71–78.
12. Черняк В.Д. Цветовая палитра рассказов Ю. Казакова: лексическое воплощение. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2017;(184):26–30.
13. Головачева А.Г. Цвета и запахи в рассказе А.П. Чехова «Невеста». *Литература в школе*. 2011;(3):8–10.
14. Чехов А.П. *Черный монах*. Полн. собр. соч. и писем. Т.8. Москва: Наука; 1977. с.226–257.
15. Хаткова И.Н. Психастенический мир А.П. Чехова в повести «Черный монах». *Культура. Духовность. Общество*. 2013;(6):79–83.
16. Евдокимова О.К. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX – XX вв. (А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.С. Артемьев). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2017;3(95):50–58.
17. Иваньшина Е.А. От интертекстов к смыслу: об оптике рассказа А.П. Чехова «Черный монах». *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*. 2022;2(88):78–88.

References

1. Turner V.U. Symbol and ritual. M.: Mir; 1983. (In Russ.)
2. Serov N.V. Chromatism of the myth. Leningrad: Vasilievsky Island; 1990. (In Russ.)
3. Florensky P.A. Iconostasis. Selected Works on Art. St. Petersburg: Mithril; 1993. (In Russ.)
4. Kochnova K.A. Questions of studying the writer's linguistic picture of the world. *Humanitarian scientific research*. 2014;11(39):51–54. (In Russ.)
5. Isaev A.A., Teplykh A.A. Philosophy of color. The phenomenon of color in thinking and creativity. M.: Flinta; 2011. (In Russ.)
6. Frumkina R.M. Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. M.: Nauka; 1984. (In Russ.)
7. Losev A.F. The problem of the variable functioning of pictorial imagery in fiction. *Literature and painting*. L.: Science; 1982. p.31–65. (In Russ.)
8. Shtengelov E. Color in fiction. *Science and life*. 1970;(8):24–26. (In Russ.)
9. Osipova Yu.V. The symbolism of color in Pushkin's story "The Queen of Spades".

Problems of modern science and education. 2020;6–1(151):42–47. (In Russ.)

10. Iyulskaya E.G. Color symbolism in the fairy tales of A.S. Pushkin. *East European scientific journal*. 2018; 3–5(31): 65–69. (In Russ.)

11. Trufanova M.I. The functions of color in the verbal portraits of L. Tolstoy and D. Galsworthy (on the example of the works "Anna Karenina" and "The Forsyte Saga"). *Bulletin of the Moscow State Regional University*. 2019;(2):71–78. (In Russ.)

12. Chernyak V.D. The color palette of Yu. Kazakov's stories: lexical embodiment. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen*. 2017;(184):26–30. (In Russ.)

13. Golovacheva A.G. Colors and smells in A.P. Chekhov "The Bride". *Literature at school*. 2011;(3):8–10. (In Russ.)

14. Chekhov A.P. *Black Monk*. Full coll. op. and letters. T.8. Moscow: Nauka; 1977. pp. 226–257. (In Russ.)

15. Khatkova I.N. Psychasthenic world of A.P. Chekhov in the story "The Black Monk". *Culture. Spirituality. Society*. 2013;(6):79–83. (In Russ.)

16. Evdokimova O.K. The concept of "garden" in Russian and Chuvash literature of the XIX - XX centuries. (A.P. Chekhov, I.A. Bunin, A.S. Artemyev). *Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University. AND I. Yakovlev*. 2017;3(95):50–58. (In Russ.)

17. Ivanshina E.A. From intertexts to meaning: on the optics of A.P. Chekhov "The Black Monk". *Bulletin of the North-Eastern Federal University*. M.K. Ammosov. 2022;2(88):78–88. (In Russ.)

Автор публикации

Author of the publication

Сяоя Лю –

аспирантка

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: Liuxiaoya410@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

Xiaoya Liu –

postgraduate student

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

Email: Liuxiaoya410@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-7916-7094>

Васильева Ирина Эдуардовна –

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

Email: i.vasileva@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4732-665X>

Vasilyeva Irina Eduardovna –

PhD in Philology, Associate Professor

St. Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

Email: i.vasileva@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4732-665X>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01.02.2023

Одобрена после рецензирования: 20.03.2023

Принята к публикации: 01.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 01.02.2023

Approved after peer reviewing: 20.03.2023

Accepted for publication: 01.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ОБРАЗ МАТЕРИ В ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ КИТАЯ
«НОВОГО ПЕРИОДА»

О.Д. Тугулова

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, Улан-Удэ, Россия
tugulova.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>

Аннотация. Статья посвящена изучению образа матери в современной женской поэзии Китая как наиболее устойчивого культурного образа, что позволяет проследить перемены в отношении традиционного представления о роли и функции женщины на фоне социально-политических преобразований китайского общества, а также определить некоторые сущностные характеристики феномена женской поэзии, возникшего в числе других художественных направлений и школ в современной китайской поэзии.

В условиях политики «реформ и открытости» литература Китая совершает переход от однополярной художественной парадигмы соцарта к многополярной, становится возможным сосуществование самых разных стилей, эстетических установок, мнений о поэтическом языке. Женская поэзия Китая, известная в российском литературоведении по редким статьям и немногочисленным переводам, отражает процесс творческих поисков китайских поэтов в переходный период.

Образ матери в творчестве современных поэтесс Ли Сяюй, Чжай Юнмин, Фу Тяньлинь, Инь Личуань, Шу Тин, представительниц разных поколений, выражен как мать-прародительница, реально-бытовой, возвышенно-обобщающий. Поэтессы от реально-бытового образа своей матери переходят к обобщающему, связанному с понятием прародительницы или родины. Отсутствие идеализации образа матери и его «снижение» сосуществует параллельно с безусловными ценностно-функциональными доминантами образа матери. В приоритете женской поэзии находится исследование эмоционального и психологического состояния женщины, поэтессы от высоких гуманистических идеалов приближаются к повседневной жизни.

Полученные результаты исследования восполняют общую картину истории современной китайской поэзии, описывают эстетические воззрения и основания женской поэзии, способствуют объективному восприятию духовных трансформаций китайского общества в транзитивный период.

Ключевые слова: женская поэзия; образ матери; Ли Сяюй; Чжай Юнмин; Фу Тяньлинь; Инь Личуань; Шу Тин

Для цитирования: Тугулова О.Д. Образ матери в женской поэзии Китая «нового периода». *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(2): 165–175.
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.165-175>

A MOTHER'S IMAGE IN THE CHINESE FEMALE POETRY OF THE "NEW PERIOD"

O.D. Tugulova

Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia

tugulova.olga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>

Abstract. The article is devoted to the study of the image of mother in the modern Chinese female poetry as the most stable cultural image, which allows to trace the changes concerning the traditional perception of the role and function of the woman against the background of social and political transformation of the Chinese society, and also to define some essential characteristics of the phenomenon of female poetry, which appeared among other art movements and schools in the modern Chinese poetry. Under the policy of "reform and opening", Chinese literature makes a transition from a unipolar artistic paradigm to a multipolar one, the coexistence of very different styles, aesthetic attitudes, and opinions on poetic language becomes possible. The image of mother in the works of modern poets Li Xiaoyu, Zhai Yongming, Fu Tianlin, Yin Lichuan, Shu Ting, who represent different generations, is expressed as mother-parent, real-life, sublime-generalizing. Almost all the poets move from the mundane image of their mother to a generalised image, connected with the notion of ancestor and homeland.

The results of the study fill in the overall picture of the history of contemporary Chinese poetry, describe the aesthetic attitudes and foundations of women's poetry, and contribute to an objective perception of the spiritual transformations of Chinese society in the transitional period.

Keywords: female poetry; mother's image; Li Xiaoyu; Zhai Yongming; Fu Tianlin; Yin Lichuan; Shu Ting

For citation: Tugulova O.D. A Mother's Image in the Chinese Female Poetry of the "New Period". *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 165–175. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.165-175>

«Новый период» (с 1979 г.) стал для китайской поэзии временем возникновения и развития многочисленных школ и направлений, возвращения к творчеству поэтов старшего поколения и появления новых имен, «поиска корней» и экспериментов в области формы, языка, поэтики. К этому же периоду относят феномен «женской поэзии», о котором дискутируют и литературоведы, и сами поэты. Основное наполнение «женских» поэтических произведений составляют тонкая лирика, раскрывающая внутренние переживания и чувства женщин, которые отныне могли выразить их открыто и призвать к изменению традиционного отношения общества к женщине. Создаваемые поэтессами женские образы отражают изменения социального статуса женщины, как следствие масштабных трансформаций китайского общества на всех уровнях духовной и ма-

териальной жизни на фоне политики «реформ и открытости», и, соответственно, представляют собой актуальный объект исследования.

Основные ипостаси образа матери, встречаемые в китайской поэзии нашего времени, вполне традиционны, однако дополняются новым содержанием, облекаются в новые формы. Выделим такие составляющие образа матери, как: мать-прародительница; реально-бытовой образ, связанный с личностью матери конкретного человека; обобщенно-возвышенный, идеальный, аккумулярующий все характеристики женской сущности.

К архетипу мифологического первопредка китайского народа Нюйва восходит образ *одетой в шкуры древней Матери* в стихотворении Ли Сяюй 李小雨 (1952-2015) «Глиняный сосуд» [1, с. 282-285, перевод Ли Иннань]: «*Как говорит предание, / первый сосуд был вылеплен женщиной. / Это из-под ее пальцев / вышла округлая мягкая линия*». «Роль порождающего мироздание женского божества в китайской мифологии однозначно закреплена за Нюйва» [2, с. 105]. В соответствии с древнекитайскими мифологическими представлениями, именно Нюйва вылепила из глины первых людей: «*Пальцы ее погрузились / в чистейшую глину, воду и пламень, / из которых родился мир*». Натурфилософское осмысление окружающего мира предполагает взаимодействие двух начал *инь* и *ян*, как движущее всеми процессами; тяжелые частицы, образовавшие Землю, символизируют женское начало, легкие частицы, образовавшие Небо, – мужское. Ребенок (человек как творение Нюйвы) естественным образом заполняет сложившуюся картину мира: «*плод, созревающий день за днем, / яркий круг светила, / гармонично сомкнувший Землю и Небо, / круг человеческой жизни и смерти, / звездное колесо судьбы*». Закономерным представляется введение образа реки Хуанхэ – колыбели китайской цивилизации, на берегах которой *древняя Мать* (о чем говорят мифы о Нюйве) пестовала своих детей: «*ее молочные струи, льющиеся как река Хуанхэ*».

Если в первой строфе субъектом выступает *женщина*, то в последующих четырех она уже становится *Матерью*, обладающей набором качеств, соответ-

ствующим традиционным представлениям об этой стороне женской сущности: «Мы питаемся / материнским терпением, / чистотой и щедростью ее сердца, / ее жертвенностью испытанной веками и бурями», что делает божественный образ прародительницы близким и ассоциирующимся с собственной матерью: «Мы вбираем тихий теплый стук ее сердца, / ее голос напевающий колыбельную песню».

Конкретный образ собственной матери Ли Сяюй создает в стихотворении «Моя мать – доярка» [3, с. 283, перевод Г. Ярославцева], наделяя его также теми качествами, которые определяют ценностные установки традиционного общества и доходят до наших дней: «Не гаснет в ее материнских глазах / Надежды, нежности свет. / Трудом каждодневным вся жизнь полна, / Черед неустанных забот». От реально-бытового образа матери-дойрки Ли Сяюй переходит к обобщающе-возвышенному образу матери, «такой прекрасной и постоянной, / И чистой, и доброй такой», мудрость и ценностные установки которой переходят от поколения к поколению и составляют морально-нравственный фундамент общества.

Поэтический образ собственной матери присутствует и у Шу Тин 舒婷 (род. 1952), на становление личности которой сильное влияние оказала «мягкость и выносливость материнского характера» [4]. «Неслучайно лирический герой ее поэзии – это всегда образ нежной и одновременно стойкой женщины, жаждущей утешения и понимания и в то же время стремящейся помочь другим» [5, с. 199]. Так, в стихотворении-реквиеме «呵, 母亲 Ах, мама» [6, с. 61] героиня глубоко прячет свою боль разлуки с матерью: «为了一根刺我曾向你哭喊 Помнишь, как из-за занозы громко плакала тебе / 如今带着荆冠, 我不敢 А теперь с терновым венцом, я не смогу / 一声也不敢呻吟 Даже вздохнуть не осмелюсь» (перевод наш – О.Т.). Взросление Шу Тин пришлось на годы «культурной революции» (1966-1976), когда, чтобы просто жить, требовалось мужество. И лирическая героиня, которая обращается к матери, и сам образ матери, воскресающей в воспоминаниях, отра-

жают эпоху противоречий, обнажившей внутренние конфликты человека: они и хрупки и сильны, жизнелюбивы и романтичны, между ними сильная эмоциональная и духовная привязанность.

В стихотворении «献给母亲的方尖碑 Обелиск матерям» Шу Тин от конкретного, объективного образа своей мамы переходит к обобщенному, возвышенному образу идеальной матери, дающей то самое утешение и силу ее лирической героине и многострадальному китайскому народу и обретающей поэтическое возвеличивание: «凭青春和爱情的力量 *силой молодости и любви* / 能不能在黎明时把她夺回 *можно ли в час рассвета вернуть ее* / 让我在人心靠近源泉的地方, *чтобы рядом с сердцем* / 为母亲们 *матерям* / 立一块朴素的方尖碑 *поставить скромный обелиск*» (перевод наш – О. Т.). Образ матери в поэзии Шу Тин через собственные детские воспоминания, через события «культурной революции», наконец, возвышается в стихотворении «Родина, моя любимая Родина» [7, с. 270, пер. Л. Букиной] до общезначимого уровня: «ты кормишь грудью, иссеченной многочисленными рубцами / побед и падений ратных, / меня – твое растерянное, вдумчивое, деятельное дитя».

С точки зрения субъектных отношений, речь может быть организована от лица матери, как например, в стихотворении Фу Тяньлинь 傅天琳 (род. 1946) «Материнская любовь» [8, с. 60, пер. И. Алимова]: «Я твоя чернокожая мама, / Белокожая мама, / Желтокожая мама». Тема матери стала ключевой в творчестве Фу Тяньлинь. Любовь матери всеохватна, она не имеет национальности, она не ведает преград: «Границ не знает любовь моя, / Границ не знает любовь к тебе», она иррациональна и естественным образом присутствует в женщине «Ты жизнь, ты сила, ты – это я. / Дитя! Ты – мое дитя». Любовь матери стоит над всеми человеческими законами и предрассудками – первые три строки каждой из трех строф стихотворения образованы символическими цветообозначениями человеческих рас, причем, всегда черный, белый, желтый цвета упоминаются в разном порядке.

Фу Тяньлинь обобщает и наделяет сакральностью образ матери: «*И не знает, что она / У него на полотне навсегда уходит вдаль – / Вечная святая мать*» («Любовь» [там же, с. 61, пер. Е. Исаевой]). Строка «*Ветру вслед она идет, вслед течению воды*» в первой и последней строфе заключает пространство произведения в большое кольцо, охватывающее жизненный путь матери, наполненный бесконечной любовью к ребенку, ведь «*неразрывно, навсегда, крепко связаны они*», и вместе с тем утверждающее идею цикличности материнского долга, материнской высокой миссии, что поддерживают ключевые лексемы *навсегда, бесконечная, вечная*.

Образ матери увековечивается художником и в стихотворении «Мама» [8, с. 348-349]: «*在田野, 母亲 В поле, мама, / 你弯腰就是一幅名画 ты склонилась, как на известной картине*» (перевод наш – О.Т.). Вечность, или привычность такого образа матери подчеркивается помещением его в контекст традиционной для китайской культуры деревенской тематики с обязательными приметами крестьянского труда, быта, а главное – чувства особой близости к истокам: «*来自一座草房 вышедшая из соломенной хижины, / 我们家永远葱绿 наша семья всегда зеленая / 来自母亲的灵魂, вышедшие из маминой души / 永远地开放, всегда свободны*». И снова Фу Тяньлинь делает отсылку к обобщенному материнскому началу, матери, как Прародительнице: «*儿孙般的玉米和谷穗 кукуруза и колосья, словно дети и внуки, / 一代代涌来 поколение за поколением проби- ваются, / 将你围成一座村庄 вокруг тебя родилась деревня*».

К речи от лица матери, как результивному способу раскрытия образа, поэтесса снова прибегает в стихотворении «Сонное бормотание» [там же, с. 348], которое можно воспринимать и как лирический монолог с нотами исповедальности, в котором мама делится своими переживаниями, тревогами и волнениями о ребенке. Многочисленные повторы, присутствующие почти в каждой строке, создают монотонную интонацию, что придает стихотворению характер колыбельной, исполнение которой в любой культуре также неразрывно связано

с образом матери. Размышления о будущем ребенка и самой матери возвращают к мысли о восприятии образа матери-Прародительницы.

Особое место в современной женской поэзии Китая занимает творчество Чжай Юнмин 翟永明 (род. 1955), чей поэтический цикл «Женщины» был воспринят как манифест феминистской поэзии, призывающий к изменению традиционного восприятия роли женщины в современном обществе. В классической культуре функции женщины сводились к материнству, лишь став продолжательницей рода, она могла рассчитывать на упрочение своего положения в семье, обществе. Как писал Лу Синь, «среди природных качеств китайской женщины имеются качества матери, дочери, но не жены» [цит. по: 9, с. 236].

Написанное от лица дочери стихотворение «Мать» из вышеупомянутого цикла раскрывает представления поэтессы на целый круг вопросов, для которых тема взаимоотношений матери и дочери становится отправной точкой: «Чжай приоткрывает внутреннюю, скрытую психологическую тьму, что порождает выраженный герметизм ее поэзии» [10, с. 56]. Откровенная ее лирика «не только раскрывает мир, на протяжении долгого времени сокрытый мужскими стереотипами, но и предлагает новую его интерпретацию и новые творческие возможности» [11, с. 14].

Приземленным предстает образ матери в стихотворении *Инь Личуань* 尹丽川 (род. 1973) «Мама» [12]. Форма диалога позволяет и оправдывает использование разговорного языка на самом повседневном его уровне. Образно-лексические возможности стихотворения достаточно скудны и вписываются в поэтику «нулевой степени письма». *Я, ты, одна (т.е. некая) женщина, другая женщина, пожилая женщина, старушка, веер, незнакомец* – не несут идеологических коннотаций, ценностно и эмоционально нейтральны.

Задаваемые матери вопросы: «*живешь для чего ты*»; «*одна женщина / как может быть другой женщины / мамой*»; «*ты поступила так, стоило ли оно того*»; «*что может подтвердить, / что это ты меня произвела на свет*»; «*кто для меня больший незнакомец, чем ты*» – на первый взгляд, ужасающе

циничны и беспощадны, они разрушают традиционный образ «любящей матери и почтительной дочери», привычное чувство «благодарности за материнскую любовь» [13]. Вместе с тем, подобные строки отражают представления молодежи, «окруженной идеологическим вакуумом», которая не может найти себя в привычной жизни. Такая поэзия показывает их альтернативный образ жизни, который сопровождается ощущением «будущего нет» и парадоксальным чувством того, что для немногочисленных счастливиц в больших городах Китая возможно все» [14, с. 309].

Более того, безжалостно констатируется, что когда-то *прекрасная и беззаботная* мама превратилась в пустую *старушку, брошенный веер, силуэт пожилой женщины*, которую героиня, возможно, стыдится с юношеским максимализмом (*в тринадцать лет я спросила, / живешь для чего ты*). Мать и дочь давно не разговаривают, для дочери мать предстает незнакомым человеком. Почти каждое молодое поколение выдвигает целый ряд обвинений в адрес старшего. Однако, очевидно, что конфликтом поколений не исчерпывается авторская интенция. Разрушая, деконструируя устоявшиеся и традиционные образы и отношения, Инь Личуань формирует новый взгляд на статус женщины, а точнее, возвращает к ее исходному статусу, мать является прежде всего женщиной. У женщины этой жизнь продолжается (а может, даже начинается) после того, как дети встанут на ноги (*я поступила в университет, мама, / ты живешь почему еще*), ее тело принадлежит ей, а не вскормленным детям (*с таким же телом, как и у тебя, / я должна сделать то, что ты не делала, мама*), у нее свой образ мысли, не ограничивающийся заботами о детях (*мама, кто для меня больший незнакомец, чем ты*).

Безвозвратной деконструкции подвергается и отвердевший порядок слов – прямой, инверсия членов предложения разрушает грамматические каноны литературного китайского языка: *活着为什么你* (*живешь для чего ты*); *你活着为什么又* (*ты живешь почему еще*). Обращение к матери часто оказывается в конце предложения/строки, что также не соответствует принятому рас-

положению слов. Вместе с тем, преобладающее отсутствие знаков препинания, в том числе в конце строки, позволяет рассматривать смежные строки как синтаксическое единство, обращение в таком случае выступает анжамбеманом, дающим дополнительные интерпретационные возможности и решающим задачи нивелирования стихотворного ритма.

За годы маоистского правления в китайском обществе произошло обезличивание и усреднение ключевых культурных образов. Успешно развернувшаяся политика «реформ и открытости» повлекла за собой смену художественных парадигм и поиски творческой идентификации. Образ матери, как наиболее устойчивый, позволяет проследить духовные трансформации китайского общества и одновременно свидетельствует о возникновении феномена женской литературы. Для большинства современных поэтесс материнство представляется как возвращение к женской сущности. Так, в произведениях Фу Тяньлинь любовь матери предстает как врожденное чувство женщины, и, став матерью, женщина реализует себя. Образ матери у нее раскрывается через ее внутренний мир, ее личные переживания, часто она становится субъектом произведения.

Ли Сяюй, Шу Тин от реально-бытового образа своей матери переходят к возвышенному образу матери, отсылая к образу прародительницы, а также обобщающему образу родины.

Инь Личуань, представитель младшего поколения поэтов, деконструируя традиционные представления общества о ценностной ориентации женщины исключительно на материнство, делает акцент на том, что мать – прежде всего женщина.

Таким образом, в современной женской поэзии Китая отсутствие идеализации образа матери и его «снижение» сосуществует параллельно с безусловными ценностно-функциональными доминантами образа матери.

Список литературы

1. *中国现代诗选*. Под ред. Чжан Тунъю. 北京: 现代出版社; 2010. (На кит. яз.)
2. Блюмхен С.И. Три сюжета о Нюй-ва: новая гипотеза. *Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература*. под ред. И. С. Смирнова. М.: РГГУ; 2010. с. 101–121.

3. *Поэзия и проза Китая XX века. О прошлом – для будущего.* сост. Г.Б. Ярославцев, Н.В. Захарова. М.: ЗАО Центрполиграф; 2002.
4. 李峰. 舒婷诗歌中的多义化母亲形象. *文史杂志*. 2006;(4). URL: <http://www.readers365.com/Wenshizazhi/wszz2006/wszz20060423.html> [дата обращения: 30.11.2022]. (На кит. яз.)
5. Хайдапова М.Б-О. Становление поэтического творчества Шу Тин. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2009;(8):197–202.
6. *朦胧诗精选. 海啸选编.* 哈尔滨: 黑龙江科技出版社; 2010. (На кит. яз.)
7. *Мост над рекой времени.* сост. В.И. Семанов, Б.Г. Валентинов. М.: Современник; 1989.
8. *Азиатская медь: антология современной китайской поэзии.* сост. Лю Вэньфэй. СПб.: «Петербургское востоковедение»; 2007.
9. Спешнев Н.А. *Китайцы: особенности национальной психологии.* СПб.: КАРО; 2011.
10. *Китайская поэзия сегодня.* сост. Н. Азарова, Ю. Дрейзис. М.: Культурная революция; 2017.
11. Jagusik Justyna. *Literary Body Discourses. Corporeality, Gender and Class Difference in Contemporary Chinese Women's Poetry and Fiction.* Zurich: University of Zurich, Faculty of Arts; 2016.
12. *中国现代诗歌大全.* URL: <http://www.shigeku.org/xlib/xd/sgdq/index.htm> [дата обращения: 20.12.2022]. (На кит. яз.)
13. 鲍宇琪. 浅析尹丽川的 “妈妈”. *文学教育*. 2011;(5). URL: http://www.yuyingchao.com/beike/html_qikan/wenxuejiaoyu_6/151406.html [дата обращения: 15.10.2022]. (На кит. яз.)
14. Crevel Maghiel van. *Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem and Money.* Leiden; Boston: Brill; 2008.

References

1. *Selected Modern Chinese Poems.* Zhang Tongwu zhubian. Beijing: xiandai chubanshe; 2010. (In Chin.)
2. Bl'umh'en S.I. Three Nyu-wa stories: a new hypothesis. *China and surroundings: mythology, folklore, literature.* ed. I.S. Smirnov. Mocsow: RSHU; 2010. P.101–121. (In Russ.)
3. *20th century Chinese poetry and prose. About the past – for the future.* comp. G.B. Yaroslavtsev, N.V. Zaharova. Moscow: ZAO Tsentrpoligraf; 2002. (In Russ.)
4. Li Feng. Polymorphic Mother's image in Shu Ting's Poetry. *Journal of Literature and History*. 2006;(4). Available from: <http://www.readers365.com/Wenshizazhi/wszz2006/wszz20060423.html> [accessed 30.11.2022]. (In Chin.)
5. Khaidapova M.B-O. The formation of poetic creativity of Shu Ting. *Bulletin of the Buryat State University*. 2009;(8):197–202. (In Russ.)
6. *Selected Misty Poems.* Hai Xiao xuanbian. Haerbin: Heilongjiang keji chubanshe; 2010. (In Chin.)
7. *Bridge over the river of time.* comp. V.Yi. Semanov, B.G. Valyentinov. Moscow: Sovremennik; 1989. (In Russ.)
8. *Asian Copper: An Anthology of Contemporary Chinese Poetry.* comp. Liu Wenfei. Saint-Petersburg: Petersburgskoye Vostokovedeniye; 2007. (In Russ.)
9. Speshnev N.A. *The Chinese: peculiarities of national psychology.* Saint-Petersburg: CA-RO; 2011. (In Russ.)
10. *Chinese poetry today.* comp. N. Azarova, Yu. Dreizis. Moscow: Cul'turnaya revol'utsiya; 2017. (In Russ.)

11. Jaguscik Justyna. *Literary Body Discourses. Corporeality, Gender and Class Difference in Contemporary Chinese Women's Poetry and Fiction*. Zurich: University of Zurich, Faculty of Arts; 2016.

12. *A Complete Collection of Modern Chinese Poetry*. Available from: <http://www.shigeku.org/xlib/xd/sgdq/index.htm> [accessed 20.12.2022]. (In Chin.)

13. Bao Yuqi. An analysis of Yin Lichuan's "Mama". *Literary Education*. 2011;(5). Available from: http://www.yuyingchao.com/beike/html_qikan/wenxuejiaoyu_6/151406.html [accessed 15.10.2022]. (In Chin.)

14. Crevel Maghiel van. *Chinese Poetry in Times of Mind, Mayhem and Money*. Leiden; Boston: Brill; 2008.

Автор публикации

Тугулова Ольга Доржиевна –

доцент

Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова

Улан-Удэ, Россия

Email: tugulova.olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.02.2023

Одобрена после рецензирования: 30.03.2023

Принята к публикации: 2.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный
вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Tugulova Olga Dorzhiyevna –

Associate Professor

Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russia

Email: tugulova.olga@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8456-1977>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.02.2023

Approved after peer reviewing: 30.03.2023

Accepted for publication: 2.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

Филологические науки

УДК 811.581

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186>

РАЗДЕЛЬНО-СЛИТНЫЕ СЛОВА ЛИХЭЦЫ С ВЫСОКОЙ
ИДИОМАТИЧНОСТЬЮ ЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

П.О. Кисель

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

14polink@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4186-0158>

Аннотация. В статье описываются семантические и синтагматические характеристики раздельно-слитных слов *лихэцы* в современном китайском языке, которые в рамках предлагаемой нами семантической классификации составляют группу раздельно-слитных слов с высокой идиоматичностью значения. Под высокой идиоматичностью значения единицы подразумевается невозможность выведения ее семантики из суммы значений компонентов. В статье последовательно рассматриваются примеры функционирования встречаемых вставок между компонентами раздельно-слитных слов *лихэцы* глагольно-именной модели. В ходе анализа корпусного материала было показано, что допускается ввод между компонентами комплекса числительных, счетных слов, счетных комплексов, единиц с количественной семантикой, местоимений, а также именных групп, называющих обязательных и второстепенных участников ситуации с различными семантическими ролями. Как демонстрируют рассмотренные примеры, вставные элементы не устанавливают полноценные атрибутивные отношения с именным компонентом, в препозиции к которому они находятся, что обусловлено высокой семантической спаянностью компонентов раздельно-слитных слов *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения. Счетные комплексы и местоимения в препозиции к именному компоненту не выступают его актуализаторами. Так, именные счетные слова выступают эквивалентами глагольных счетных слов, относясь к ситуации, обозначенной раздельно-слитным словом.

Ключевые слова: китайский язык; раздельно-слитные слова; лихэцы; глагольно-именная конструкция; именной компонент

Для цитирования: Кисель П.О. Раздельно-слитные слова *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения в современном китайском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 176–186. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186>

SEPARABLE WORDS LIHECI WITH HIGH IDIOMATIC MEANING IN
MODERN CHINESE

P.O. Kisel

Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

14polink@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4186-0158>

Abstract. The article describes characteristics of semantic and syntagmatic features of separable words *liheci* in modern Chinese, which, in the framework of our semantic classification, constitute a group of separable words with high idiomatic meaning. The high idiomaticity of a unit implies the impossibility of deriving its semantics from the sum of the values of the components. The

article consistently examines examples of the functioning of the inserted elements between the components of the verb-nominal construction of separable words *liheci*. A corpus-based analysis of language material shows such inserts before the nominal component of separable words *liheci* as numerals, measure words, counting complexes, units with quantitative semantics, pronouns, noun phrases, etc. As demonstrated by the examples reviewed, the inserted elements don't establish true attributive relations with the nominal component, in the preposition to which they are located, which is due to the high semantic unity of the components of the separable words *liheci* with high idiomatic meaning. Counting complexes and pronouns before the nominal component don't have function of its actualization. For example, noun measure words act as equivalents of verbal measure words, referring to the situation.

Keywords: Chinese; separable words; *liheci*; verb-object construction; nominal component

For citation: Kisel P.O. Separable Words *liheci* with High Idiomatic Meaning in Modern Chinese. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 176–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.176-186>

Раздельно-слитные слова *лихэцы* 离合词 *lihéci* в большинстве своем представляют собой двусложные глагольные комплексы, построенные по глагольно-именной модели. Как следует из внутренней формы китайского термина *лихэцы* 离合词 *lihéci*, предложенного Лу Чживэем в работе «Словообразование китайского языка» [1], компоненты данных единиц допускают как слитное, так и дистантное положение в речи за счет постановки различных вставок между ними, таких, например, как аспектуальные суффиксы, глагольные и именные счетные слова, указательные, неопределенные и вопросительные местоимения, прилагательные, именные группы.

Однако несмотря на формально общую способность к расчленению, раздельно-слитные комплексы современного китайского языка представляют собой разнородный как в структурном, так и в семантическом плане класс единиц, что отражается на их дистрибутивном потенциале и, как следствие, вызывает сложности у изучающих китайский язык. Как отмечает Тань Аошуан, такие единицы входят в список наиболее трудно осваиваемых грамматических явлений китайского языка [2, с. 494], в связи с чем актуальность исследования *лихэцы* сомнений не вызывает.

Раздельно-слитным комплексам современного китайского языка было уделено много внимания как в лингводидактическом аспекте [3], так и в кон-

тексте проблемы уровневой принадлежности данных единиц и их номинации [4; 5; 6; 7; 8; 9]. Что касается подробного рассмотрения структурно-семантических и синтагматических свойств раздельно-слитных слов, то данные вопросы фактически не получали специального освещения в китаистике. Между тем, представляется, что детальное рассмотрение свойств *лихэцы* при взаимодействии их компонентов с различного рода вставками позволит не только более осознанно употреблять данные единицы в речи, но и по-новому взглянуть на проблему их уровневой принадлежности.

Разнородность *лихэцы* как класса проявляется главным образом в семантике данных единиц и степени их словарности. Предлагаемая нами семантическая классификация включает три группы раздельно-слитных слов: *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения (*лихэцы* с компонентно-немотивированной семантикой), *лихэцы* с «пустым» дополнением и *лихэцы* с суммарным значением обоих компонентов (*лихэцы* с компонентно-мотивированной семантикой).

Объектом данного исследования выступают раздельно-слитные слова *лихэцы*, относимые нами к первой группе единиц с высокой идиоматичностью значения, предметом – семантические и синтагматические свойства данных единиц при дистантном функционировании их компонентов. Эмпирической базой исследования выступает Корпус китайского языка Пекинского университета [10] и «Словарь часто встречаемых раздельно-слитных слов *лихэцы* в современном китайском языке» под редакцией Чжоу Шанчжи [11].

Лихэцы с высокой идиоматичностью, являясь немногочисленной по составу группой, представляют собой единицы с максимальной степенью словарности, при которой значение комплекса невозможно получить, минуя словарь, так как семантика единицы невыводима из значений ее компонентов [4, с. 59]. В качестве примеров таких *лихэцы*-идиом можно привести следующие единицы: 吃醋 *chīcù* ‘ревновать’ (букв.: ‘есть’ + ‘уксус’), 加油 *jiāyóu* ‘прибавить силы, постараться’ (букв.: ‘прибавлять’ + ‘масло’), 吹牛 *chuīniú* ‘хвастаться, пускать

пыль в глаза’ (букв.: ‘раздуть’ + ‘корова’), 搗蛋 *dǎodàn* ‘скандалить’ (букв.: ‘бить’ + ‘яйцо’), 挂钩 *guàgōu* ‘установить контакт’ (букв.: ‘вешать’ + ‘крючок’), 出神 *chūshén* ‘глубоко задуматься’ (букв.: ‘испускать’ + ‘дух’) и др.

На периферии данной группы находятся раздельно-слитные комплексы, у которых наряду с переносным значением сохраняется и прямое, например:

翻身 *fānshēn* (букв.: ‘переворачивать’ + ‘тело’): 1. ‘ворочаться, переворачиваться с боку на бок’ 2. обр. в знач.: ‘начать новую жизнь, освободиться от гнета’.

В данном исследовании будут рассмотрены случаи разъединения *лихэцы* путем оформления именного компонента комплекса. В ходе анализа корпусного материала были выявлены дистрибутивные возможности раздельно-слитных слов *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения при вставке между компонентами таких элементов, как:

а) Счетные слова и счетные комплексы

В препозиции к именному компоненту встречаются счетные комплексы и счетные слова (классификаторы). Счетные слова как правило соотносят именные группы с объектами внеязыковой действительности, выполняя функцию актуализации, однако в рассматриваемых *лихэцы* именной компонент не имеет референта.

В препозиции к такому именному компоненту в единичных случаях встречается универсальное счетное слово 个 *gè* с этимологическим значением ‘штука’. Это связано с тем, что данный классификатор сочетается с многочисленным и неоднородным классом существительных, в том числе с именами, денотаты которых не ассоциируются с другими объектами или вообще лишены субстантивности [2, с. 641–642].

Находясь в препозиции к нереферентно употребленному именному компоненту, счетное слово 个 *gè* не актуализирует имя, а служит для квантификации ситуации, обозначенной раздельно-слитным глаголом (1-2):

(1) 他 来 这里 的 目的 一 是 学 艺, 二 是 跟 吴 老 板 挂 个 钩。

<i>Tā</i>	<i>lái</i>	<i>zhèlǐ de</i>	<i>mùdì</i>	<i>yī</i>
3SG.M	приезжать	здесь ATTR	цель	один

<i>shì</i>	<i>xué</i>	<i>yì,</i>	<i>èr</i>	<i>shì</i>	<i>gēn</i>
COP	учиться	искусство, два	COP		COM

<i>Wú</i>	<i>lǎobǎn</i>	<i>guà</i>	<i>gè</i>	<i>gōu</i>
У	директор	вешать	CLF	крючок

‘Целью его приезда является, во-первых, обучение ремеслу, а во-вторых, установление отношений с хозяином У’

В (1) именная группа 个钩 *gè gōu* в 挂个钩 *guà gè gōu* ‘установить отношения’ остается нереферентной, компонент 钩 *gōu* ‘крючок’ не выступает в своем исходном значении и, соответственно, не имеет референта.

(2) 日子 彻底 翻 了 个 身。

<i>Rìzi</i>	<i>chèdǐ</i>	<i>fān-le</i>	<i>gè</i>	<i>shēn</i>
Жизнь	окончательно	переворачивать-PFV	CLF	тело

‘Началась совершенно другая жизнь’

Постановка иных счетных слов при именных компонентах *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения также встречается очень редко. Так, например, нереферентно употребленный именной компонент 油 *yóu* ‘масло’ в *лихэцы* 加油 *jiāyóu* ‘прибавить силы, постараться’ принимает в препозиции счетное слово 把 *bǎ* ‘горсть’. Выбор счетного слова косвенно обусловлен исходной семантикой именного компонента:

(3) 我爱他们，我只为他们成长的过程**加一把油**。

Wǒ ài tāmen, wǒ zhǐ wèi tāmen
1SG любить 3PL, 1SG только для 3PL
chéngzhǎng de guòchéng jiā yī bǎ yóu
рост ATTR процесс прибавлять один CLF масло
‘Я люблю их и прилагаю усилия для их роста’

Отдельно стоит отметить раздельно-слитное слово **开刀** *kāidāo* ‘производить хирургическую операцию’ (букв.: ‘приводить в движение’ + ‘нож’). Именной компонент рассматриваемого двуслога способен выступать в качестве меры действия, принимая в препозиции единицы с количественной семантикой. Как представляется, это допустимо ввиду метонимического переноса «действие – инструмент действия». Последнее свидетельствует об относительной мотивированности значения комплекса его составляющими и позволяет отнести *лихэцы* **开刀** *kāidāo* на периферию рассматриваемой группы единиц с высокой идиоматичностью значения:

(4) 我 51 岁了，身上**开过**好几刀。

Wǒ 51 suì le, shēn-shang kāi-guò hǎojiǐ
1SG 51 год MOD, тело-LOC.сверху **управлять-EXP** много
dāo
нож

‘Мне 51 год и меня много раз оперировали’

б) Местоимения

В единичных случаях в препозиции к именному компоненту встречается вставка вопросительных местоимений, а также указательных групп, представляющих собой сочетания указательного местоимения и счетного слова.

Помещаемые внутрь *лихэцы* указательные группы в сочетании с именным компонентом, в препозиции к которому они находятся, выступают анафориче-

ским / катафорическим выражением, отсылающим к ранее или далее описываемой ситуации (5-6):

(5) 他们凭什么吹这个牛？

Tāmen píng shénme chuī zhè ge niú?

3PL на_основании что раздувать DEM CLF корова

‘Почему они хвастаются этим?’

(6) 谁敢吹这个牛——把一个濒临倒闭的亏损小厂变成全国同行的“大哥大”？

Shéi gǎn chuī zhè ge niú — bǎ yī gè

Кто сметь раздувать DEM CLF корова — ACC один CLF

bīnlín dǎobì de kuīsǔn xiǎo

примыкать банкротство ATTR убыток маленький

chǎng biàn-chéng quánguó tóng háng de

фабрика становиться-RES вся_страна одинаковый дело ATTR

“dàgēdà”?

старший_брат

‘Кто осмелится похвастаться этим – превращением маленькой убыточной фабрики, находящейся на грани банкротства, в "старшего брата" в данной отрасли?’

Вопросительное местоимение 什么 *shénme* формально находится в препозиции к именному компоненту в качестве его атрибута, однако, ввиду высокой семантической спаянности компонентов *лихэцы* рассматриваемой группы, всегда относится к ситуации в целом. В большинстве рассмотренных случаев употребление вопросительного местоимения 什么 *shénme* обусловлено прагматикой ситуации, оно вносит оттенок недовольства и неодобрения, типичный для риторических вопросов (7):

(7) 你出什么神? 快去工作!

Nǐ chū shénme shén? Kuài qù gōngzuò!
2SG испускать какой дух? Быстро уходить работать
‘О чем ты задумался?! Быстро иди работай!’

в) Именные группы

В препозиции к именному компоненту помещаются именные группы с семантикой времени. В состав раздельно-слитного предиката таким образом вводится сирконстант со значением срока, который выступает лишь формальным атрибутом к именному компоненту *лихэцы*:

(8) 林医生帮你开了一天的刀。

Lín yīshēng bāng nǐ kāi-le yī tiān
Линь доктор помогать 2SG управлять-PFV один день
de dāo
ATTR нож

‘Доктор Линь помог тебе и провел операцию, которая длилась целый день’.

Помимо ввода сирконстанта с семантикой срока встретились случаи постановки в препозиции к именному компоненту *лихэцы* актанта с ролью малефактива или стимула. В обоих случаях данные вставки синтаксически понижены до атрибутов именного компонента.

Между компонентами *лихэцы* 搗蛋 *dǎodàn* ‘скандалить’ допускается ввод актанта с ролью малефактива (9):

(9) 他的部队专门在嵯新奉公路上搗日本人的蛋。

Tā de bùduì zhuānmén zài Shèng
3SG.M ATTR войска специальный PREP Шэн
Xīnfèng gōnglù-shàng dǎo rìběnrén de dàn
Синьфэн дорога-LOC.сверху бить японец ATTR яйцо

‘Его рота умышленно прибавила хлопот японцам по пути в Синьфэн в уезде Шэн’.

Лихэцы 吃醋 *chīcù* ‘ревновать’ принимает между компонентами актант с ролью стимула (10):

(10) 我一直在吃她的醋!

Wǒ yīzhí zài chī tā de cù!
 1SG постоянно PROGR есть 3SG.F POSS уксус

‘Я всегда ее ревную!’

Проведенный анализ показал достаточно ограниченный набор допустимых вставок между компонентами раздельно-слитных слов *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения. Ввиду высокой идиоматичности комплекса, именной компонент *лихэцы* остается нереферентным и связанным с глагольным компонентом вне зависимости от оформления. Счетные комплексы, местоимения в препозиции к переосмысленному именному компоненту *лихэцы* с семантической точки зрения не могут выступать его актуализаторами. Именные счетные слова выступают эквивалентами глагольных счетных слов, относясь к ситуации, обозначенной раздельно-слитным словом.

Кроме того, между компонентами *лихэцы* данной группы встречаются случаи ввода актантов и сирконстантов, синтаксически пониженных до приименных атрибутов. Образованный при этом комплекс выражает обстоятельственные и объектные отношения.

В целом, *лихэцы* с высокой идиоматичностью значения демонстрируют весьма ограниченные возможности разъединения ввиду высокой семантической спаянности комплекса.

Список условных сокращений

- ACC — аккузатив;
- ATTR — атрибут;
- CLF — счетное слово, классификатор;
- COM — комитатив;
- COP — связка;
- DEM — демонстратив;
- EXP — экспериментив;
- F — женский род;

- М — мужской род;
 MOD — модальная частица;
 LOC — локатив;
 PFV — перфектив;
 PL — множественное число;
 POSS — посессив;
 PREP — предлог;
 PROGR — прогрессив;
 RES — результативная морфема;
 SG — единственное число.

Список литературы

1. Лу Чживэй. (陆志伟) *Словообразование китайского языка. (汉语的构词法)*. Пекин: Наука; 1957. (На кит.яз.)
2. Тянь Аошуан. *Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка)*. Москва: Языки славянской культуры; 2002.
3. Калинина Е.А., Хайдарова Л.Р. Сложности преподавания слитно-раздельных слов в китайском языке: причины и способы решения проблемы. *Казанский лингвистический журнал*. 2019;3(2):109–118.
4. Панфилов В.С. Слово в китайском языке (прототипический подход). *Вопросы языкознания*. 2008;(2):57–64.
5. Семенас А.Л. *Лексикология современного китайского языка*. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1992.
6. Чжоу Шанчжи. (周上之) *Исследование раздельно-слитных слов лихэцы в китайском языке: особенности морфем, слов, словосочетаний. (汉语离合词研究 – 汉语语素, 词, 短语的特殊性)* Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков; 2006. (На кит.яз.)
7. Ван Хайфэн. (王海峰) *Функциональное исследование раздельно-слитных единиц лихэцы в современном китайском языке: Дис. ... PhD. (现代汉语离合词离析形式功能研究: 博士研究生学位论文)* Пекин: Пекинский университет языка и культуры; 2008. (На кит.яз.)
8. Chao Yuen Ren. *A Grammar of Spoken Chinese*. Beijing: Commercial Press; 2011.
9. Jerome L. Packard. *The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University press; 2004.
10. Корпус китайского языка Пекинского университета. URL: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ [дата обращения: 04.02.2023].
11. Чжоу Шанчжи. (周上之) *Словарь часто встречаемых раздельно-слитных слов лихэцы в современном китайском языке (常用离合词用法词典)* Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры; 2011. (На кит.яз.)

References

1. Lu Zhiwei. *Word formation in Chinese*. Beijing: Kexue chubanshe; 1957. (In Chinese)

2. Tan Aoshuan. *Problems of hidden grammar: syntax, semantics and pragmatics of isolating language system (by example of the Chinese language)*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2002. (In Russ.)
3. Kalinina E.A., Haydarowa L.R. Difficulties of teaching of clutch words in Chinese: reasons and ways to solve the problem. *Kazan Linguistics Journal*. 2019;3(2):109–118. (In Russ.)
4. Panfilov V.S. Word in Chinese (prototypical approach). *Voprosy yazykoznaniya*. 2008;(2):57–64. (In Russ.)
5. Semenas A.L. *Lexicology of modern Chinese*. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury; 1992. (In Russ.)
6. Zhou Shangzhi. *The study on Chinese Separable Words – the particularity of Chinese morphemes, words and phrases*. Shanghai: Shanghai waiyu jiaoyu chubanshe; 2006. (In Chinese)
7. Wang Haifeng. *The study of the form and function of separable words in modern Chinese*. Ph. D. Thesis. Beijing; 2008. (In Chinese)
8. Chao Yuen Ren. *A Grammar of Spoken Chinese*. Beijing: Commercial Press; 2011.
9. Jerome L. Packard. *The Morphology of Chinese. A Linguistic and Cognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University press; 2004.
10. Center for Chinese Linguistics PKU. Available from: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/ [accessed: 04.02.2023].
11. Zhou Shangzhi. *A dictionary of the usage of common Chinese separable words*. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe; 2011. (In Chinese)

Автор публикации

Кисель Полина Олеговна –
ассистент
Санкт-Петербургский государственный
университет
Санкт-Петербург, Россия
Email: 14polink@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-4186-0158>

Author of the publication

Kisel Polina Olegovna –
Assistant
Saint Petersburg State University
St. Petersburg, Russia
Email: 14polink@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0009-4186-0158>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.02.2023
Одобрена после рецензирования: 16.03.2023
Принята к публикации: 5.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Article info

Submitted: 20.02.2023
Approved after peer reviewing: 16.03.2023
Accepted for publication: 5.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья
УДК 811.133.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.187-197>

**К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАНДЕМИИ НА
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ ФРАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ
ГОРОДА ПАРИЖА**

Д.Р. Сабирова¹, Т.Е. Калегина²

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия*

¹*dianasab@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>*

²*kalegina@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6784-2657>*

Аннотация. Актуальность выбранной темы исследования определяется редкой в истории современной лингвистики возможностью наблюдать и фиксировать последствия пандемии коронавируса для лингвистического ландшафта целых стран и крупных городов. В статье рассматривается роль периодов локдауна в изменении лингвистического ландшафта Парижа, в особенности в сфере наружной рекламы. Авторы обращают внимание на неразрывность и совокупность экстралингвистических и лингвистических факторов, на неизбежность глобальных изменений в эргонимике городов в связи с потребностью учитывать ранее игнорируемые частности и закономерности и, вероятно, на выявленную возможность не только анализировать, но и прогнозировать этапы развития лингвистического ландшафта под влиянием катаклизмов, а также обстоятельств непреодолимой силы. Авторы пришли к выводу о том, что уникальная ситуация в период карантина позволила взглянуть на процессы формирования лингвистического ландшафта с иного ракурса благодаря смене и перестановке приоритетов в связи с необходимостью соответствовать требованиям безопасности и запросам населения, интересам экономической политики. Материалы статьи могут представлять интерес для студентов-лингвистов, а также для широкого круга исследователей лингвистического ландшафта.

Ключевые слова: лингвистика; лингвистический ландшафт; эргоним; наружная реклама; Франция; Париж; пандемия

Для цитирования: Сабирова Д.Р., Калегина Т.Е. К вопросу о влиянии пандемии на лингвистический ландшафт Франции на примере города Парижа. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 187–197. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.187-197>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.187-197>

**THE IMPACT OF THE PANDEMIC ON THE LINGUISTIC LANDSCAPE
OF FRANCE. A CASE STUDY OF PARIS**

D.R. Sabirova¹, T.E. Kalegina²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*dianasab@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>*

²*kalegina@inbox.ru; <http://orcid.org/0000-0001-6784-2657>*

Abstract. The article examines the role of lockdown periods in changing the linguistic landscape of France, especially in the field of outdoor advertising. The subject of the analysis is the influence of extralinguistic factors on the ergonyms of Paris. The authors came to the conclusion that the unique situation during the pandemic made it possible to look at the processes of formation of

the linguistic landscape from a different angle due to the change and rearrangement of priorities, due to the need to meet security requirements, as well as the interests of economic policy. The authors draw attention to the combination of extralinguistic and linguistic factors, to the inevitability of global changes in the ergonomics of cities due to the need to take into account some factors previously ignored, and, probably, to the identified opportunity not only to analyze, but also to predict the stages of development of the linguistic landscape under the influence of cataclysms and force majeure circumstances. The material provided by the authors may be of a particular interest for those learning the English language as well as to a wide range of researchers of the linguistic landscape worldwide.

Keywords: linguistics; linguistic landscape; outdoor advertisement; France; Paris; pandemic

For citation: Sabirova D.R., Kalegina T.E. The Impact of the Pandemic on the Linguistic Landscape of France. A Case Study of Paris. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 187–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.187-197>

Пандемия «COVID-19» и, как следствие, введенные карантинные мероприятия, связанные в том числе с ограничениями передвижения, не могли не сказаться на лингвистическом ландшафте всей Франции и столицы, в частности. В сфере экономической деятельности ограничения, связанные с карантином, сделали обязательным временное закрытие магазинов и предприятий, «несущественных для жизни нации», а также мест общения и отдыха. Исключение было сделано для продовольственных магазинов и аптек. Безусловно, столь беспрецедентные меры имели свои последствия для эргономика: экономический фактор изменил лингвистический ландшафт, который, согласно широко известному и употребляемому определению [1], есть «язык общественных дорожных знаков, рекламных таблоидов, табличек с названиями улиц и мест, вывесок коммерческих предприятий, а также государственных учреждений» [2]. Фотографии опустевшего Парижа облетели весь мир, никого не оставили равнодушными одинокие манекены в витринах, сложенные столы и стулья на террасах кафе на улицах одного из самых посещаемых городов планеты [3]. Что касается обычно сильно оживленных артерий города, таких как Гран-Бульвар, улица Риволи, бульвары Сен-Жермен и Сен-Мишель, не говоря уже о набережной Сены и местах скопления книготорговцев – все они были пусты и безмолвны. Согласно сохранившимся

фотографиям улиц и проспектов, перед немногими одинокими прохожими представало уникальное, сюрреалистическое зрелище.

Согласно исследованию Global Ads Trends, во время кризиса Covid-19 объем инвестиций в рекламу упал, затронув все традиционные средства массовой информации, но особенно ощутимо это сказалось на наружной рекламе (-21%, против -16,2% у радио или -13,8% у телевидения) [4].

Попытка рекламодателей получить внимание потребителей иным способом, удешевить стоимость размещения привела к ряду исков и штрафов со стороны столичной мэрии (*pour infraction au règlement local de publicité (RLP)*) [8]. Астрономические штрафы сделали свое дело: Париж настаивал на соблюдении правил и открыто выступил против незаконной медийной рекламы. Мэрия столицы Франции давно планировала сделать рекламу менее навязчивой с целью сохранить аутентичность городского пейзажа. Как результат, отсутствие рекламных плакатов у школ и колледжей не удивляет горожан. В настоящее время запрещено их размещение на расстоянии менее 50 метров от всех учебных заведений, в том числе по причине того, что подростки являются основной целью и лакомой добычей для рекламодателей [5].

Экономические и энергетические последствия пандемии привели к 2021 году к ограничениям в использовании светящихся вывесок и цифровых экранов в витринах магазинов, а уже в 2022 году рассматривался вопрос их полного отключения в ночное время [6]. Мэрия Парижа проголосовала за отключение световой рекламы в ночное время с 1 декабря 2022 года с 23:00 до 06:00. Это решение предшествует постановлению правительства, предусматривающее принятие аналогичных мер на всей территории с 1 июня 2023 года.

Как следствие, Clear Channel, частный оператор информационных табло с электронными дисплеями, цифровых рекламных щитов, вывесок с подсветкой или раскрывающихся панно, был вынужден отключить все эти устройства. Исключение составили щиты и знаки с информацией, касающейся государственных услуг, безопасности дорожного движения и защиты прав

человека. Компанию JC Desaux, которая управляет размещением рекламы на тумбах Морриса, вывесками на газетных киосках и остановках транспорта, выключит подсветку с 01:00.

Мэрия также требовала транспортных операторов региона соблюдать режим отключения световых указателей на станциях метро, RER, железнодорожных станциях и автобусных остановках «в соответствии с графиком работы» в 23:45.

Если Иль-де-Франс Мобилитэ (IDFM), организация, регулирующая транспорт Франции, не примет участия в этих «коллективных усилиях», город будет использовать «все рычаги давления для наложения штрафов или даже приостановления финансирования». С 1 ноября 2022 года городские власти ожидали от представителей бизнеса, предприятий и офисов прекращения работы вывесок, «как только эти организации прекратят свою повседневную деятельность, а помещения больше не будут заняты» [6].

Таким образом, именно пандемия ускорила задуманное еще в 2011 году: лингвистический ландшафт столицы изменится в том, что касается освещения и световых табло, и данные изменения уже неизбежны и всеобъемлющи.

Интересным и, возможно, неслучайным результатом карантина стали еще более устойчивые позиции противников рекламы азартных игр и спортивных ставок в лингвистическом ландшафте страны и столицы, в частности.

Выросшее в результате принятого в 2010 году закона (n° 2010-476 du 12 mai 2010) количество рекламных объявлений операторов спортивных ставок и азартных пари выросла по экспоненте на 25% в период с 2014 по 2019 годы. В годы пандемии и карантина в 2020/2021 году сектор ставок на спорт переживал головокружительный взлет: объем ставок увеличивается на 47 %; валовой доход от игр – на 44 % (7), что неудивительно в связи с вынужденным ограничением передвижения населения и необходимостью изобретать развлечения в рамках пребывания в четырех стенах.

Особое внимание следует обратить на тот факт, что реклама ставок на спорт в первую очередь ориентирована на самых молодых и самых уязвимых, на целевую аудиторию таких операторов азартных игр, как Winamax, Zebet, Unibet, FDJ и т. д. В результате расходы на ставки на спорт среди лиц в возрасте от 18 до 24 лет выросли на 127% в первой половине года 2022 года и на 30% только за период чемпионата Европы по футболу, согласно исследованию, проведенному в 2021 году. Стало очевидным, что люди в возрасте 18–24 лет являются той группой населения, которая совершает наибольшее количество транзакций, связанных со ставками на спорт, следующая по заинтересованности и репрезентативности группа состоит из людей 24–35 лет. Это растущее вовлечение молодых людей ни в коей мере не связано с общественными интересами и необходимостью, но является прямым результатом агрессивной и преднамеренной рекламной стратегии со стороны игроков рынка.

Вызывает опасение то обстоятельство, что Европейская комиссия подчеркивает: подверженность несовершеннолетних воздействию рекламы азартных игр является неизменной и постоянной из-за присутствия объявлений и видеороликов во всех средствах массовой информации (телевидение, радио, социальные сети, Интернет, публичная реклама, журналы и газеты...). Во время Евро-2021 данный вид рекламы мог составлять до 40% рекламных плакатов на станциях метро в Париже и Петит-Крона [7].

Согласно опросу, проведенному по заказу Национального агентства по вопросам азартных игр и ставок, более трети детей в возрасте от 15 до 17 лет, признаются, что играли в азартные игры в течение 2021 года, в 28,3% случаев дети делали ставки на спорт, несмотря на запрет участия в них для несовершеннолетних. Давление игроков данной рекламной отрасли способствует «нормализации» практики ставок на спорт в обществе, достигаемой за счет растущей диверсификации рекламных каналов влияния и воздействия. Но за заявленными перспективами социального успеха,

возможностей преодолеть личные, профессиональные и социальные трудности скрывается реальность отрасли, экономическая модель которой зиждется на наиболее уязвимых людях и на потерях зависимых игроков.

Вот почему рекламные кампании ориентированы на жителей популярных в городе районов. Создатели рекламы используют культурные коды самого юного поколения. Например, реклама Winamax, использующая лейтмотив «Большой шанс, большой выигрыш, большое уважение» (*Grosse cote, gros gains, gros respect*), получила широкое распространение, несмотря на незаконно упоминаемое понятие «уважение», подразумевающее в данном конкретном случае достижение успеха в социуме с помощью ставок [8].

Таким образом, несмотря на то что указ Национального агентства по вопросам азартных игр и ставок (ANJ) от 4 ноября 2020 года «О порядке регулирования» запрещает рекламу, которая предполагает, что азартные игры способствуют социальному успеху и могут быть решением личных трудностей или даже представляют собой деятельность, позволяющую добиться успеха, зарабатывая на жизнь, приходится констатировать, что закон не всегда соблюдается. Как следствие, 23 февраля 2022 года ANJ обнародовало план действий по предотвращению чрезмерного вовлечения молодежи в азартные игры, разработанный после консультаций с игроками отрасли.

Все вышеизложенное свидетельствует о непосредственном влиянии пандемии на ситуацию в городской рекламе в свете защиты интересов подрастающего поколения.

Стоит отметить и тенденции в ограничениях, связанных с технической стороной вопроса размещения рекламных инсталляций на улицах города, в особенности на представляющих историческую ценность фасадах.

Появившаяся в начале 1990-х годов печать на брезенте очень быстро нашла применение в сфере коммуникаций. В настоящее время брезент широко используется для покрытия строительных лесов на зданиях, подлежащих сносу, ремонту или реконструкции, чтобы ограничить распространение пыли, шума

или влаги. Характеристики материала позволяют использовать брезент в качестве средства визуализации с учетом новых ограничений в том, что касается размера носителя и серьезного увеличения расстояния считывания этих изображений.

Подобно тому, как в свое время рекламные объявления на фронтонах зданий Османа позволили авторам идеи пересмотреть рекламный посыл в адрес парижан, можно представить, что коммуникация с помощью брезентовых полотен выйдет далеко за рамки простой и понятной рекламы продуктов питания. Размер, расположение и тот факт, что данные образцы наружной рекламы существуют в единственном экземпляре в течение ограниченного времени, делают сам способ оригинальным средством взаимодействия с аудиторией как для самого рекламируемого продукта (Телекоммуникация, коллекция прет-а-порте...), так и для популяризации городского объекта (Вандомская площадь) или места проведения мероприятий (улица Франсуа 1-я) [9].

Экономический интерес в непредсказуемой ситуации пандемии не ускользнул от законодателя, определившего правила размещения рекламы на исторических памятниках. Цель состояла в том, чтобы продать покрытое брезентом пространство рекламодателям, а часть денежных средств от продажи направить на финансирование процесса восстановления памятника. Действующие нормативные акты предусматривают, что рекламная площадь не может превышать 50% площади поверхности брезента, а оставшиеся 50% должны представлять собой изображение памятника, скрытого работами.

От данного решения относительно немаловажного для лингвистического ландшафта старинного города вопроса сохранности памятников истории и архитектуры несомненно выигрывают не только туристы, но и непосредственно сами парижане.

Закономерное влияние на лингвистический ландшафт оказал тот факт, что в период ограничений и карантинных мер многие рекламные компании

были закономерно перемещены и сосредоточены во всемирной сети и на телеканалах. Ключевые рекламодатели меняли концепции и логотипы, на билбордах появились слоганы в духе времени: *Merci de garder vos distances* (Спасибо, что соблюдаете дистанцию. Mercedes); *We Cann «nous pouvons» (nous en sortir)* (Мы можем обойтись. McCann).

Очень интересным с точки зрения особенностей менталитета населения стало отношение горожан к карантинным мерам, нашедшее отражение и выражение в объектах лингвистического ландшафта города. Неизменным агентом коммуникации стали образцы стритарта в поддержку врачей и медицинского персонала и философские изречения, такие как: *L'amour gagne toujours* (Любовь всегда побеждает) (10); *Si si j'insiste; lavie est belle et vous êtes comme elle* (Да, я настаиваю: жизнь прекрасна, Вы прекрасны) (11).

С возвращением к обычному ритму жизни бренды воспользовались возможностью запустить рекламные кампании, адаптированные к мерам по охране здоровья, активно расставляя акценты на ценности живого человеческого общения.

- *Gémo – Soutien officiel de votre moral.*

Réouverture des salles de sport. Vous n'allez quand même pas faire du sport avec le jogging que vous portez tous les jour depuis un an? (Gémo – официальная поддержка Вашего боевого духа. Открываются спортзалы. Вы же не будете заниматься спортом в трико, которое носили ежедневно целый год)? Именно таким образом Gémo представила свою новую кампанию, ожидая открытия своих магазинов после карантина.

- *Uber – Où irez-vous? Envoyer «j'arrive» en sortant de la douche. Fêter son anniversaire et celui de l'an dernier* (Uber – Куда вы отправитесь? Отправить «скоро буду» из душа. Отпраздновать день рождения. И прошлогодний тоже). Uber также стал одним из тех брендов, которые воспользовались новыми ограничительными мерами, представив довольно необычную кампанию, акцентирующую внимание на фрагментах и деталях повседневной жизни, на

мелочах, забытых на период действия ограничений. Реклама была размещена на улицах, на вокзалах и в метро [12].

В ходе данного исследования, основанного на материалах современных эпохе пандемии СМИ, законодательных инициативах управляющих Парижем структур, картографических источников [13] авторы пришли к выводу, что пандемия изменила облик живого, блистательного Парижа. Столь уникальная ситуация позволяет современным лингвистам пересмотреть, возможно, ракурс изучения способов формирования лингвистического ландшафта, обратить внимание на неразрывность и совокупность экстралингвистических и лингвистических факторов, на неизбежность глобальных изменений в эргономиконе городов в связи с потребностью учитывать ранее игнорируемые частности и закономерности и, вероятно, дает возможность не только анализировать, но и прогнозировать развитие лингвистического ландшафта под влиянием катаклизмов, вынужденных изменений и обстоятельств непреодолимой силы.

Список литературы

1. Rodrigue Landry, Richard Y. Bourhis. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. P. 23–49.
2. Durk Gorter. *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Multilingual Matters; 2006. P. 96.
3. Le Point. URL: https://www.lepoint.fr/societe/en-images-coronavirus-paris-ville-morte-17-03-2020-2367562_23.php#11 (дата обращения: 03.04.2023). (На фр. языке)
4. 20 minutes. URL: <https://www.20minutes.fr/paris/3009559-20210329-paris-vers-fin-publicite-numerique-rues-vitrines-capitale> (дата обращения: 29.03.2023). (На фр. языке)
5. 1jour1actu. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/moins-de-pubs-dans-les-rues-de-paris> (дата обращения: 04.04.2023) (На фр. языке)
6. Liberation. URL: https://www.liberation.fr/environnement/la-ville-de-paris-vote-extinction-de-la-publicite-lumineuse-la-nuit-des-le-1er-decembre-20221012_2LIYBG3ALNECBMLCNKWZTEJT6M/ (дата обращения: 04.04.2023) (На фр. языке)
7. Assemblee nationale. URL: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/116b0708_proposition-loi (дата обращения: 04.04.2023) (На фр. языке)
8. le Parisien. URL: <https://www.leparisien.fr/paris-75/pour-faire-sa-pub-winamax-mise-sur-des-bus-et-met-paris-en-colere-30-10-2019-8183535.php> (дата обращения: 04.04.2023) (На фр. языке)
9. Vide en ville. URL: <https://videenville.paris/galleries/deguisés-en-pub/> (дата обращения: 04.04.2023) (На фр. языке)
10. Paris secret. URL: <https://parissecret.com/des-messages-de-street-art-positifs-dessines-a-travers-paris/> (дата обращения: 03.04.2023) (На фр. языке)

11. Kazam. URL: <https://www.kazamprod.com/news/les-changements-dans-la-publicite-du-au-covid-19/> (дата обращения: 03.04.2023) (На фр. языке)
12. Vingtdeux. URL: <https://vingtdeux.fr/les-10-campagnes-de-pub-post-confinement/> (дата обращения: 03.04.2023) (На фр. языке)
13. Google. URL: <https://www.google.ru/maps/search/ergonym+de+paris+> (дата обращения: 29.03.2023) (На фр. языке)

References

1. Rodrigue Landry, Richard Y. Bourhis. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study. *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. P. 23–49.
2. Durk Gorter. *Linguistic Landscape: A New Approach to Multilingualism*. Multilingual Matters; 2006. P. 96.
3. Le Point. Available from: https://www.lepoint.fr/societe/en-images-coronavirus-paris-ville-morte-17-03-2020-2367562_23.php#11 (accessed: 03.04.2023). (In French)
4. 20 minutes. Available from: <https://www.20minutes.fr/paris/3009559-20210329-paris-vers-fin-publicite-numerique-rues-vitrines-capitale> (accessed: 29.03.2023). (In French)
5. 1jour1actu. Available from: <https://www.1jour1actu.com/france/moins-de-pubs-dans-les-rues-de-paris> (accessed: 04.04.2023). (In French)
6. Liberation. Available from: https://www.liberation.fr/environnement/la-ville-de-paris-vote-extinction-de-la-publicite-lumineuse-la-nuit-des-le-1er-decembre-20221012_2LIYBG3ALNECBMLCNKWZTEJT6M/ (accessed 04.04.2023). (In French)
7. Assemblée nationale. Available from: https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/16/textes/116b0708_proposition-loi (accessed: 04.04.2023). (In French)
8. le Parisien. Available from: <https://www.leparisien.fr/paris-75/pour-faire-sa-pub-winamax-mise-sur-des-bus-et-met-paris-en-colere-30-10-2019-8183535.php> (accessed: 04.04.2023). (In French)
9. Vide en ville. Available from: <https://videenville.paris/galleries/deguiises-en-pub/> (accessed: 04.04.2023). (In French)
10. Paris secret. Available from: <https://parissecret.com/des-messages-de-street-art-positifs-dessines-a-travers-paris/> (accessed: 03.04.2023). (In French)
11. Kazam. Available from: <https://www.kazamprod.com/news/les-changements-dans-la-publicite-du-au-covid-19/> (accessed: 03.04.2023). (In French)
12. Vingtdeux. Available from: <https://vingtdeux.fr/les-10-campagnes-de-pub-post-confinement/> (accessed: 03.04.2023.) (In French)
13. Google. Available from: <https://www.google.ru/maps/search/ergonym+de+paris+> (accessed: 29.03.2023). (In French)

Авторпубликации

Сабирова Диана Рустамовна –
доктор педагогических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: dianasab@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Калегина Татьяна Евгеньевна –
старший преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: kalegina@inbox.ru
<http://orcid.org/0000-0001-6784-2657>

Author of the publication

Sabirova Diana Rustamovna –
Doctor of Science, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: dianasab@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-7657-5260>

Kalegina Tatiana Evgenievna–
Senior lecturer
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: kalegina@inbox.ru
<http://orcid.org/0000-0001-6784-2657>

***Раскрытие информации о конфликте
интересов***

*Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.*

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.02.2023

Одобрена после рецензирования: 30.03.2023

Принята к публикации: 2.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.02.2023

Approved after peer reviewing: 30.03.2023

Accepted for publication: 2.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
PHILOLOGY. LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

Научная статья

Филологические науки

УДК 81`25

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.198-210>

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С КОРЕЙСКОГО НА
РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА**

Э.К. Хабибуллина¹, С. Чжу²

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,

Республика Татарстан, Россия

¹*minabova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>*

²*endsoul0504@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>*

Аннотация. В данной работе на основе имеющихся исследований были рассмотрены произвольно выбранные предложения из художественного произведения – романа «Принцесса Пари», также были сопоставлены и проанализированы язык оригинала и язык перевода через классификацию трансляционного (переводческого) сдвига в теории сравнительной стилистики. Данную работу можно назвать первым исследованием, посвященным ранее не затрагиваемому сравнению синтаксических трансформаций в корейском и русском языках. Настоящее исследование направлено на сравнение словосочетаний. Актуальность работы заключается в представлении основных положений исследования о взаимосвязи трансформации перевода и компетентности перевода в целом, благодаря чему функции трансляционного сдвига могут способствовать более глубокому пониманию функций грамматических категорий. Сопоставление синтаксической трансформации корейских и русских словосочетаний также заслуживает сравнительного лингвистического исследования. Данная статья включает: во-первых, изучение предыдущих исследований синтаксического преобразования; во-вторых, сравнение специфики синтаксических словосочетаний в русском и корейском языках; в-третьих, обсуждение особенностей синтаксической трансформации оригинального текста современного корейского произведения «Принцесса Пари» и его перевода на русский язык. Далее в работе следует анализ эмпирического материала и его результаты. В заключении делаются соответствующие выводы.

Ключевые слова: теория перевода; художественное произведение; синтаксическая трансформация; корейский язык; члены предложения; словосочетание

Для цитирования: Хабибуллина Э.К., Чжу С. Синтаксические трансформации при переводе художественных произведений с корейского на русский язык на примере перевода. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(2): 198–210. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.198-210>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.198-210>

**SYNTACTIC TRANSFORMATIONS ON THE EXAMPLE SENTENCES OF
TRANSLATING LITERARY WORKS FROM KOREAN TO RUSSIAN**

E.K. Khabibullina¹, S. Ju²

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

¹*minabova@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>*

²*endsoul0504@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>*

Abstract. The paper examined randomly selected sentences from the novel “Princess Bari” on the basis of available research, also compared and analyzed the original language and the translation language as a kind of translation transformation in the theory of comparative stylistics. In addition, this work can be considered the first study devoted to the previously unaffected comparison of syntactic transformation of the Korean and Russian languages. This study is of a formal nature and is aimed at comparing phrases. The relevance of the work is to present the main provisions of the study on the relationship between translation transformation and translation competence in general, so that the functions of translation transformation can contribute to a deeper understanding of the functions of grammatical categories. The comparison of the syntactic transformation of Korean and Russian phrases also deserves comparative linguistic research. This article includes: firstly, an analysis of previous studies of syntactic transformation; secondly, a comparison of the specifics of syntactic phrases in the Russian and Korean languages; thirdly, a discussion of the features of the syntactic transformation of the original text of the modern Korean work “Princess Bari” and its translation into Russian. Further in the work follows the analysis of the study and its results. In the end of the article, the relevant conclusions are drawn.

Keywords: translation studies; literary works; syntactic transformation; Korean language; sentence members; phrase

For citation: Khabibullina E.K., Ju S. Syntactic Transformations on the Example of Translating a Literary Work from Korean to Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 198–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.198-210>

Данное исследование значимо в связи с отсутствием работ, посвященных изучению переводов художественной литературы с корейского на русский язык с точки зрения синтаксической трансформации (далее СТ). Актуальность работы – представление основных положений исследования о взаимосвязи трансформации перевода и компетентности перевода в целом, функции трансляционного (переводческого) сдвига могут способствовать более глубокому пониманию функций грамматических категорий.

Объектом исследования являются СТ, возникающие при переводе художественных произведений корейской литературы на русский. Предмет изучения – особенности СТ, способы трансляционного сдвига (далее ТС) корейской художественной литературы.

Примеры для исследования приведены из романа «Принцесса Пари», основанного на мотиве песни «Паридэги» в исполнении корейского шамана. В 2015 году этот роман издан ООО ИД «Луч» в Москве и переведен с корейского на русский Андреем Рыжовым.

Целью данной работы является изучение текстов оригинала и перевода на

основе лингвистического анализа и исследование особенностей ТС.

В работе применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный анализ текста исходного языка и перевода; метод сравнительного анализа синтаксиса в данной работе был использован с точки зрения корейского синтаксиса, а при необходимости применен и с точки зрения русского синтаксиса.

Причина сравнения СТ заключается в том, что взаимосвязь эквивалентов иностранного языка (ИЯ) и языка перевода (ЯП) объясняет логическую связь языковой универсальностью. В сравнении СТ представляют систему функциональных подходов двумя группами. Первая группа – это общие способы сравнения синтаксической системы: к ним относится сравнение падежей, сравнение частей речи, сравнение грамматических форм и сравнение грамматических единиц. Способы второй группы классификации определяются в зависимости от ИЯ и ЯП. Прежде всего следует изучить уже существующие работы, связанные с СТ перевода, – работы Хабибуллиной Э.К. (2016), Скрипкиной Г.В. (2001), Ли Хэ Сын (2013).

Согласно работе Э.К. Хабибуллиной [1], в общем виде СТ представляет собой замену синтаксической конструкции одного типа на другую, а суть СТ заключается в изменении функции слов и словосочетаний посредством их преобразования. По причине необходимости сохранения в переведенной работе синтаксической структуры текста оригинала наряду с его содержанием предложения на целевом языке должны сохранять структуру предложения ИЯ. Было выявлено явное синтаксическое сходство в переводах татарского и турецкого языков, что объясняется схожестью между языковыми группами и ГК.

В работе Г.В. Скрипкиной [2] анализ СТ в переводах показал, что наряду с изменениями порядка слов наиболее часто применялось объединение и дробление предложений. Рассмотрев случаи объединения и дробления предложений при переводе, можно прийти к выводу, что синтаксические трансформации происходят в пределах высказывания [2, с. 447, 449]. Г.В. Скрипкина изучала

перевод на немецкий и русский языки и пришла к выводу, что в ходе СТ в зависимости от внутренней структуры один элемент преобразуется в один или несколько компонентов предложения в переведенном варианте.

В ходе проведения нашего исследования была рассмотрена статья Ли Хе Сын [3]. Эта статья представляет собой исследование доместикации и форенизации путем сравнения переводов на русский и корейский «Лекций по русской литературе» (1981) Владимира Набокова, написанных на английском языке. Хотя оригинал не является литературным произведением, с точки зрения объема выражений видно, что в корейском варианте все исходные выражения переведены напрямую, как есть, включая дополнительные пояснения касательно русской культуры, и за счет нейтрализации через противопоставление русского и других языков. В противовес этому в работе говорится, что в ЯП всегда можно обнаружить примеры локализации, в которых буквальное выражение исходного текста изменяется более выразительным образным выражением, или образное выражение в исходном тексте преобразуется в корейское образное выражение с аналогичным значением. Делается вывод, что на структурном уровне перевод с русского на корейский существенно не отличается от оригинального текста.

Поскольку исследования СТ в русских и корейских художественных произведениях ранее не проводились, рассматривались работы по переводу лекционных изданий, не являющихся литературным произведением. В этом случае в своей работе Ли Хе Сын пришел к заключению, что отличий в грамматической структуре между оригиналом на русском и переведенной версией на корейском нет, однако, поскольку исследование не проводилось с точки зрения сравнения каждого синтаксического уровня, мы пришли к выводу, что необходимы более подробные исследования данной темы.

Эта статья представляет собой исследование ТС в романе Хван Согён «Принцесса Пари» [4] и сравнительный анализ синтаксической конверсии между русским и корейским языками. В данной работе было решено использовать понятие «трансляционный сдвиг», поскольку исследование ориентировано на

изучение синтаксических, а не семантических явлений. Этот термин используется в качестве понятия для наблюдения за формальным соотношением с целью передачи одинакового значения и ценностей.

Взглянув на стилистические характеристики корейского романа «Принцесса Паридеги», можно заметить, что в тексте было использовано множество диалектных выражений, употребляемых в разговорной речи. Алломорф – это вид морфемы, изменяющей свою фонетическую форму в зависимости от конкретной позиции, – относится к фонологической замене. Иностранцам будет сложно понять стили, в которых используется другая форма разговорной речи. Другими словами, даже если одна морфема (фонема) слова меняет свою форму на нестандартную, меняется только фонема, грамматическая функция и значение остаются теми же.

Дискуссия по этому поводу выражена в исследовании Е.А. Найды [5], где говорится о наличии общего семантического различия, но при этом другой фонологической форме. Заново интерпретируя данные слова, получается, что формы с одинаковым значением, но разными фонологическими формами можно рассматривать как единую морфему. В лингвистике это называется дистрибуцией [6, с. 30].

Использовалась электронная версия оригинального текста романа на корейском языке. В качестве источника указываются страницы переведенного текста, а не оригинала, поскольку электронный вариант подстраивается под настройки пользователя и, в соответствии с этим, страницы могут меняться.

Далее в таблице приведены выявленные примеры СТ в форме списка оригиналов, их транскрипций на латиницу и переведенного на русский язык варианта «Принцесса Пари».

Таблица 1.

	ИЯ	ЯП [7]
①	내가 무산에 <u>믿을 만한</u> 동무한테 일러두겠으니	<u>В Мусане</u> у меня есть <u>надёжные люди</u> , [с. 65]

②	<u>무슨 짓덜이야?</u>	<u>что же вы такое творите?</u> [с. 61]
③	<u>육신을 버린 너를</u>	<u>когда ты вышла из своего тела,</u> [с. 129]
④	지평선 끝까지 나무들이 보이고 <u>기둥이</u> <u>줄지어 서 있는 큰 돌집을</u> 떠났어요.	Вы покинули <u>большой каменный дом с колоннами</u> в лесу, который простирается до самого горизонта. [с. 166]
⑤	그는 <u>한가한 사람이</u> 아니었다.	Дядя Сорён был <u>очень занятой человек.</u> [с. 106]
⑥	뼈들이 서로 부딪쳐 <u>달그락달그락거리는 소리가</u> 장단을 맞춘다.	Ударяющиеся друг о друга кости <u>гремят</u> в такт. [с. 136]
⑦	<u>전근 오기를</u> 잘했다고 아버지를 <u>더욱</u> <u>자랑스러워한 것도...</u>	<u>что переехали поближе к границе,</u> и <u>ещё</u> <u>больше стали гордиться отцом.</u> [с. 41]
⑧	“ <u>내 그적에 저거 다리를 데깍 분지르구</u> <u>뛰었어야 새 인생을 개척했갔는데</u> ”하며	говорил: « <u>Мне не стоило тогда возиться с вами,</u> а нужно было дать дёру. <u>И совсем иначе построил бы я свою жизнь</u> » [с. 18]
⑨	<u>우리아버지농담</u>	<u>из-за шутки отца.</u> [с. 40]
⑩	‘네가 나하고 똑같이 <u>닐곱채로구나.</u> ’ 그렇게 나는 속으로 <u>다시 말했다.</u>	« <u>Ты, как и я, седьмой по счёту?</u> »— <u>спросила я</u> про себя. [с. 30]
⑪	<u>그런 게 아니라</u> 지게다리 <u>홀쩍 자빠지멘</u>	— <u>Да нет же,</u> верёвка, привязанная к ножкам чиге, всё дёргалась. [с. 181]

В примере ① подчеркнутая фраза ИЯ содержит атрибутивное словосочетание «믿을 만한» и играет роль косвенного дополнения, поэтому может называться именительным придаточным (далее ИП) предложением. Перевод относится к типу замены, и с точки зрения понятия отдельного слова, можно назвать это интенсификацией, поскольку при переводе произошла замена трех отдельных слов в ИЯ на два слова «надежные люди» в переведенном варианте. По-

скольку это замена части речи, она относится к типу ТС, называемой «полной заменой». Форма соединения словосочетаний в корейском языке выглядит так: [глагол (далее гл.) + ГК ‘-을 만한’ + атр. окончание ‘ㄴ’ + сущ. + джоса], в русском языке это [прил. + сущ.]. В корейском языке термин «Джоса» – это соединительные окончания, которые добавляются не только к существительным, числительным и местоимениям, но и к грамматическим морфемам.

② В языке ИЯ «무슨 짓덜이야?» представляет собой форму [атрибутив + зависимое существительное (далее сущ.) + джоса ‘덜’ (+ связка ‘이다’)]. Исходная фраза состоит из такой комбинации и является глагольным словосочетанием. Перевод был разделен на «что же» и «такое творите?» по форме [частица (далее част.) + част.] и [мест. + гл.], а также был разделен на существительное словосочетание (далее СС) и предикативное придаточное (далее ПП) предложение. С точки зрения ИЯ тип трансформации в данном случае представляет собой подстановку, а в подстановку в свою очередь входит дополнение как подтип. В то же время может быть включен еще один тип ТС – «эквивалентность». Слово «짓» означает «поступок, движение, жест», и поэтому можно сказать, что оно семантически соответствует русскому «творите». Когда есть возможность использовать два типа ТС, возникает проблема: выбрать только один тип или применить сразу два.

③ В ИЯ «육신을 버린 너를» является частью дополнения, но, поскольку гл. ‘버린 (бросать, оставлять)’ выступает в роли атрибутива, появляется именительное придаточное предложение, которое в свою очередь является частью подлежащего. Оригинальная форма [сущ. + атрибутивное (далее атр.) [гл. + атр. окончание] + сущ. (+джоса)] была переведена как «ты вышла из своего тела», в ЯП фраза входит в состав эквивалентного предложения, форма которого выглядит так: [мест. + гл. + предлог + мест. + сущ.]. В эту динамично переведенную фразу было добавлено «из своего». По причине того, что в предложениях на корей-

ском самого себя обозначают не так часто, в данном случае типом ТС будет скорее «пояснение», чем «дополнение». Хотя часть в переводе с «вышла» семантически не согласуется с оригиналом «버린», это можно интерпретировать как разновидность ТС – «модуляции», меняющей направление точки зрения.

④ «기둥이 줄지어 서 있는 큰 돌집을» исходного текста соответствует ИП части, имеющей форму [сущ. + обстоятельство + атр. + сущ. (+джоса)], как компонент предложения соответствует «дополнению». В ЯП эта часть звучит как «большой каменный дом с колоннами» со структурой [прил. + прил. + сущ. + предлог + сущ.], и опять же эти части ТС не соответствуют друг другу. В переведенной версии опущено значение «стоя по порядку (줄지어 서 있는)», поэтому типом ТС является опущение. Если обратить внимание на порядок слов, то можно заметить, как передние части меняются с задними, что говорит о типе пересечения.

⑤ В ИЯ «한가한 사람이» [атр. [прил. (гл. состояния) + атр. окончание (+джоса)] + сущ. + джоса] выступает в роли восполнения (보어), потому что после этого идет слово ‘아니다’, и так как «한가한» изначально является глаголом состояния, это часть в корейском синтаксисе можно назвать ИП предложением. В ИЯ предложение было отрицательным, а в ЯП было заменено положительным предложением, было также добавлено слово «очень», что изменило структуру [наречие + прил. + сущ.]. Хотя синтаксически структура ИЯ и ЯП совпадает не полностью, она частично пересекается.

⑥ ИП предложение «달그락달그락거리는 소리가» со структурой [атр. [сущ. (звукоподражательное) + аффикс ‘-거리다(горида)’ + атр. окончание ‘ㄴ’] + сущ. (+джоса)] является подлежащим. В русском языке нет аналога звукоподражательному «달그락달그락거리는 (дальгыракдальгыракгоринын)», по этой причине эта часть была заменена глаголом «гремят». Следовательно, типом ТС является «замена», при более подробном разборе преобразование перевода включает в

себя «интенсификацию», так как глаголы и существительные вместе становятся глаголами и «адаптацией», поскольку происходит компенсация культурных различий звукоподражания.

⑦ Фраза «전근 오기를» в ИЯ имеет структуру [сущ. + сущ. [гл. + трансформационное окончание сущ. ‘-기’] (+джоса)], где глагол является атрибутивным, выступает в роли именительного придаточного предложения. В переводе оригинальная фраза имеет эквивалент «что переехали», однако она была подчиненным предложением со структурой [част. + гл.]. Фраза ИЯ «더욱 자랑스러운 것도» соответствует переводу «ещё больше стали гордиться». Структура ИЯ [наречие + атр. + зависимое сущ.(+джоса)] соответствует именительному придаточному предложению, структура переведенной версии [част. + наречие + вспомогательный гл. + непереходный гл.]. Два этих синтаксических варианта имеют абсолютно разную структуру, в большинстве случаев типом ТС была «полная замена».

⑧ Оригинальная подчеркнутая фраза содержит придаточное предложение с цитатой, перевод «Мне не стоило тогда возиться с вами, а нужно было дать дёру. И совсем иначе построил бы свою жизнь» так же содержит придаточное предложение с цитатой, но он был разделен на два предложения. Смысл предложения искажен не сильно, однако синтаксически их структура снова не совпадает. Данный случай ТС, когда содержание определенной части предложения делится на несколько частей или на отдельные члены предложения, можно назвать «разбавлением», так как одно предложение ИЯ было разделено на два в переводе.

⑨ Фраза на ИЯ «우리 아버지 농담» со структурой [притяжательное мест. + сущ. + сущ.] является существительным словосочетанием, выполняющим роль существительного. Соответствующий перевод – «шутки отца», фраза состоит из [сущ. + сущ. (с родительным падежом)] и, поскольку расположена она после частицы «из-за», словосочетание выполняет роль определения и является имен-

НЫМ СЛОВСОЧЕТАНИЕМ.

В ⑩ примере придаточное предложение с цитатой структуры «네가 나하고 똑같이 널곱채로구나» остается в переводе тем же придаточным предложением с цитатой. Фраза «다시 말했다. (снова говорила)» выполняет предикативную функцию и является ПП. На ЯП она заменена словом «спросила», хотя в ИЯ это не вопросительное предложение, а предложение с цитатой. Можно сказать, что в данном случае появилась смысловая потеря.

В примере ⑪ первая фраза ИЯ «그런 게 아니라» со структурой [атр. + зависимое имя сущ. + прил.] относится к наречному придаточному предложению, выполняющему роль наречия. В ЯП используется наречное словосочетание «Да нет же», его структура представлена как [част. + част. + част.]. Так как это похоже на последовательную замену слов, считается, что этот тип сдвига называется «прямым переводом». Вторая фраза на ИЯ «흠쩍 자빠지멘» не имеет определенного эквивалента на целевом языке. «흠쩍» – это изобразительное слово, а «멘» другая форма частицы «면». Эта фраза со структурой [сущ. + гл.] является сложносочиненным предложением (с точки зрения русского синтаксиса). Это предложение содержит множество диалектов и нестандартных выражений. Так как эти диалектизмы отражают региональные особенности и особенности временного периода, вызывает сожаление тот факт, что они не отражаются на ЯП.

По результатам проведения исследований СТ на уровне словосочетаний при переводе корейских художественных произведений на русский язык мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, Ли Хе Сын пришла к выводу, что с точки зрения структурного уровня (хотя в ее работе нет подробных описаний того, что собой представляет структурный уровень) в переводах на русский и корейский большой разницы

нет. Однако в ходе анализа СТ данного исследования было выявлено явное различие системы преобразований. в рамках данного исследования, словосочетаний и придаточного предложения только обсуждались, можно сделать вывод, что случаев синтаксического уподобления в корейском и русском языках не так много.

Во-вторых, в работе Г.В. Скрипкиной говорится об одном или нескольких компонентах перевода, судя по внутренней структуре синтаксических преобразований немецкого и русского языков. Однако если обратиться к сравнению перевода выражений при трансформации синтаксиса корейского и русского языков, то можно увидеть, что единого признака не существует, есть множество вариаций перевода. При классификации типов ТС в корейском и русском языках типы различаются в зависимости от точек зрения, если наблюдается два типа сдвигов или более, становится трудно выделить только один тип.

В-третьих, при опущении некоторых элементов ИЯ в ТС опущение будет считаться вынужденным, когда элементы ИЯ не утрачиваются, но есть безэквивалентная лексика. Однако если опущение делается при возможной утрате элементов, оно может рассматриваться как добровольное.

В-четвертых, в художественной литературе алломорфы могут иметь очень важное стилистическое значение для корейских произведений. Так как эти диалектизмы отражают региональные особенности и особенности исторического периода, необходимо, чтобы эти элементы отражались и в языке перевода.

Список литературы

1. Хабибуллина Э.К. Языковые трансформации при переводе татарской литературы на турецкий язык. Казань: Казанский (Приволжский) Федеральный Университет. автореферат дис. кандидата филологических наук; 2016. 283 с.
2. Скрипкина Г.В. Синтаксические трансформации в переводах романа Э.М. Ремарка «Три товарища». Чебоксары: *сборник научных статей по материалам XXXI. Международной научно-практической конференции*; 2021. С. 441–450.
3. Ли Хэ Сын. Сравнительный анализ в переводе одного и того же текста на русский и корейский языки – Акцентирование внимания на локализации и интронизации." *동일 원문에 대한 러시아어와 한국어 번역 사례 비교 분석 - 자국화와 이국화를 중심으로*". Сеул: *Научно-исследовательский институт устного и письменного перевода Ханкукского университета иностранных языков*. 2013;17(1):203–223. (На кор. яз.)

4. Хван Согён. *Паридэги*. “*바리데기*”. Пхаджу: Изд-во. ЧанБи. Электронная книга. 2007. (На кор. яз.)
5. Найда Э.А. Морфология: описательный анализ слов. Мичиган: Изд-во Мичиганского университета; 1972. 342 с. (На англ. яз.)
6. Чой Кюсу. *Понимание по корейской морфологии*. “*한국어 형태론의 이해*”. 2-е изд. Сеул: Изд-во. Ёкра; 2019. 392 с. (На кор. яз.)
7. Хван Согён. *Принцесса Пари*. пер. с корейского на русский Андрея Рыжкова. М.: Изд-во Луч; 2015. 286 с.

Reference

1. Khabibullina E.K. Linguistic transformations in the translation of Tatar literature into Turkish. Kazan: Kazan (Volga region) Federal University abstract dis. candidate of philological sciences; 2016. 283 p. (In Russ.)
2. Skripkina G.V. Syntactic transformations in translations of E.M. Remarque's novel “Three torvrishcha”. *Cheboksary: collection of scientific articles based on the materials of the XXXI International Scientific and Practical Conference*; 2021. pp. 441–450. (In Russ.)
3. Lee Hye-Seung. The comparative analysis of the translation into Russian and Korean on the basis of domestication and foreignization. Seoul: *Interpreting and Translation Research Institute, Hankuk University of Foreign Studies*. 2013;17(1):203–223. (In Kor.)
4. Hwang Seok-young. *Baridegi*. Paju: Publishing Changbi; 2007. eBooks. (In Kor.)
5. Nida E. A. *Morphology: The Descriptive Analysis of Words*. Michigan: The University of Michigan Press. (in 1949); 1972. 342 p.
6. Choi Kyusu. *Understanding Korean Morphology*. 2nd ed. print. Seoul: Publishing Yeokrak; 2019. 392 p. (In Kor.)
7. Hwang Seok-young. *Princess Pari*. Translation from Korean into Russian by Andrey Ryzhkov. Moscow: Luch; 2015. 286 p. (In Russ.)

Автор публикации

Хабибуллина Эльмира Камилевна –
кандидат филологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: minabova@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

Чжу Сун Мен –
кандидат филологических наук,
преподаватель
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: endoeul0504@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 5.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Author of the publication

Khabibullina Elmira Kamilevna –
PhD. in Philology, Associate Professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: minabova@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1709-275X>

Ju Sun Mean –
Philological Sciences, teacher
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: endoeul0504@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0001-7594-3378>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 5.05.2023

The author has read and approved the final manu-

script.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81.13, 159.9.072

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.211-222>

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЭМОЦИИ И
ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ, В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ
НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ОНЛАЙН-СМИ**

Е.М. Алексеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань,
Республика Татарстан, Россия
ealekseeva@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Аннотация. Статья посвящена изучению лексических единиц, обозначающих эмоции и психические состояния, употребляемых при освещении общественно-политических событий в немецкоязычных онлайн-СМИ. Источниками стали информационные сообщения Deutsche Welle (до 2022 года), SPIEGEL, Das Erste, Tagesschau, Morgenpost, LearnGerman. Материалом стали 24 лексические единицы: 18 существительных, 1 прилагательное, 4 причастия, 1 глагол. В ходе исследования были проанализированы предложения на немецком языке с лексическими единицами *Schock* ('шок'), *Entsetzen* ('ужас', 'резкое неприятие'), *Sorge* ('озабоченность'), *Bestürzung* ('смущение', 'замешательство', 'оцепенение', 'потрясение', 'смятение'), *Schande* ('позор'), *Besorgnis* ('обеспокоенность', 'опасение'), *Verachtung* ('презрение', 'пренебрежение'), *Skepsis* ('сомнение', 'скепсис'), *Erleichterung* ('облегчение'), *Zurückhaltung* ('сдержанность'), *Empörung* ('негодование', 'возмущение'), *Unsicherheit* ('неуверенность'), *Schreck*, *Schrecken* ('ужас'), *Wut* ('гнев', 'ярость', 'злость'), *Trauer* ('печаль'), *Angst* ('страх'), *Hilflosigkeit* ('беспомощность'), *Schuldgefühl* ('чувство вины'), *empört* ('возмущенный', 'негодующий'), *abstoßend* ('отвратительный', 'отталкивающий'), *schrecklich* ('ужасный'), *besorgt* ('обеспокоенный'), *shockiert* ('шокированный'), *bedauern* ('сожалеть'). Лишь одна лексическая единица имеет положительную коннотацию – *Erleichterung* ('облегчение'), остальные выражают негативные эмоции и психические состояния высокой степени интенсивности. Проведенный анализ подтвердил предположение, что лексика, обозначающая эмоции и психические состояния, используется прежде всего в сообщениях о печальных, трагических событиях. Цель употребления таких лексических единиц – усиление производимого на реципиента эффекта. В перспективе проведенные исследования можно дополнить сравнительным изучением лексических единиц, обозначающих эмоции и психические состояния, в современных новостных сообщениях и информационных материалах второй половины 20 века, с целью выявления сходств и различий.

Ключевые слова: эмоция; психическое состояние; лексическая единица; немецкоязычный новостной дискурс

Для цитирования: Алексеева Е.М. Употребление лексики, обозначающей психические состояния, в новостном дискурсе немецкоязычных онлайн-СМИ. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 211–222. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.211-222>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.211-222>

THE USE OF VOCABULARY DENOTING EMOTIONS AND MENTAL STATES IN THE NEWS DISCOURSE OF GERMAN-LANGUAGE ONLINE MEDIA

E.M. Alekseeva

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia

ealekseeva@list.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Abstract. The article is devoted to the study of lexical units denoting emotions and mental states used in the coverage of socio-political events in German-language online media. The sources were information messages Deutsche Welle (until 2022), SPIEGEL, Das Erste, Tagesschau, Morgenpost, Learngerman. The material was 24 lexical units: 18 nouns, 1 adjective, 4 participles, 1 verb. The study analyzed proposals in German with lexical units *Schock* ('shock'), *Entsetzen* ('horror', 'harsh rejection'), *Sorge* ('concern'), *Bestürzung* ('embarrassment', 'confusion', 'numbness', 'shock', 'confusion'), *Schande* ('shame'), *Besorgnis* ('concern', 'fear'), *Verachtung* ('contempt', 'neglect'), *Skepsis* ('doubt', 'skepticism'), *Erleichterung* ('relief'), *Zurückhaltung* ('restraint'), *Empörung* ('resentment', 'outrage'), *Unsicherheit* ('uncertainty'), *Schreck*, *Schrecken* ('horror'), *Wut* ('anger', 'rage', 'anger'), *Trauer* ('sadness'), *Angst* ('fear'), *Hilflosigkeit* ('helplessness'), *Schuldgefühl* ('guilt'), *empört* ('outraged', 'indignant'), *abstoßend* ('disgusting', 'repulsive'), *schrecklich* ('terrible'), *besorgt* ('disturbed'), *shockiert* ('shocked'), *bedauern* ('regret'). Only one lexical unit has a positive connotation – *Erleichterung* (relief). All other express negative emotions and mental states of high intensity. The analysis confirmed the assumption that the vocabulary denoting emotions and mental states is used primarily in reports of sad, tragic events. The purpose of using such lexical units is to enhance the effect produced on the recipient. In the future, the studies carried out can be supplemented with a comparative study of lexical units denoting emotions and mental states in modern news reports and information materials of the second half of the 20th century, in order to identify similarities and differences.

Keywords: emotion; mental state; lexical unit; German news discourse

For citation: E.M. Alekseeva. Use of Vocabulary Denoting Mental States in the News Discourse of German Online Media. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 211–222. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.211-222>

Цель новостного дискурса – информировать читателей или слушателей, доносить до них значимую информацию о происходящем в общественной жизни, в ее политической, экономической, спортивной, культурной областях. Функция информирования реализуется использованием прежде всего нейтрального, не окрашенного эмоциями словарного запаса.

И все же в новостях можно обнаружить эмотивные слова: как слова, напрямую обозначающие те или иные эмоции и психические состояния, так и слова, имеющие положительную или отрицательную эмоциональную коннотацию и косвенно передающие эмоциональность.

В последние годы отмечается повышенный интерес к медийному, публицистическому дискурсу в целом [1, 2, 3] и языковым средствам репрезентации его эмотивности в частности. Так, в работе [4] эмотивный дискурс онлайн-СМИ рассматривается в противопоставлении эмоции «радости» и эмоции «страха» и утверждается, что эмотивность немецкого публицистического текста выражается как лексическими, так и синтаксическими средствами.

В исследовании [5] проводился анализ релевантных концептуальных признаков «страха», отображающих этноспецифическую составляющую данного феномена в немецком газетном дискурсе. В качестве признаков, выступающих в роли активаторов «страха» в 2020 году, были выявлены экономический кризис, социальные проблемы, обусловленные коронавирусом.

В исследовании [6] определяются контекстуальные условия появления эмотивов в англоязычном политическом дискурсе, анализируются популярные метафорические способы выражения эмоций и эмоциональных состояний. Передача эмоций в новостях происходит преимущественно в рамках смыслового подхода, т.е. их описание дается через прототипические ситуации, в которых они возникают.

Материалом настоящего исследования стала лексика новостных информационных сообщений (2012–2022 гг.) общественно-политической тематики на немецком языке, опубликованных на сайтах Deutsche Welle (до 2022 года), SPIEGEL, Das Erste, Tagesschau, Morgenpost, Learngerman. Проанализируем употребление лексических единиц, напрямую обозначающих психические состояния, в отдельных новостях немецкоязычных СМИ.

Слова *Schock* 'шок' и *Entsetzen* 'ужас' стали заголовком новости Deutsche Welle от 07.01.2021 о событиях в США [7]: *Der Sturm auf das Kapitol in Washington durch Trump-Anhänger hat Schock und Entsetzen in Europa ausgelöst. – Штурм сторонниками Трампа Капитолия в Вашингтоне вызвал шок и ужас в Европе.*

В этой же новости были использованы слова *Skepsis* 'скепсис, сомнение' и *Erleichterung* 'облегчение': *Bundeskanzlerin Angela Merkel hatte von Anfang an ih-*

re Skepsis gegenüber Donald Trump gezeigt. – Федеральный канцлер Ангела Меркель с самого начала проявляла свое сомнение по отношению к Дональду Трампу. *Im übrigen Europa war nach dem Wahlsieg des Demokraten Jo Biden Erleichterung zu spüren.* – В остальных странах Европы можно было почувствовать облегчение после победы на выборах демократа Джо Байдена.

В этом же новостном сообщении приводится много цитат известных мировых политиков по поводу случившегося в США. Цитаты изобилуют лексикой, обозначающей психические состояния: *Der irische Premierminister: „Ich weiß, dass viele, wie ich, die Szenen in Washington mit Sorge und Bestürzung beobachten“.* – Ирландский премьер-министр: «Я знаю, что многие, как и я, наблюдают за происходящим в Вашингтоне с озабоченностью и замешательством». Слово *Bestürzung* может переводиться как ‘смушение’, ‘замешательство’, ‘оцепенение’, ‘потрясение’, ‘смятение’.

В новости также используется словосочетания *parteiübergreifende Besorgnis* – ‘обеспокоенность во всех партиях’, *Ende der diplomatischen Zurückhaltung* – ‘конец дипломатической сдержанности’.

Слово *Schock* встречается и в цитате президента Европейского Совета в Брюсселе: «*Die Szenen in Washington zu beobachten ist ein Schock*». – «Наблюдать сцены в Вашингтоне – шок».

Еще несколько цитат: «*Die schottische Ministerpräsidentin: „Schande über die, die zu diesem Angriff auf die Demokratie aufgewiegelt haben“*». – «Шотландский глава правительства: „Позор тем, кто стал подстрекателями этого нападения на демократию“».

«*Der Außenminister Heiko Maas: „Aus aufrührerischen Worten werden gewaltsame Taten. Die Verachtung aufrührerischer Institutionen hat verheerende Auswirkungen“*». – «Министр иностранных дел Хайко Мас: „От подстрекательских слов начинается насилие. Пренебрежительное отношение к подстрекателям имеет разрушительные последствия“».

«Die schottische Ministerpräsidentin: “Die Szenen aus dem Kapitol sind absolut schrecklich”». – «Шотландский глава правительства: „Сцены из Капитолия абсолютно ужасны“». «Der österreichische Kanzler Sebastian Kurz: „Schockiert von den Szenen in Washington. Dies ist ein nicht hinnehmbarer Angriff auf die Demokratie“». – «Австрийский канцлер Себастиан Курц: „Шокирован сценами в Вашингтоне. Это неприемлемое нападение на демократию“».

В этом же сообщении были обнаружены и эмотивно окрашенные прилагательные и причастия: «Der britische Premier Boris Johnson verurteilt „...die abstoßenden Szenen im US Kongress“». – «Британский премьер Борис Джонсон осуждает „отвратительные сцены в американском конгрессе“».

Сам текст статьи (не цитаты политиков) сформулирован более сдержанно: «Auch im übrigen Europa sind die Regierungschefs besorgt». – «И в остальных европейских странах главы правительств обеспокоены».

В статье был обнаружен глагол *bedauern*, обозначающий психическое состояние сожаления: «Trump unterstützte Polen und Ungarn mehr als andere, und beide Länder schienen seine Wahlniederlage zu bedauern». – «Трамп поддерживал Польшу и Венгрию больше, чем других, и, кажется, обе страны сожалели о его поражении на выборах».

Все обозначающие психические состояния лексические единицы новостного сообщения Deutsche Welle о событиях в США от 06.01.2021, приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Лексика, обозначающая психические состояния, в новостной статье Deutsche Welle «Schock und Entsetzen in Europa» (от 07.01.2021)

Существительные		Прилагательные/причастия		Глаголы	
Немецкое слово	Перевод на русский язык	Немецкое слово	Перевод на русский язык	Немецкое слово	Перевод на русский язык
Schock	шок	abstoßend	отвратительный, отталкивающий	bedauern	сожалеть
Entsetzen	ужас	schrecklich	ужасный		
Sorge	озабоченность	besorgt	обеспокоенный		
Bestürzung	смущение, замешательство, оце-	schockiert	шокированный		

	пенение, потрясение, смятение.				
Schande	позор				
Besorgnis	обеспокоенность, опасение				
Verachtung	презрение, пренебрежение				
Skepsis	сомнение, скепсис				
Erleichterung	облегчение				
Zurückhaltung	сдержанность				

Таким образом, лексика новостной статьи Deutsche Welle «Schock und Entsetzen in Europa» от 07.01.2021г. обозначает отрицательные психические состояния и характеризуется неположительной коннотацией.

Лексическая единица *Schock* ‘шок’ также встречается в сообщениях о Brexit: «Für die Europäische Union folgte der Schock infolge des britischen Volksentscheids für den EU-Austritt». – «Шоком для Европейского Союза стало решение британского народа выйти из него» [8].

Лексическая единица *Entsetzen* ‘ужас’ также употребляется и в других новостях. После убийства журналиста из Саудовской Аравии Джамала Хашогги в немецкоязычных онлайн-СМИ появились следующие сообщения: «Der Mord an dem regierungskritischen saudi-arabischen Journalisten Jamal Khashoggi in Istanbul sorgt international für Entsetzen». – «Убийство в Турции оппозиционного журналиста Джамала Хашогги из Саудовской Аравии спровоцировало ужас в международном масштабе» [9].

Еще одним примером является предложение «Dieses Bild sorgte für Entsetzen». – «Эта фотография вызвала ужас». Следует отметить, что хотя перво-степенное значение слова *Entsetzen* – ‘ужас’, ‘страх’, анализ приведенных примеров показал, что имеется тенденция обозначать словом *Entsetzen* ярко выраженное состояние резкого неприятия, как реакцию на какое-то шокирующее событие [10].

В новости, посвященной проведению чемпионата мира по футболу 2022 года в Катаре, используется слово *Empörung* ‘негодование’, ‘возмущение’. «*Vor allem Berichte über die katastrophalen Arbeitsbedingungen auf den WM-Baustellen sorgten weltweit für Empörung*». – «Негодование вызвали, прежде всего, катастрофические условия работы на строительных площадках чемпионата мира». [11]. Выражение *für Empörung sorgen* является устойчивым и переводится как ‘вызвать негодование, возмущение’. Еще одним примером его употребления является предложение «*Mit Aussagen, wie „Die Atommacht Israel gefährdet den ohnehin brüchigen Weltfrieden“, sorgt der Nobelpreisträger Günter Grass für Empörung im In- und Ausland*». – «Такими своими высказываниями, как „Атомная держава Израиль угрожает и без того хрупкому миру на планете“, нобелевский лауреат Гюнтер Грасс вызвал негодование внутри страны и за ее пределами» [12].

Прилагательное *empört* (‘возмущенный’, ‘негодующий’) для обозначения соответствующего состояния используется в новостном сообщении от декабря 2014 года о планах Барака Обамы ослабить санкции против Кубы: «*Konservative Republikaner reagieren empört*». – «Консервативные республиканцы реагируют возмущенно» [13].

С конца 2019 года в СМИ широко освещалась пандемия Covid-19. В одной онлайн-публикации используются слова *Angst* (‘страх’) и *Unsicherheit* (‘неуверенность’). «*Eine Folge des Lockdowns sind Hamsterkäufe. Viele Menschen decken sich weit über den täglichen Bedarf ein mit Lebensmitteln, vor allem mit Toilettenpapier. Der Hygiene-Artikel wird zum Symbol für Angst und Unsicherheit, aber auch für: Egoismus*». – «Последствием локдауна является ажиотажная скупка товаров. Многие люди запасаются впрок продуктами питания, прежде всего, туалетной бумагой. Это средство гигиены становится символом страха и неуверенности, но также и символом эгоизма» [14].

Лексема *Angst* (‘страх’) относится к частотным в новостном дискурсе немецкоязычных СМИ. Она встречается в сообщении об очередном обострении

конфликта между Палестиной и Израилем: «*Die Bevölkerung in Palästina leidet. Angst und Schreck auch in Israel*». – «Население в Палестине страдает. В Израиле тоже страх и ужас» [12].

В новостях о событиях во Франции в 2015 году также упоминается *Angst* ('страх'). «*In Paris hat das Jahr 2015 für viele das Leben verändert. Angst bestimmt die Gedanken, oft in banalsten Situationen*». – «Для многих в Париже 2015 год изменил жизнь. Страх занимает мысли, зачастую даже в самых банальных ситуациях» [15].

Широкий резонанс в онлайн-СМИ имели события, произошедшие в Бейруте 4 августа 2020 года. Тогда в порту ливанской столицы произошел взрыв аммиачной селитры, погибли люди, были разрушены дома. В новостях упоминается о *Wut* ('гнев', 'ярость', 'злость'). «*Die Wut der Menschen entlädt sich in Form von Protesten gegen die Regierung*». – «Гнев людей находит разрядку в форме протестов (выливается в протесты) против правительства». [14].

Слово *Wut* встречается в сообщениях онлайн-СМИ о землетрясении в Турции в феврале 2023 года: «*Menschen graben im Schutt nach Angehörigen. Und es wächst die Wut auf Präsident Erdoğan*». – «Люди разбирают завалы в поисках родственников. Злость на президента Эрдогана растет». Здесь упоминаются и другие эмоции: «*Unzählige Menschen sind von der Erdbebenkatastrophe in der Türkei betroffen. Angehörige in Deutschland berichten von Angst, Trauer, Hilflosigkeit – und Schuldgefühlen*». – «Землетрясение в Турции коснулось большого количества людей. Родственники сообщают о страхе, горе, беспомощности – и о чувстве вины» [16].

На основании частности единицы *Wut* можно сделать вывод, что она несколько утрачивает свое обозначение очень интенсивной эмоции. Пример: «*Trauer und Wut vereinen Millionen Franzosen am 11. Januar beim „Marsch der Republik“ in Paris*». – «Печаль и недовольство объединяют миллионы французов 11-го января на “марше республики”» [10].

На основании проведенного анализа ряда источников были выделены лексические единицы новостных сообщений, обозначающие эмоции и психические состояния. Это *Schock* ('шок'), *Entsetzen* ('ужас', 'резкое неприятие'), *Sorge* ('озабоченность'), *Bestürzung* ('смущение', 'замешательство', 'оцепенение', 'потрясение', 'смятение'), *Schande* ('позор'), *Besorgnis* ('обеспокоенность', 'опасение'), *Verachtung* ('презрение', 'пренебрежение'), *Skepsis* ('сомнение', 'скепсис'), *Erleichterung* ('облегчение'), *Zurückhaltung* ('сдержанность'), *Empörung* ('негодование', 'возмущение'), *Unsicherheit* ('неуверенность'), *Schreck* ('ужас'), *Wut* ('гнев', 'ярость', 'злость'), *Trauer* ('печаль'), *Angst* ('страх'), *Hilflosigkeit* ('беспомощность'), *Schuldgefühl* ('чувство вины'), *empört* ('возмущенный', 'негодующий'), *abstoßend* ('отвратительный', 'отталкивающий'), *schrecklich* ('ужасный'), *besorgt* ('обеспокоенный'), *shockiert* ('шокированный'), *bedauern* ('сожалеть').

Из 24 отобранных лексических единиц (18 существительных, 1 прилагательное, 4 причастия и один глагол) лишь одна имеет положительную коннотацию – *Erleichterung* ('облегчение'), а все остальные выражают негативные эмоции и психические состояния высокой степени интенсивности.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что лексика, обозначающая эмоции и психические состояния, является важной частью событийного медиатекста и используется прежде всего в сообщениях о печальных, трагичных событиях. Употребление таких лексических единиц обусловлено необходимостью усиления эффекта, производимого на реципиента, для того чтобы он проникся произошедшим.

В перспективе проведенные исследования можно дополнить сравнительным изучением лексических единиц, обозначающих эмоции и психические состояния, в современных новостных сообщениях и информационных материалах второй половины 20 века, с целью выявления сходств и различий.

Список литературы

1. Абдрахманова А.А., Колпакова Е.М. Концепт вежливость в политическом дискурсе и коммуникативные стратегии вежливости. *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(1):46–54. (In Eng.)
2. Хасанова О.В., Каримова А.А., Загидуллина Г.Ф. Нарратив в медиадискурсе (на материале русского и английского языков). *Казанский лингвистический журнал.* 2022;5(3):369–378.
3. Iusupova L., Kuzmina O., Rakhimbirdieva I. Übersetzungsmethoden deutscher Komposita der Publizistik ins Russische. *Kazan Linguistic Journal.* 2022;5(4):559–569. (На нем. яз.)
4. Баранова Н.А., Русяева М.М., Амосова Н.В. Базовые эмоции «радость» и «страх» в дискурсе немецких онлайн-СМИ. *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020;13(11):156–160.
5. Кацитадзе И.М., Христианова Н.В. Специфика лексической актуализации концепта ANGST в современном газетном дискурсе (в жанре интервью). *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2020;13(11):232–236.
6. Ниматуллина Э.Р. Эмотивы в англоязычном дискурсе: роль и условия реализации. *Политическая лингвистика.* 2018;2 (68):73–81.
7. Schock und Entsetzen in Europa, 07.01.2021. URL: <https://www.dw.com/de/schock-und-entsetzen-in-europa/a-56153880> [дата обращения: 10.01.2021].
8. Jahresrückblick 2016, 19.12.2016. URL: <https://www.nzz.ch/jahresrueckblick-2016> [дата обращения: 21.02.2023].
9. Jahresrückblick 2018, 28.12.2018. URL: https://www.bamf.de/SharedDocs/Dossiers/DE/jahresrueckblick-2018.html?nn=283280&cms_pos=10 [дата обращения: 22.02.2023].
10. Das war 2015, 20.12.2015. URL: <https://interaktiv.morgenpost.de/foto-jahresrueckblick-2015/> [дата обращения: 15.02.2023].
11. Katar und die Menschenrechten, 20.04.2022. URL: <https://learngerman.com/dekatar-und-die-menschenrechte-was-hat-sich-getan/1-61394415/lm> [дата обращения: 13.02.2023].
12. Jahresrückblick 2012, 27.12.2012. URL: <https://www.tagesschau.de/jahresrueckblick/bilderdesjahres104.html> [дата обращения: 16.02.2023].
13. Jahresrückblick 2014, 31.12.2014. URL: <https://www.tagesschau.de/jahresrueckblick/jahresrueckblick-bilder-101.html> [дата обращения: 15.02.2023].
14. Jahresrückblick 2020, 31.12.2020. URL: <https://www.daserste.de/information/politik-weltgeschehen/bilder-des-jahres-2020-156.html> [дата обращения: 13.02.2023].
15. Das war 2015, 23.12.2015. URL: https://www.sr.de/sr/sr1/programm/themen/jahresrueckblick2015_102.html [дата обращения: 15.02.2023].
16. Das Erdbeben in der Türkei und seine Folgen, 07.02.2023. URL: <https://www.spiegel.de/ausland/erdbeben-in-der-tuerkei-man-riecht-die-toten-noch-bevor-man-sieht-a-3dc23359-76c9-4f53-addc-4986c5a0898e> [дата обращения: 14.02.2023].

References

1. Abdrakhmanova A.A., Kolpakova E.M. Concept “politeness” in political discourse and communicative strategy. *Kazan Linguistic Journal.* 2022;5(1):46–54. (In Eng.)
2. Khasanova O.V., Karimova A.A., Zagidullina G.F. Narrative in media history (based on Russian and English material). *Kazan Linguistic Journal.* 2022;5(3):369–378. (In Russ.)

3. Iusupova L., Kuzmina O., Rakhimbirdieva I. Translation methods of German composite publishing into Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2022;5(4): 559–569. (In Germ.)
4. Baranova N.A, Rusyaeva M.M, Amosova N.V. Basic emotions "joy" and "fear" in the discourse of German online media. *Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2020;13(11):156–160. (In Russ.)
5. Katsitadze I.M., Khristianova N.V. Specifics of lexical updating of the ANGST concept in modern newspaper discourse (in the interview genre)/I.M. Katsitadze, *Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2020;13(11):232–236. (In Russ.)
6. Nimatullina E.R. Emotiva in English-language discourse: role and conditions of implementation. *Political linguistics*. 2018;2 (68):73–81. (In Russ.)
7. Schock und Entsetzen in Europa, 07.01.2021. Available from: <https://www.dw.com/de/schock-und-entsetzen-in-europa/a-56153880> [accessed: 10.01.2021].
8. Jahresrückblick 2016, 19.12.2016. Available from: <https://www.nzz.ch/jahresrueckblick-2016> [accessed: 21.02.2023].
9. Jahresrückblick 2018, 28.12.2018. Available from: https://www.bamf.de/SharedDocs/Dossiers/DE/jahresrueckblick-2018.html?nn=283280&cms_pos=10 [accessed: 22.02.2023].
10. Das war 2015, 20.12.2015. Available from: <https://interaktiv.morgenpost.de/foto-jahresrueckblick-2015/> [accessed: 15.02.2023].
11. Katar und die Menschenrechte, 20.04.2022. Available from: <https://learngerman.com/dekatar-und-die-menschenrechte-was-hat-sich-getan/1-61394415/lm> [accessed: 13.02.2023].
12. Jahresrückblick 2012, 27.12.2012. Available from: <https://www.tagesschau.de/jahresrueckblick/bilderdesjahres104.html> [accessed: 16.02.2023].
13. Jahresrückblick 2014, 31.12.2014. Available from: <https://www.tagesschau.de/jahresrueckblick/jahresrueckblick-bilder-101.html> [accessed: 15.02.2023].
14. Jahresrückblick 2020, 31.12.2020. Available from: <https://www.daserste.de/information/politik-weltgeschehen/bilder-des-jahres-2020-156.html> [accessed: 13.02.2023].
15. Das war 2015, 23.12.2015. Available from: https://www.sr.de/sr/sr1/programm/themen/jahresrueckblick2015_102.html [accessed: 15.02.2023].
16. Das Erdbeben in der Türkei und seine Folgen, 07.02.2023. Available from: <https://www.spiegel.de/ausland/erdbeben-in-der-tuerkei-man-riecht-die-toten-noch-bevor-man-sie-sieht-a-3dc23359-76c9-4f53-addc-4986c5a0898e> [accessed: 14.02.2023].

Автор публикации

Алексева Екатерина Михайловна –
кандидат психологических наук, доцент
Казанский федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Россия
Email: ealekseeva@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 10.05.2023
Автор прочитал и одобрил окончательный вари-

Author of the publication

Alekseeva Ekaterina Mikhailovna –
PhD in Psychology, Associate professor
Kazan Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russia
Email: ealekseeva@list.ru
<http://orcid.org/0000-0002-6864-1491>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 10.05.2023

The author has read and approved the final manu-

ант рукописи.

script.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 811.521

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

**ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ОБРАЩЕНИЙ-СИНТОНОВ В
ЯПОНСКОЙ ОНЛАЙН КОММУНИКАЦИИ**

С.Н. Бредихин¹, Б.А. Шишкин²

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

¹*bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>*

²*boris-shishkin.work@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>*

Аннотация. В данной статье осуществляется комплексный лингвостатистический анализ японской онлайн-коммуникации с точки зрения гендерной и прагмалингвистики. Проблематика исследования актуализируется непрерывающимся развитием как мировой онлайн-коммуникации в целом, так и японской в частности, а также существующими в ней проявлениями гендерной идентификации. Основной целью исследования является выявление обращений-синтонов в японской онлайн-коммуникации и их гендерной стратификации. За счет использования метода сплошной выборки был осуществлен сбор статистических данных исследования из различных социальных сетей и видеохостингов японского интернет-пространства. Посредством лингвостатистического метода данные были распределены в несколько групп, отражающих основные паттерны употребления обращений в онлайн-коммуникации: отсутствие обращения в сообщении; наличие обращения в сообщении; гиперссылка в качестве обращения. В дальнейшем из группы «Наличие обращения в сообщении» в соответствии с гендером адресантов статистические данные были распределены в несколько подгрупп: мужчины, женщины и анонимы. С целью выявления их глубинных компонентов также были использованы дескриптивный, коммуникативно-прагматический и структурно-ноэматический методы. В результате проведенного исследования было выявлено, что обращения-синтоны в японской онлайн-коммуникации являются достаточно низко-частотной составляющей общения, порождающей благоприятную среду для взаимодействия. В них отражается гендерная составляющая японской речи, что проявляется в предпочтении определенных форм обращения, а также в многообразии данных форм в зависимости от гендера адресантов и адресатов.

Ключевые слова: японская онлайн коммуникация; гендерная лингвистика; гендерная стратификация; прагмалингвистика; лингвостатистический анализ; обращения-синтоны

Для цитирования: Бредихин С.Н., Шишкин Б.А. Гендерная стратификация обращений-синтонов в японской онлайн коммуникации. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 223–235. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

GENDER STRATIFICATION OF ADDRESSES-SYNTONES IN JAPANESE ONLINE COMMUNICATION

S.N. Bredikhin¹, B.A. Shishkin²

FSAEI HE "North-Caucasus Federal University", Stavropol, Russia

¹bredichinsergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

²boris-shishkin.work@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>

Abstract. In this article, from the point of view of gender and pragmalinguistics, a comprehensive lingua-statistic analysis of Japanese online communication is carried out. The research problem is updated by the continuous development of both global online communication and Japanese online communication, as well as existing manifestations of gender identity in it. The main goal of the study is to identify addresses-syntones in Japanese online communication and their gender stratification. Through the use of the continuous sampling method, the statistical data of the study were collected from various social networks and video hosting sites of the Japanese Internet space. Using the lingua-statistic method, the data were divided into several groups, reflecting the main patterns of using addresses in online communication: the absence of an address in the message; the presence of an address in the message; hyperlink as an address. Subsequently, from the group "The presence of an address in the message", according to the gender of the addressers, the statistical data were distributed into several subgroups: men, women and anonymous. In order to identify their deepest components, descriptive, communicative-pragmatic and structural-noematic methods were also used. As a result of the study, it was revealed that addresses-syntones in Japanese online communication are a fairly low-frequency component of communication that creates a favorable environment for interaction. They reflect the gender component of Japanese speech, which is manifested in the preference for certain forms of address, as well as in the variety of these forms depending on the gender of addressers and addressees.

Keywords: Japanese online communication; gender linguistics; gender stratification; pragmalinguistics; lingua-statistic analysis; addresses-syntones

For citation: Bredikhin S.N., Shishkin B.A. Gender Stratification of Addresses-syntones in Japanese Online Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 223–235. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.223-235>

Введение

Гендерная стратификация является одной из характерных черт японского языка. Её проявления можно заметить начиная примерно с V века н.э., когда Япония заимствует китайскую иероглифику, и заканчивая эпохой Мэйдзи (1868-1912), окончательно закрепившей существующие по настоящее время денотативный характер мужской речи и коннотативный характер женской речи [1, с. 51].

Однако на современном этапе исторического развития отражение гендерных ролей, выступающих в качестве определённых социальных категорий [2], начинает претерпевать некоторые изменения. В частности, данные тенденции можно связать с возникновением интернет-пространства и, соответственно, онлайн-коммуникации. Определённые черты, характерные данному типу коммуникации (анонимность, добровольность, глобальность и другие [3]), способны трансформировать гендерную составляющую японской речи.

Таким образом, представляется необходимым изучить гендерную стратификацию японской онлайн-коммуникации. Для этого в данном исследовании с точки зрения прагмалингвистики проводится её комплексный лингвостатистический анализ с дальнейшим выявлением в ней гендерно окрашенной лексики, а именно обращений-синтонов, элементов речи возвышающих адресатов над адресантами, создающих благоприятную среду для их коммуникации, а также не лишённых гендерной составляющей.

Тематика работы актуализируется непрекращающимся развитием как мировой онлайн-коммуникации в целом, так и японской онлайн-коммуникации в частности, а также существующими в ней проявлениями гендерной идентификации. С целью выявления различных смыслов, закладываемых авторами сообщений, и их последующего анализа и интерпретации были применены следующие методы: дескриптивный и коммуникативно-прагматический. Также особую роль в исследовании сыграло использование структурно-ноэматического метода, обеспечивающего обнаружение глубинных компонентов в употреблении обращений-синтонов в японской онлайн-коммуникации [4].

Система обращений в японском языке и её отражение в онлайн-коммуникации

Система обращений в японском языке достаточно разнообразна. В её основе лежит не только ранее упомянутая гендерная стратификация, но и определённые иерархические компоненты, связанные как с возрастом, так и со стату-

сом тех или иных индивидов. Это приводит нас к необходимости рассмотрения сущности данной системы.

В основу толкования термина «обращение» в японском языке было положено определение, разработанное в исследовании по схожей тематике за авторством М.А. Кронгауза и К. Такахаси [5], дополненное идеями, отраженными в работе Аркадиуша Яблоньского «*Casein Japanese. A Morphological Approach*» [6]. Таким образом, под обращением японского языка понимается грамматически независимое и интонационно обособленное слово, в составе которого может находиться определенный аффикс, находящийся в форме основного падежа и называющее того, кому адресована речь.

Зачастую слова, выполняющие роль обращения, используются в сочетании с определенными именными суффиксами – кэйсё (敬称). Основной целью кэйсё является демонстрация отношения коммуникантов друг к другу. В них можно проследить как социальную составляющую речи, отражённую в вежливых суффиксах доно /殿; сама/様; си/氏, так и гендерную составляющую речи, проявляющуюся в использовании характерных мужчинам или женщинам суффиксов (кун 君 и тян ちゃん). При этом следует отметить, что последние два кэйсё хоть и являются гендерно окрашенной лексикой, закреплённой за конкретными полами, однако они также могут применяться иначе:

–けんちゃん、病み子ちゃん、おはようございます / Кэн-тян, Ямико-тян, доброе утро [7]. В данном примере автор сообщения обращается к двум мужчинам.

В японской онлайн-коммуникации традиционные формы обращения продолжают сохранять свои характерные черты, связанные с гендерной и социальной стратификацией. Однако, как можно заметить, изредка данная система претерпевает определённые изменения, что можно связать с той средой, в которой она функционирует.

Интернет-пространству и, соответственно, онлайн-коммуникации характерны определённые черты, одной из которых является гипертекстуальность, предоставляющая дополнительные возможности для восприятия информации коммуникантами, а также повышающая общий уровень иммерсивности, порождая при этом гипертекст [8].

Ключевым элементом гипертекста является гиперссылка, которая в рамках онлайн-коммуникации приобретает дополнительную функцию, заключающуюся в исполнении роли обращения. Структурно оно имеет следующий вид: <@> + <имя адресата>, что обеспечивает повышенную скорость взаимодействия коммуникантов (см. рис. 1).

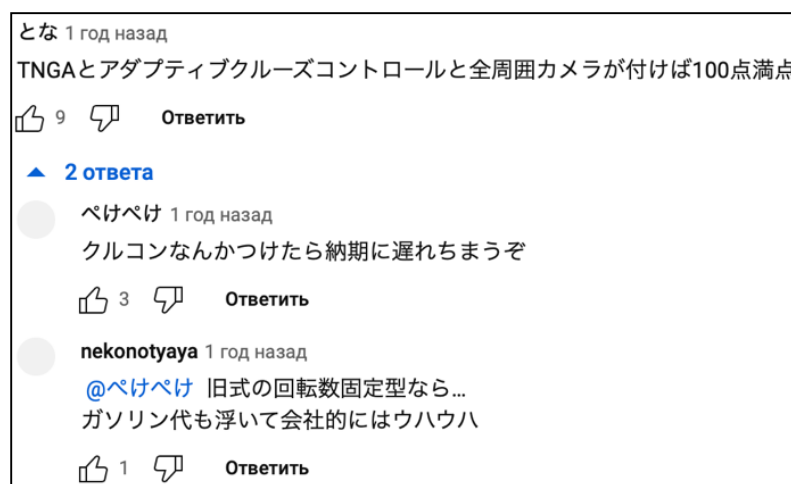

Рисунок 1. Гиперссылка в роли обращения [9]

Как уже было сказано ранее, анонимность является одной из характерных черт онлайн-коммуникации, что, следовательно, относится и к её основным элементам, то есть к гиперссылкам. В результате в них перестает содержаться какой-либо иерархический компонент (социальный статус, гендер, возраст), свойственный традиционным обращениям. Таким образом, гиперссылки можно считать одним из способов гендерной нейтрализации в онлайн-коммуникации.

Методика сбора данных

Сбор данных для проведения лингвостатистического анализа японской онлайн-коммуникации осуществлялся посредством метода сплошной выборки. Из различных социальных сетей и видеохостингов японского интернет-

пространства было отобрано порядка 20 публикаций, принадлежащих как мужчинам, так и женщинам, которые в рамках исследования являются адресатами. При этом наибольший интерес для работы представляли сообщения, оставляемые пользователями (адресантами) под данными материалами – комментарии. Таким образом, было проанализировано порядка 6813 комментариев пользователей сети. Данная совокупность была подразделена на основе трех признаков: отсутствие обращения в сообщении; наличие обращения в сообщении; гиперссылка в качестве обращения. Представленные группы характеризуют паттерны, существующие в онлайн-коммуникации, связанные с употреблением обращений.

В дальнейшем из группы «Наличие обращения в сообщении» с целью обнаружения гендерно стратифицированных обращений статистические данные были распределены в несколько подгрупп в соответствии с гендером адресантов: мужчины, женщины и анонимы. Последняя подгруппа была выделена, поскольку не всегда имеется возможность узнать пол автора сообщения (комментария).

Результаты исследования

Анализ генеральной совокупности

На основе полученных данных была составлена таблица 1, в которой были отражены общие тенденции в употреблении обращений в японской онлайн-коммуникации.

Таблица 1.

Распределение генеральной совокупности сообщений в японской онлайн-коммуникации

№ группы	Признак группы	Количество комментариев	Процентное соотношение
1	Отсутствие обращения в сообщении	6094	89,45%
2	Наличие обращения в сообщении	579	8,5%
3	Гиперссылка в качестве обращения	140	2,05%
	Всего	6813	

Как можно заметить, подавляющее большинство комментариев (89,45%) в рамках японской онлайн-коммуникации не содержат в себе обращений. Данная ситуация может быть связана с рядом факторов: отсутствие необходимости в их употреблении из-за подразумеваемой направленности сообщения автору конкретной публикации (адресату), а также ускорение коммуникации посредством упрощения синтаксиса. В целом, адресность сообщений не нарушается при отсутствии традиционных обращений, поскольку может достигаться наличием других элементов, например определительных придаточных предложений:

– ピケさんが普段使っているバックはどこのものでしょうか? / Пикэ-сан, откуда у вас сумка, которую вы обычно носите?[10].

Продолжая анализ собранных данных, мы зафиксировали, что в сумме остальные группы, отражающие наличие обращения в сообщении, составили 10,55% от генеральной совокупности. Распределение свидетельствует о том, что в рамках японской онлайн-коммуникации употребление подобного элемента речи не распространено, однако обращения и гиперссылки, выполняющие роль обращений, вносят свой вклад в повышение уровня синтонности сообщения, что делает их неотъемлемой частью вежливой речи японского языка и оставляют за ними определенное место в рамках онлайн-коммуникации.

Анализ комментариев, содержащих обращения к женщинам

Далее проанализируем данные, полученные благодаря распределению комментариев из группы «Наличие обращения в сообщении», взяв за основу обращения к женщинам (см. табл. 2), при этом также разграничив их в соответствии с гендером адресантов: мужчины – а.м.; женщины – а.ж.; анонимы – а.а.

Таблица 2.

Таблица употребления обращений по отношению к женщинам в японской онлайн-коммуникации

Формы обращения	Частотность обращений а.м.	Частотность обращений а.ж.	Частотность обращений а.а.	Общая частотность обращений
-----------------	----------------------------	----------------------------	----------------------------	-----------------------------

Имя+さん	35,9%	38,8%	15,8%	27,0%
Имя+様	-	-	0,9%	0,4%
Имя+先生	2,6%	-	-	0,4%
Имя+ちゃん	23,1%	57,5%	57,9%	51,9%
Имя	38,5%	3,8%	25,4%	20,2%

Как можно заметить из приведенной таблицы 2, неформальные и краткие формы обращений (51,9% и 20,2%) доминируют над вежливыми (в сумме 27,8%). В мужской речи по отношению к противоположному полу чаще используется имя собственное (38,5%):

— ゆっぴー、この動画は凄く得した気分になりました!

そして、角戸さんはさすがにプロボーラーですね / Юппи, мне кажется, что это видео было невероятно полезным! А Какуто-сан действительно профессиональный боулер [11].

Как можно заметить, в данном комментарии присутствует определённая стратификация пользователей (Какуто / 角戸 и Юппи / ゆっぴー) автором сообщения. Подобная ситуация может быть связана как с гендерными, так и с социальными аспектами японского языка. Что именно оказало большее влияние, определить затруднительно, поэтому рассмотрим дополнительный пример, иллюстрирующий данную тенденцию (см. рис. 2).

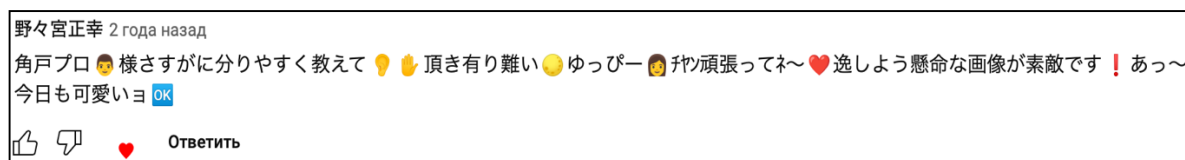

Рисунок 2. Пример комментария с обращением от мужчины [11]

В комментарии выше также можно обнаружить, что автор по отношению к мужчине предпочитает использовать более вежливый и нейтральный по ген-

дерному признаку кэйсё (сама / 様), в отличие от обращения к женщине (уменьшительно-ласкательный тян / ちゃん), при этом дополнительно обозначая пол адресатов сообщения специальными эмотивными символами. Это демонстрирует сохранившуюся иерархию в общении между представителями разных полов, пришедшую из офлайн-коммуникации.

Со стороны адресантов-женщин наблюдается доминирование формы обращения с употреблением суффикса тян (ちゃん) – 57,5%, что можно связать с коннотативным и эмоциональным аспектом женского японского языка (см. рис. 3).

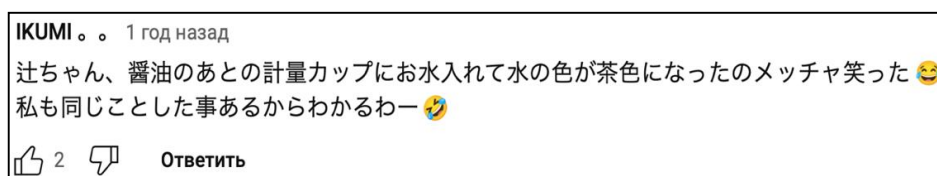

Рисунок 3. Пример комментария с обращением ちゃん от женщины [12]

Второе место среди форм обращения от адресантов женщин занимает нейтрально-вежливый суффикс сан (さん) – 38,8% со значительным отрывом от использования имени собственного в качестве обращения (3,8%). Данная ситуация свидетельствует о сохранении одной из лидирующих позиций за вежливым тоном в женском японском языке: «Livさん！編集お疲れさまです！» [13] (Liv-сан, спасибо за монтаж видео!).

Показатели частотности обращений адресантов анонимов подтверждают общую тенденцию в доминировании более неформальных форм обращения в онлайн-коммуникации (57,9% и 25,4%). Однако отметим, что принятие того или иного обращения зависит от конкретного адресата. В пример можно привести пользователя «辻ちゃんネル» – Цудзитяннэру [12], имя которой является игрой слов, достигаемой за счет использования различных систем письма. Так, адресатом сигнализируется, какая именно форма обращения предпочтительна

и, соответственно, является синтонной. В случае если подобные маркеры отсутствуют, то адресантами используются более вежливые варианты обращений (о чём может свидетельствовать высокая частотность суффикса сан – 27%), иначе комментарий мог быть воспринят скорее фамильярно, что может потребовать дальнейших извинений со стороны адресанта: こっち勝手にちゃん呼びしちゃってすみません～ / Прости, что в комментарии без спроса назвал тебя, сказав тын... [13].

Анализ комментариев, содержащих обращения к мужчинам.

Далее проанализируем данные, полученные благодаря распределению комментариев из группы «Наличие обращения в сообщении», взяв за основу обращения к мужчинам (см. табл. 3).

Таблица 3.

Таблица употребления обращений по отношению к мужчинам в японской онлайн-коммуникации

Формы обращения	Частотность обращений а.м.	Частотность обращений а.ж.	Частотность обращений а.а.	Общая частотность обращений
Имя+さん	48,0%	54,5%	66,1%	61,7%
Имя+様	4,0%	-	0,9%	1,1%
Имя+先生	14,0%	1,0%	1,6%	2,8%
Имя+ちゃん	2,0%	10,1%	5,7%	6,2%
Имя+くん	20,0%	23,2%	15,8%	17,8%
Имя	12,0%	11,1%	9,8%	10,3%

Из данной таблицы можно сделать несколько выводов. Первый – это наличие большего разнообразия в формах обращения по отношению к мужчинам. Исходя из проанализированных данных, можно увидеть шесть различных форм обращения, которые зачастую используются всеми группами адресантов. При этом по отношению к адресатам женщинам применялось лишь пять, а в зависимости от гендера авторов комментариев их количество могло быть меньше.

Таким образом, адресатами-мужчинами принимаются формы обращений: не свойственные их гендеру, например тян (ちゃん); различные статусные обращения – сэнсэй (先生) и сама (様), использование которых было отмечено и по отношению к женщинам, однако, частотность таковых была незначительной, а также неформальные варианты.

Второй вывод – доминирование обращения с суффиксом сан (61,7%), что можно связать с его универсальностью и более вежливой составляющей: ヒカルさん、牛宮城のお節を実家のお母さんに送ってあげるのですね / Хикару-сан, ты собираешься отправить своей маме осэти из Гюгудзё, не так ли? [14]

Данные положения свидетельствуют о наличии высокого иерархического статуса мужчины в интернет-пространстве, пришедшего из офлайн-коммуникации. Это проявляется в большей свободе выбора паттернов общения как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Однако, как уже было отмечено ранее, необходимо учитывать позицию конкретных адресатов по поводу тех или иных обращений.

Заключение

Таким образом, обращения-синтоны в японской онлайн-коммуникации являются достаточно низкочастотной составляющей общения. За счет их использования создается более благоприятная среда для взаимодействия в интернет-пространстве. В то же время на обращения-синтоны оказывает непосредственное влияние гендерная составляющая японской речи. Это отражается в предпочтении определенных форм обращения, а также в многообразии данных форм в зависимости как от гендера адресанта, так и от гендера адресата.

Список литературы

1. Алпатов В.М. *Япония: язык и общество*. Москва: Муравей; 2003.
2. Бредихин С.Н., Серебрякова С.В., Лиховид А.А. Динамика восприятия гендерных ролей: сравнительно-сопоставительный анализ между США и Россией. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология*. 2020;2(259):92–103.

3. Загоруйко И.Н. Интернет-дискурс в современном коммуникационном пространстве. *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова*. 2012;18(3):56–60.
4. Бредихин С.Н., Вартанова Л.Р. Текстологические функции иносказательных переосмысленных конструкций в смыслообразовательном аспекте. *Фундаментальные исследования*. 2015;(2-3):639–643.
5. Кронгауз М.А., Такахаси К. Обращение по имени в русском и японском языках. Москва: *Труды по культурной антропологии: памяти Г.А. Ткаченко*. 2002; с. 252–274.
6. Jabłoński A. *Case in Japanese – A Morphological Approach*. Poznań: Wydawnictwo; 2022. DOI: 10.48226/978-83-66666-39-9.
7. 【胸糞】○春でボロ儲け...2000人の女性を生き地獄に. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=F3SQiFeBoeA> [дата обращения: 26.11.2022]. (На яп. яз.)
8. Худoley Н.В. Гипертекст как феномен информационной культуры и способ художественной коммуникации. Красноярск: *Красноярский государственный аграрный университет*. 2015;230–232.
9. [旧型に勝てる?!][追い越し車線の常連]現行プロボックス試乗動画. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_eh0HsPuE4g [дата обращения: 24.11.2022]. (На яп. яз.)
10. 【vlog】大学生の1日 / 受験の願書を提出する. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9bcf5Th6kio> [дата обращения: 05.11.2022]. (На яп. яз.)
11. プロレスン！スコアアップのコツ. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=MHezg4nluY8> [дата обращения: 22.11.2022]. (На яп. яз.)
12. 【豚汁の作り方】ある日のリアルな夕飯準備を撮影してみました！【ザ・てきとー！】. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=66X2O7yMcwM> [дата обращения: 07.12.2022]. (На яп. яз.)
13. 【VLOG/8月の漫画購入品/作業用(約90分)】漫画買いに行ってブックカバーしてクジの开封. URL: https://www.youtube.com/watch?v=QhQ0l32_Wac [дата обращения: 03.11.2022]. (На яп. яз.)
14. 【溺愛】24時間いぬぽよと生活してみた. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cdE0O9ys-8g> [дата обращения: 05.12.2022]. (На яп. яз.)

References

1. Alpatov V.M. *Japan: language and society*. Moscow: Muravej; 2003. (In Russ.)
2. Bredichin S.N., Serebryakova S.V., Likhovid A.A. Dynamics in gender roles perception: a comparative study between USA and Russia. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*. 2020;2(259):92–103. (In Russ.)
3. Zagoruiko I.N. Internet discourse in modern communication space. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2012;18(3):56–60. (In Russ.)
4. Bredikhin S.N., Vartanova L.R. Textual functions of allusive contemplative phrases in sense-making. *Fundamental'nye issledovanija*. 2015;(2-3):639–643. (In Russ.)
5. Krongauz M.A., Takahasi K. Address by name in Russian and Japanese. Moscow: *Trudy po kul'turnoj antropologii: pamjati G.A. Tkachenko*. 2002; p. 252–274. (In Russ.)
6. Jabłoński A. *Case in Japanese – A Morphological Approach*. Poznań: Wydawnictwo; 2022. DOI: 10.48226/978-83-66666-39-9.
7. [Disgusting] ○easy money in spring... 2000 women are living in hell. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=F3SQiFeBoeA> [accessed: 26.11.2022]. (In Japan.)

8. Khudoley N.V. Hypertext as the phenomenon of information culture and the way of aesthetic communication. Krasnoyarsk: *Krasnojarskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet*. 2015;230–232. (In Russ.)
9. [Can it beat the old model?!][Regulars in the passing lane] Current Probox test drive video. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=_eh0HsPuE4g [accessed: 24.11.2022]. (In Japan.)
10. [vlog] A day in the life of a college student/Submitting an application for an exam. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=9bcf5Th6kio> [accessed: 05.11.2022]. (In Japan.)
11. Professional lesson! Tips for improving your score. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=MHezg4nluY8> [accessed: 22.11.2022]. (In Japan.)
12. [How to make pork miso soup] I took a picture of a real dinner preparation one day! [The Tight!]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=66X2O7yMcwM> [accessed: 07.12.2022]. (In Japan.)
13. [VLOG/August manga purchase/work (about 90 minutes)] Go buy manga, cover the book and open the lottery. Available from: https://www.youtube.com/watch?v=QhQ0l32_Wac [accessed: 03.11.2022]. (In Japan.)
14. [Doting] I tried living with Inupoyo for 24 hours. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=cdE0O9ys-8g> [accessed: 05.12.2022]. (In Japan.)

Автор публикации

Бредихин Сергей Николаевич –

доктор филологических наук, доцент, профессор
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: bredichinsergey@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Шишкин Борис Андреевич –

аспирант
Северо-Кавказский федеральный университет
Ставрополь, Россия
Email: boris-shishkin.work@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 30.04.2023
Принята к публикации: 5.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Bredikhin Sergey Nikolaevich –

Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: bredichinsergey@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2191-4982>

Shishkin Boris Andreevich –

postgraduate student
North-Caucasus Federal University
Stavropol, Russia
Email: boris-shishkin.work@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8694-3637>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 30.04.2023
Accepted for publication: 5.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

Научная статья
УДК 81.44

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.236-245>

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ЭКСПРЕССИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Т.Б. Заграевская¹, А.Р. Кусов¹, С.М. Заграевская²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

²Московский инженерно-физический институт, Москва, Россия

¹zagraevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

²szagraevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7734-8505>

Аннотация. Широкое распространение теории речевых актов, наблюдаемое в лингвистике второй половины XX века позволило раскрыть коммуникативно-прагматическую сущность коммуникативных явлений. Многоаспектность исследовательских подходов, применяемых к анализу речевых поступков коммуникантов, привела к глубокому пониманию природы экспрессивных речевых актов. В настоящем исследовании систематизируются основные вехи интерпретации экспрессивов, их социальные характеристики, интенциональность на примере речевого акта извинения. Цель данной работы состоит в установлении характера взаимодействия коммуникативных интенций говорящего и слушающего в речевом акте извинения, уточнения используемых коммуникативных стратегий и приемов достижения благоприятного исхода, анализе способов оптимального сочетания лингвокреативного подхода с этикетными шаблонными речевыми приемами. Материалом исследования послужили теоретические положения и принципы, выдвинутые в трудах Дж. Серля, Дж. Остина, Ю. Хабермаса, Т. Баллмера и В. Бренненштуля, Г.Г. Почепцова, Ю.Д. Апресяна, В.В. Богданова, М.Я. Гловинской, А.Г. Поспеловой, Н.И. Формановской и др. В процессе анализа научных концепций использовались методы описания, обобщения, формализации, анализа, синтеза. В работе подчеркивается, что экспрессивы, в отличие от других речевых актов, связаны с выражением эмоционально-экспрессивного состояния говорящего. Выявлено, что речевой акт извинения обладает полиинтенциональностью, носит этикетный характер, ориентирован на соблюдение социальных норм и ритуалов, предполагает подчинение социальному институту слушающего. Реализация речевого акта извинения подразумевает вежливость, уважение к партнеру, учет его интересов. Среди факторов, определяющих характер взаимодействия в речевом акте извинения, отмечены учет социальной принадлежности коммуникантов, дискурсивный контекст, искренность намерений говорящего.

Ключевые слова: извинение; интенциональность; речевой акт; речевой этикет; шаблон; экспрессив

Для цитирования: Заграевская Т.Б., Кусов А.Р., Заграевская С.М. Коммуникативное взаимодействие в экспрессивных речевых актах. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 236–245. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.236-245>

COMMUNICATIVE INTERACTION IN EXPRESSIVE SPEECH ACTS

T.B. Zagrayevskaya¹, A.R. Kusov¹, S.M. Zagrayevskaya²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²Moscow Engineering Physics Institute, Moscow, Russia

¹zagrayevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

²szagraevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7734-8505>

Abstract. The wide spread of speech acts theory observed in linguistics of the second half of the XX century allowed to reveal the communicative and pragmatic essence of communicative phenomena. The multidimensional nature of research approaches applied to the analysis of communicants' speech acts led to a deep understanding of the nature of expressive speech acts. The present study systematizes the main milestones of expressions interpretation, their social characteristics, intentionality on the example of the speech act of apology. The purpose of this work is to establish the nature of the interaction of the communicative intentions of the speaker and the listener in the speech act of apology, to clarify the communicative strategies and techniques used to achieve a favorable outcome, to analyze ways of getting optimal combined linguo-creative approach with etiquette speech pattern techniques. The material of the study was the theoretical provisions and principles put forward in the works of J. Searl, J. Austin, Y. Habermas, T. Ballmer and V. Brennenstul, G.G. Pocheptsov, Y.D. Apresyan, V.V. Bogdanov, M.Ya. Glovinskaya, A.G. Pospelova, N.I. Formanovskaya et al. In the process of analyzing scientific concepts, methods of description, generalization, formalization, analysis, synthesis were used. The paper emphasizes that expressives, unlike other speech acts, are associated with the expression of the emotional and expressive state of the speaker. It is revealed that the speech act of apology has polyintensionality, is etiquette-oriented, is focused on compliance with social norms and rituals, assumes subordination to the social institution of the listener. The realization of the speech act of apology implies politeness, respect for the partner, consideration of his interests. Among the factors determining the nature of interaction in the speech act of apology, consideration of the social affiliation of the communicants, the discursive context, and the sincerity of the speaker's intentions are mentioned.

Keywords: apology, expressive, intentionality, pattern, speech act, speech etiquette

For citation: Zagrayevskaya T.B., Kusov A.R., Zagrayevskaya S.M. Communicative Interaction on Expressive Speech Acts. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 236–245. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.236-245>

Введение. Речевая деятельность человека представляет собой сложный конгломерат вариативных высказываний, появление которых мотивировано разнообразными иллюкутивными составляющими, в том числе индивидуально-личностными характеристиками коммуникантов, их мотивами и чувственно-эмоциональным состоянием. Теория речевых актов занимается проблемами идентификации и исследования типологически дифференцированных высказываний, их структурно-семантическим и функциональным анализом, выявлением их речевых характеристик [1-13]. Экспрессивные речевые акты выступают

отдельным предметом рассмотрения теории речевых актов. Данные речевые действия отличаются выражением эмоций, мнений, чувств говорящего и совершаются в соответствии с принципами и правилами речевого поведения конкретного языкового общества, то есть носят соционормативный характер.

Основная часть. Речевые акты извинения относятся к экспрессивным, что требует рассмотрения их основных характеристик, положения в системе класса речевых актов.

Область речевых актов, включающая выражения благодарности, приветствия, комплимента, поздравления, извинения, относится в социологии к «церемониальным действиям» [14, с. 55, 66]. Такие речевые действия подразумевают уважительное, почтительное отношение говорящего, реализующего речевой акт. Они свидетельствуют о социальном статусе говорящего, служат своеобразным «ритуалом» его статуса и указывают на подчинение тому институту, символом которого является слушающий [15, с. 18]. Иными словами, действия таких речевых актов соотносят с установленными в определенном социальном коллективе нормами и правилами речевого поведения говорящего и слушающего. Эти правила детерминированы этикой и моралью социума и являются частью принятого в обществе этикета.

Реализация церемониального или социативного речевого акта, например, речевого акта извинения, предполагает социальное и коммуникативное взаимодействия, вовлекая в этот процесс как говорящего, так и слушающего. Основа такого взаимодействия – уважение к партнеру, его личности и статусу. Следовательно, определенные коммуникативные требования накладываются на обоих участников речевого акта и предполагают учет интересов партнера, следование стандартам вежливости, принятыми в обществе. Нарушение речевого поведения в церемониальных речевых актах можно считать, например, ситуацией грубого ответа на извинение говорящего. Напротив, следование стандартам речевого поведения служит гарантом эффективного взаимодействия говорящего и слушающего, укрепления доброжелательности, дружелюбности и кооперации

между ними, что в практике коммуникативного сотрудничества оказывается важнее, нежели принцип кооперации, сводящийся к внесению личного вклада со стороны собеседников в общее направление разговора [16, с. 222]. Использование речевой стратегии вежливости в церемониальных речевых актах определено важно для сохранения паритета межличностного взаимодействия, предотвращения напряжения и конфликтных ситуаций. Конкретная реализация категории вежливости в церемониальных речевых актах сводится к вариативным формам, в частности, к последним относится галантное, корректное речевое поведение, проявление учтивости и даже почтительности, желание помочь, сопереживать, продемонстрировать интерес к предмету разговора. Впрочем, практически каждый, кто стремится к сохранению уважения в социуме и участвует в коммуникативной интеракции, учитывает важность вежливого обращения с коммуникантами [17]. Исходя из интенциональности коммуникантов поддерживать благожелательные отношения, правила речевого поведения обязывают их выстраивать коммуникацию определенным образом, избирать языковые формы с положительной оценочностью. Ритуальное общение оказывается окутано «теплотой чувств» говорящих, следующих данной речевой стратегии. Однако важно помнить, что следование этикету со стороны говорящего не всегда предполагает искренности выражения его чувств, но может оказаться формальностью, исполнением социального ритуала или даже речевой манипуляцией с целью скрыть свои истинные чувства и эмоции. При этом вежливость, реализуемая церемониальным речевым актом, способна трансформироваться от положительной до отрицательной. Позитивная вежливость проявляет себя при взаимной симпатии коммуникантов, укрепляет позитивное взаимодействие, служит проявлением солидарности [17]. Ей противопоставлена негативная вежливость, реализующая стремление говорящего дистанцироваться, установить личностные границы посредством четко регламентированных этикетных правил речевого поведения.

Характер речевого взаимодействия в церемониальных речевых актах и его формы связаны с социальной стратификацией, установленной в обществе. От представителей определенных слоев социума ожидается соблюдение конвенциональных регламентированных норм речевого поведения, нарушение которых осуждается и не принимается обществом, что влечет за собой стереотипность большинства этикетных церемониальных речевых актов.

Большинство подобных речевых актов усваиваются, хранятся в сознании и продуцируются в языковом сообществе автоматически с минимальными модификациями. Соответственно конструирование новых образцов речевого поведения происходит скорее окказионально, в то время как процесс следования шаблонным устойчивым речевым стереотипам фиксируется повсеместно. Данное обстоятельство оптимизирует коммуникацию, поскольку говорящим и слушающим не приходится прибегать к лингвокреативной деятельности, но следовать определенным штампам, что облегчает речевое взаимодействие [18, с. 101]. В типизированных речевых ситуациях говорящие стремятся использовать формальные речевые модели, а слушающие освобождаются от необходимости внимательно отслеживать воспринимаемый речевой поток, что облегчает декодирование и обработку поступающей информации.

Речевой акт извинения представляет собой эталонный пример экспрессивных речевых актов, подразумевающий следование социальному принятому стандарту речевого поведения и выражающий искренние намерения говорящего. При реализации речевого акта извинения трансформируется статус коммуникантов. По мнению С. Браун и П. Левинсон, извинение понижает статус говорящего и укрепляет статус слушающего [17, с. 68, 187]. Согласно Р. Райтмар, статус говорящего и слушающего складывается в положительном свете, поскольку оба участника коммуникативного процесса придерживаются речевой стратегии вежливости. Но если поводом для извинения служит значительный проступок извиняющегося, то речевой акт извинения снижает его статус и повышает статус слушающего [15, с. 22–23].

В процессе речевого акта извинения говорящий представляет оценку того, о чем он сообщает. Однако помимо интенции собственно извинения продуцируемый речевой акт обладает рядом других коммуникативных интенций, а именно, выражение эмоционального состояния говорящего, признание вины, раскаяние, оправдание за совершенное. Таким образом, речевой акт извинения характеризуется полиинтенциональностью, а значит, выражает комплекс речевых действий. Говорящий принимает на себя ответственность за произошедшее, сожалеет о неблагоприятном исходе и испытывает чувство вины и раскаяния, просит прощения.

Перлокутивный эффект речевых актов извинения достигается в случае принятия извинения адресатом, достижения прощения и восстановлением статуса адресанта. По мнению Н.А. Трофимовой, успешность речевых актов извинения возможна в следующих коммуникативных ситуациях: 1) говорящий признает свою вину, просит прощения и желает, чтобы слушающий забыл о причиненном ущербе в будущем; 2) говорящий и слушающий понимают, что был причинен ущерб, в связи с чем говорящему требуется принести свои извинения во избежание возможных обид со стороны слушающего; 3) говорящий искренне сожалеет о допущенном проступке и стремится к сохранению прежних взаимоотношений со слушающим; 4) извинение совершается говорящим в целях восстановления коммуникативного равновесия между говорящим и слушающим до уровня, предшествующего неблагоприятному поступку [19, с. 37].

Заключение. Обобщая представления о классе экспрессивных речевых актов, накопленных лингвистикой на современном этапе развития, отметим, что всякий речевой акт, обладающий экспрессивностью, обладает смыслом, пропозицией, направлен на выражение эмоций, обладает интенциональностью и согласуется с прагматическими условиями коммуникативной ситуации. Поверхностный смысл экспрессивных речевых актов формируется под влиянием лексических средств, избранных говорящим. Более глубокий уровень смысла раскрывается через анализ глубинных языковых структур, актуализированных

в момент речи. Знание таких структур, к которым, безусловно, относится интонация, способствует проникновению в сущность интенции говорящего и служит залогом адекватного понимания заложенных в речевом высказывании смыслов.

Успешность речевого акта извинения предполагает учет социального и коммуникативного статусов говорящего и слушающего. Коммуниканты с высоким и низким статусами исходят из разного набора регламентированных форм речевого поведения. Помимо этого, речевой акт извинения, нацеленный на достижение успешности со стороны адресата, должен осуществляться адресантом контролируемо, без дополнительных неуважительных или неосознаваемых поступков (ошибок, опозданий и пр.). Присутствие неуважительных действий со стороны говорящего (например, зевания в момент извинения) способно нарушить искренность речевого акта извинения и даже довести его до грубого сарказма. В отдельных ситуациях использование говорящими исключительно шаблонных форм извинения также может вызвать обратный результат со стороны слушающего. Исходя из этого, говорящему, при совершении значительного ущерба слушающему, не следует ограничиваться типизированными этикетными речевыми действиями, но дополнить их эксплицированными формами признания вины и покаяния. Последние следует вербализировать с использованием индивидуализированных языковых средств. Что касается ситуаций неискреннего извинения, то речевые действия говорящего в них строятся на реализации морально-этической категории лжи, мало имеющей отношения к искренним речевым поступкам.

Безусловно, степень проявления раскаяния в речевом акте извинения варьируется, речевые формы ее проявления связываются с разными эмоциональными оттенками состояния говорящего, однако присутствие фактора искренности оказывается решающим для признания извинения как такового.

Список литературы

1. Почепцов Г.Г. *Язык и юмор*. Киев: Вища школа; 1981.
2. Гловинская М.Я. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола*. Москва: Наука; 1982.
3. Формановская Н.И. *Употребление русского речевого этикета*. Москва: Русский язык; 1984.
4. Остин Дж. Слово как действие. Москва: *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986;(17):22–31.
5. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986;(17). URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm [дата обращения: 19.02.2023].
6. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты. *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986;(17). URL: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm [дата обращения: 19.02.2023].
7. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? *Новое в зарубежной лингвистике*. 1986;(17). URL: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i2.htm> [дата обращения: 19.02.2023].
8. Богданов В.В. *Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты*. Ленинград: ЛГУ; 1990.
9. Поспелова А.Г. Функциональный аспект изучения речевых актов: иллокутивно-интерактивная характеристика. *Трехаспектность грамматики на материале англ. яз.* Санкт-Петербург: СПбГУ; 1992. с. 68–85.
10. Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика*. Москва: Восточная литература; 1995.
11. Формановская Н.И. К уточнению понятия экспрессивные речевые акты. Москва: *Русский язык за рубежом*. 1998;(4):40–45.
12. Ballmer T.T., Brennenstuhl W. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. URL: <https://archive.org/details/speechactclassif0000ball> [дата обращения: 19.02.2023].
13. Habermas J. *The theory of communicative action*. URL: <https://archive.org/details/theoryofcommunic01habe> [дата обращения: 19.02.2023].
14. Goffman E. *Relations in public*. New York: Basic Books; 1971.
15. Ратмайр Р. *Прагматика извинения: сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*. Москва: Языки славянской культуры; 2003.
16. Грайс П. Логика речевого общения. Москва: *Новое в зарубежной лингвистике*. 1985;(16):213–217.
17. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
18. Кубрякова Е.С. *Номинативный аспект речевой деятельности*. Москва: URSS: ЛКИ; 2008.
19. Трофимова Н.А. *Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ*. Санкт-Петербург: BBM; 2008.

References

1. Pochepcov G.G. *Language and humor*. Kiev: Vishha shkola; 1981. (In Russ.)
2. Glovinskaja M.Ja. *Semantic types of specific oppositions of the Russian verb*. Moscow: Nauka; 1982. (In Russ.)
3. Formanovskaja N.I. *The use of Russian speech etiquette*. Moscow: RusskiyJazyk; 1984. (In Russ.)
4. Ostin Dzh. A word as an action. Moscow: *New in foreign linguistics*. 1986;(17):22–31. (In Russ.)

5. Serl' Dzh.R. Classification of illocutionary acts. *New in foreign linguistics*. 1986;(17). Available from: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_4.htm [accessed 19.02.2023]. (In Russ.)
6. Serl' Dzh.R. Indirect speech acts. *New in foreign linguistics*. 1986;(17). Available from: https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/_5.htm [accessed 19.02.2023]. (In Russ.)
7. Serl' Dzh.R. What is a speech act? *New in foreign linguistics*. 1986;(17). Available from: <https://classes.ru/grammar/159.new-in-linguistics-17/source/worddocuments/i2.htm> [accessed 19.02.2023]. (In Russ.)
8. Bogdanov V.V. *Speech communication. Pragmatic and semantic aspects*. Leningrad: LSU; 1990. (In Russ.)
9. Pospelova A.G. Functional aspect of speech acts study: illocutionary and interactive features. *Three-aspect grammar based on the material of the English*. Saint Petersburg: SpbGU; 1992. P. 68–85. (In Russ.)
10. Apresjan Ju.D. *Lexical semantics*. Moscow: Vostochnajaliteratura; 1995. (In Russ.)
11. Formanovskaja N.I. To clarify the concept of expressive speech acts. *Russian language abroad*. 1998;(4):40–45. (In Russ.)
12. Ballmer T.T., Brennenstuhl W. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. Available from <https://archive.org/details/speechactclassif0000ball> [accessed 19.02.2023].
13. Habermas J. *The theory of communicative action*. Available from: <https://archive.org/details/theoryofcommunic01habe> [accessed 19.02.2023].
14. Goffman E. *Relations in public*. New York: Basic Books; 1971.
15. Ratmajr R. *Pragmatics of apologies: a comparative study based on the material of the Russian language and Russian culture*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury; 2003. (In Russ.)
16. Grajs P. Logic of speech communication. Moscow: *New in foreign linguistics*. 1985;(16):213–217. (In Russ.)
17. Brown P., Levinson S.C. *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press; 1987.
18. Kubrjakova E.S. *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: URSS, LKI; 2008. (In Russ.)
19. Trofimova N.A. *Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis*. Saint Petersburg: VVM; 2008. (In Russ.)

Автор публикации

Заграевская Татьяна Борисовна –
доктор филологических наук, профессор
Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Россия
Email: zagraevskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

Кусов Азамат Русланович –
лаборант
Пятигорский государственный университет
Пятигорск, Россия
Email: zagraevskaya@yandex.ru

Заграевская Станислава Михайловна –
лаборант
Московский инженерно-физический институт
Москва, Россия

Author of the publication

Zagrajevskaya Tatiana Borisovna –
Doctor of Philological Sciences, Professor
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia
Email: zagraevskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

Kusov Azamat Ruslanovich –
laboratory assistant
Pyatigorsk State University
Pyatigorsk, Russia
Email: zagraevskaya@yandex.ru

Zagrajevskaya Stanislava Mikhailovna –
laboratory assistant
Moscow Engineering Physics Institute
Moscow, Russia

Email: szagraevskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7734-8505>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14.03.2023
Одобрена после рецензирования: 25.04.2023
Принята к публикации: 7.05.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Email: szagraevskaya@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7734-8505>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 14.03.2023
Approved after peer reviewing: 25.04.2023
Accepted for publication: 7.05.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`27

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.246-256>

ТРАЙБАЛИЗМ В КАМЕРУНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Нефедова Л.А., Элла А.-Б.

Челябинский государственный университет, Россия, Челябинск
lan2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>
anicetville@yahoo.fr

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию трайбализма, проявляющегося в речи политических деятелей. Рассматриваются типичные коммуникативные акты, реализующиеся в дискурсе камерунских политиков, использующих стратегию дискредитации оппонента для репрезентации групповой обособленности, которая характеризуется внутренней клановой замкнутостью и исключительностью.

Для проведения лингвистического анализа использовались лингвокогнитивные и семантические методы исследования, с помощью которых были выявлены способы, которыми идеология и племенная власть пользуются в политической коммуникации, а также в средствах массовой информации. Это позволило рассмотреть коммуникативный портрет камерунского политика. В ходе исследования было установлено, что часто говорящие не осознают того, что употребляемые ими слова действительно влияют и воздействуют на мысли, действия, морально-эмоциональное состояние и чувства слушателя, а значит, и на его поведение. Было исследовано, как реализуется принцип сотрудничества, как часто он игнорируется, пренебрегают ли политики правилами и этикой поддержания хороших социальных отношений, проявляющихся в языке этнокультурного сообщества. В ходе исследования устанавливается, что трайбализм проявляется посредством речевой агрессии, имеет разрушительные последствия в рамках воздействия на языковом уровне на отдельных людей и нацию в целом. Делается вывод о том, что многое зависит от сложной языковой ситуации, сложившейся в Камеруне, когда одни лидеры говорят на английском языке, другие – на французском, и совсем нет политиков, говорящих на родном языке.

Ключевые слова: трайбализм; политический дискурс; коммуникативный портрет политика; этнокультурное общество; речевая агрессия

Для цитирования: Нефедова Л.А., Элла А.-Б. Трайбализм в камерунском политическом дискурсе. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 246–256. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.246-256>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.246-256>

TRIBALISM IN THE CAMEROONIAN POLITICAL DISCOURSE

Nefedova L.A., Ella A.-B.

Chelyabinsk State University
lan2@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>
anicetville@yahoo.fr

Abstract. This article is devoted to the study of tribalism, which manifests itself in the speech of political actors. Typical communicative acts are considered here, which are realized in the speeches of Cameroonian politicians, who use the strategy of discrediting the opponent to represent group isolation, which is characterized by internal clan isolation and exclusivity.

To carry out linguistic analysis, linguo-cognitive and semantic research methods were used, with the help of which the ways that ideology and tribal power are constantly used both in everyday conversational discourse and in political communication, as well as in the media, were identified. This gives the possibility to consider the communicative portrait of the Cameroonian politician. The study finds that speakers often do not realize that the words they use really influence and affect the thoughts, actions, morale and emotional state and feelings of the listener, and hence his behavior. It was investigated and observed how the principle of cooperation is implemented, how often it is ignored, whether politicians neglect the rules and ethics of maintaining good social relations, which is manifested in the language of an ethno-cultural community. The study establishes that tribalism manifests itself in verbal aggression, has devastating consequences as well as being part of the impact at the linguistic level on individuals and on the nation as a whole. It is concluded that much depends on the difficult language situation that has developed in Cameroon, when some leaders speak English, others speak French, and there are no politicians who speak their native language at all.

Keywords: tribalism; political discourse; communicative portrait of a politician; ethno-cultural society; verbal aggression

For citation: Nefedova L.A., Ella A.-B. Tribalism in the Cameroonian Political Discourse. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 246–256. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.246-256>

Трайбализм – понятие, отражающее форму групповой обособленности, характеризующую внутреннюю замкнутостью и исключительностью, враждебностью по отношению к другим группам. В данном исследовании оно рассматривается в лингвистическом контексте на материале камерунского политического дискурса.

Политический дискурс характеризует общественно-политические отношения, он формируется и определяется как сложное коммуникативное явление. Ю.В. Ключев в своей работе «Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия» приходит к выводу, что за понятием «политический дискурс» скрывается «сложное социально детерминированное коммуникативное лингво- и экстралингвистическое явление (событие), неотъемлемая часть которого – актуализированная политическая речь» [1, с. 5]. Данное понятие является полным и включает в себя все основные аспекты политического дискурса, в том числе присутствие социального компонента, а

также наличие экстралингвистического характера. В данном случае происходит «процесс объединения результатов познавательной деятельности человека, освоение полученных знаний в пределах человеческого сознания и сопоставление их с традициями и культурными ценностями» [2, с. 43].

Понятие «трайбализм» свидетельствует о нетерпимости и отсутствии сотрудничества между коммуникантами. Неприятие «чужих» в оппозиции «свой-чужой» подчеркивает различия и разногласия, которые возникают в обществе. Ради достижения цели политики склонны скрывать свои намерения, а достигнув ее, становятся агрессивными и часто используют стратегию дискредитации оппонента. Стефан Хобфолл утверждает, что «наша склонность группировать себя в племенах отражает первобытный эволюционный инстинкт защищать себя от тех, чью инаковость мы переживаем политически и культурно как угрозу нашему существованию» [3, с. 195].

Как отмечают Кори Кларк и Бо Винегард, «хотя трайбализм развился в нашей долгой истории человечества с межгрупповой конкуренцией и конфликтами и не является „плохим по своей сути“, членство в племени может приводить к идеологическому мышлению и священные ценности искажают когнитивную обработку предположительно объективной информации» [4, с. 1].

В Республике Камерун имеет место противопоставление англоговорящих и франкоговорящих политиков. Это произошло из-за официального двуязычия: в стране сосуществуют два официальных европейских языка – французский и английский [5, с. 3]. При этом, по мнению Ю.С. Блажевич, «официальные языки (английский и французский), обладая особым статусом и престижем, представляют серьезную угрозу для местных языков. Французский язык доминирует во всех сферах жизни Камеруна, вытесняя все остальные языки, даже английский» [6, с. 91].

Говоря о трайбализме, М.В. Корнякова считает, что происходит развитие и усложнение данного процесса в обществе. Социальная напряженность, обусловленная глобализацией, приводит к дроблению на небольшие группы –

трайбы, противопоставленные другим группам [7, с. 82]. В рамках трайбов объединяются народы разной этнической принадлежности, говорящие на разных языках, отличные по уровню социально-экономического и культурного развития, имеющие общие интересы, противостоящие представителям других племен.

Проявление этих качеств можно рассмотреть посредством анализа речевого портрета политической языковой личности. По мнению С.С. Тахтаровой и Д.В. Павлова, «активно развивающийся в языкознании антропоцентрический подход ставит во главу угла исследований не изучение системы языка, его устройства, а самого человека, который использует язык для успешной коммуникации в повседневной жизни, кристаллизирующийся в дальнейшем в речевой портрет говорящего субъекта» [8, с. 92]. В данной статье рассматриваются коммуникативные портреты лидеров этнических групп бамилеке и булу, анализируются стратегии, используемые политическими англо- и франкоязычными камерунскими политиками, при дискредитации оппонентов.

Как считает Ю.Н. Щербина, речевая дискредитация в широком смысле – это «грубое, оскорбительное, обидное общение; словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме: оскорбление, угроза, грубое требование, насмешка» [9, с. 397]. В лингвистике используются понятия «вербальная агрессия», «словесная дискредитация», «языковая дискредитация»; мы остановимся на термине «языковая дискредитация» и рассмотрим ее в камерунском политическом дискурсе на следующем примере:

“I see that the founder of the ‘the Movement for the renaissance of Cameroon’ chose the logic of ‘I don’t care’, but soon he will find himself in the country of ‘if I knew’”. ‘Я вижу, что основатель «Движения за возрождение Камеруна» выбрал логику «мне все равно», но скоро он окажется в стране «если бы я знал» (*перевод наш – Э. А.-Б.*) [15].

Эти слова были произнесены министром территориального управления Полем Атанга Джи во время его интервью в Яунде. Своей фразой «*Я вижу, что лидер партии „Движение за возрождение Камеруна“ выбрал логику, „мне все равно“, но скоро он окажется в стране „если бы я знал“*» он унижает своего противника.

Выражение *'I don't care'* (мне все равно; мне наплевать (разг.)) часто используется в Камеруне, и большинство камерунцев понимают его значение как способ показать никчемность кого-либо, т.е. дискредитировать. В данном случае министр оскорбляет оппозиционера, сказав, что его наплевательское отношение может дестабилизировать и создать беспорядок, а не способствовать миру и порядку в обществе. Фраза *'if I knew'* (если бы я знал) высмеивает профессора Мориса Камто, и как бы обличает его недалёковидность.

Часто исследователи считают сферу политического дискурса полем для использования манипулятивного воздействия. В частности, О.Л. Михалева определяет манипулятивное воздействие как «особый вид психологического воздействия, характеризующийся установкой на скрытое внедрение в психику объекта целей, желаний, намерений, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформулировать самостоятельно» [10, с. 7-8].

Ни для кого не секрет, что язык является мощным средством коммуникативного воздействия. С его помощью можно не только описывать события и объекты окружающей действительности, но и выражать к ним своё отношение, задавая адресату определённое видение мира, манипулируя его восприятием и навязывая положительную или отрицательную оценку.

Как считает Т.А. Воронцова, «речевая агрессия рассматривается как коммуникативная реалья, которая может существовать в рамках любого дискурса, независимо от его временных и национальных параметров, это конфликтогенное речевое проведение, которое приводит к конфликту не только на уровне межличностного общения или к конфликту между прямым и косвенным адресатом, но и способно провоцировать масштабные социальные конфликты» [11,

с. 85-86]. Проанализируем несколько выступлений политиков, обратив внимание на то, что политические аргументы в значительной степени пронизаны речевой агрессией, не предназначенной для разработки разумного политического курса, и несут в себе манипулятивность.

Как способствует формированию лингвотрайбализма публичное выступление, можно судить на примере отрывка из побочного комментария к предвыборной речи, где наблюдается соперничество за политическую власть, ссоры из-за того, как лучше разделить должности:

“Vous devez surtout vous défier des chants. Trompeurs, des oiseaux des mauvaises augures, ces marchands d'illusions qui n'ont pour projet que la déstabilisation”. ‘Прежде всего, вы должны быть осторожны с песнями. Обманщики, птицы дурного предзнаменования, эти торговцы иллюзиями, чей единственный план – дестабилизация’ (перевод наш - Э. А.- Б.) [14].

Из приведенного примера видно, как эмоционально политик называет людей следующими словами с негативной коннотацией, ‘*trompeurs*’ (обманщики), ‘*des oiseaux des mauvaises augures*’ (птицы дурного предзнаменования), ‘*ces marchands d'illusions*’, (торговцы иллюзиями), агрессивно относясь к оппозиционерам.

Другой яркой иллюстрацией дискурса с целью дискредитации является декларация, в которой спикер называет активистов гражданского общества в диаспоре хулиганами тонтинарами ‘*hooligans Tontinards*’ (тонтинары – это этническая группа бамилике, которая находится в оппозиции), заявляя, что *“Tant que les hooligans Tontinards ne feront pas de la politique civilisée, je ne les lâcherai pas !!!”*. ‘Пока хулиганы Тонтинары не станут заниматься цивилизованной политикой, я им не позволю дестабилизировать государство’ (перевод наш – Э. А.-Б.).

Очень агрессивен в языковом плане и следующий пример: *“Tant que pour eux, il faut nécessairement couvrir d'injures les plus abjectes et obscènes ceux qui ont le malheur de ne pas être d'accord avec leur gourou tonton Maurika, ils m'auront en face”*. ‘Пока они верят, что необходимо обильно осыпать низменными и непри-

стойными оскорблениями тех, кто, к сожалению, не разделяет точки зрения их гуру дядюшки Маурика, они будут иметь дело со мной'. (*перевод наш – Э. А.-Б.*) [14].

Это заявление сторонника действующей системы власти дискредитирует тех, с кем у него разные точки зрения, им используются иронично-фамильярные словосочетания, как, например, *'Tonton Maurika'* (дядюшка Маурика): так он иронично называет профессора Мориса Камто, лидера оппозиции. Называя его *'gourou'* (гуру – духовный наставник, учитель), он вкладывает уничижительный оттенок, который вытекает из контекста.

О таких лингвистических моментах в Камеруне пишет Ж. Багана: «лингвистическое многообразие Камеруна способствует выражению его культурного наследия и оказывает влияние на французский язык, который все больше и больше меняется под влиянием местных языков. Поэтому в современном варианте французского языка в Камеруне обнаруживается большое количество языковых модификаций: неологизмы, искажения синтаксических норм классического французского языка» [12, с. 67].

Кроме того, хотелось бы обратить внимание на неуважительный тон и выбор таких выражений, как *'d'injures les plus abjectes et obscènes'* (самые гнусные и непристойные оскорбления), когда он описывает политического оппонента как *'gourou tonton Maurika'*, и угрожает тем, что *"Tant que leur positionnement politique sera basé sur l'instrumentalisation cynique des ethnocentriques souvent portés jusqu'au summum de l'ethnofascisme, ils me trouveront sur leur chemin."* 'До тех пор, пока их политическая позиция основана на циничной инструментализации и этноцентрических наклонностях, часто доходящих до крайнего этнофашизма, они застанут меня поджидающим на их дороге'. (*перевод наш – Э. А.-Б.*) [14].

Для реализации стратегии дискредитации используется определенный репертуар речевых тактик: это тактики обвинения, нагнетания отрицательного, например, нанизывание отрицательных фактов или последствий; также приме-

няются тактики непрямых оскорблений, навешивания ярлыков, умаляющих сравнений и др. Достижению заданной цели способствуют использование метафор с негативной оценочностью, иронии и сарказма. Принято считать, что использование данной стратегии обычно обуславливает обращение к приемам речевой агрессии.

Стратегию дискредитации иногда представляют «как два коммуникативных действия: объективная дискредитация с целью выразить объективную негативную оценку и субъективная дискредитация с целью подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах партнера, представить его негативно» [13, с.99]. В камерунском дискурсе чаще проявляется субъективная дискредитация. Рассмотрим это на приведенном ниже примере:

“Do I have to pass a contest to be Bulu?” [Морис Камто]. ‘Должен ли я пройти конкурс, чтобы стать Булу?’ (*перевод наш – Э. А.-Б.*).

В данном случае речь идет о том, что политики из племени «булу» убеждают аудиторию, что «бамилеке» никогда не станет президентом в Камеруне, дискредитируя племя, вызывая сомнение в положительных качествах его представителей. В приведенном примере мы можем увидеть слово «булу», которое обозначает название племени. Политический лидер “MRC” (Партия возрождения Камеруна) Морис Камто пытается доказать, что так сложилось, что только одно племя может и имеет право управлять Камеруном, а представители других племен просто недостойны. Из-за этого выступления с использованием названия племени некоторые политические лидеры напали на него и заявили, что он пропагандирует трайбализм.

Эта ситуация отражает реальность политической атмосферы в Камеруне. Политическое руководство в Камеруне, похоже, определяется не его заслугами, а принадлежностью к племени и тем, что лидер говорит на европейском языке. Еще один иллюстрирующий это пример: *“I said, my name is Maurice Kamto, I was born on 15 February 1954 in Bafoussam. Oh Bafoussam! By Cameroonian geography, this corresponds to what is called the Bamileke region. I am from, some*

would have liked me to say that I do not come from this region or from this ethnic group”. ‘Я сказал, что меня зовут Морис Камто, я родился 15 февраля 1954 года в Бафуссаме. О, Бафуссам! По камерунской географии это соответствует тому, что называется регионом Бамилеке, и некоторые хотели бы, чтобы я сказал, что я не из этого региона или не из этой этнической группы’ (перевод наш – Э.А.-Б.) [16].

Лидер “MRC” Морис Камто, чувствует себя дискредитированным, потому что он «Бамилеке» (из западного региона), и поэтому племя «булу», которое правит страной, считает его неспособным управлять страной.

Важные события в Камеруне, происходящие в политической жизни, предоставили лингвистам прекрасную возможность рассмотреть проявление племенного неравенства в камерунском англо- и франкоязычном политическом дискурсе. Нашей задачей был анализ примеров, в которых проявляется намерение дискредитировать личность, принадлежащую к другому трийбу. Лингво-трейбализм проникает в политику по мере того, как осуществление власти концентрируется в руках людей из одних племен, исключая другие, что разжигает ненависть. В деле построения более сильной нации, которая определяется единством территории, культуры и языка, а не через племенные политические манипуляции, непатриотические и неэтичные ценности, которые бросают вызов общественной морали, должна вестись взвешенная языковая политика.

Список литературы

1. Ключев Ю.В. *Политический дискурс в массовой коммуникации: анализ публичного политического взаимодействия*. М.: Директ-Медиа; 2016.
2. Яхин М.А., Сакаева Л.Р. Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики в трудах отечественных и зарубежных языковедов. *Казанский лингвистический журнал*. 2019; 4 (2):38–47.
3. Hobfoll Stevan E. *Tribalism: The Evolutionary Origins of Fear Politics*. L.: Palgrave Macmillan; 2018.
4. Clark C., Winegard B. *Tribalism in War and Peace: The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science*. URL: https://www.researchgate.net/publication/338754119_Tribalism_in_War_and_Peace_The_Nature_and_Evolution_of_Ideological_Epistemology_and_Its_Significance_for_Modern_Social_Science [дата обращения: 16.02.2023].

5. Блажевич Ю.С. Этноязыковая и культурная ситуация в Камеруне. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018;1(78):90–92.
6. Блажевич Ю.С. *Судьба европейских языков в Камеруне*: монография. Москва: Флинта; 2021.
7. Корнякова М.В. Свой среди чужих: современный трайбализм и его влияние на государство. Сб. статей. Симферополь, изд-во Крымского федер. ун-та. 2020:82–99.
8. Тахтарова С.С., Павлов Д.В. Коммуникативный портрет как главное средство создания образа героя (на материале романа-фантазмагории Энтони Берджесса «Доктор боллен»). *Казанский лингвистический журнал*. 2019;2(2):90–97.
9. Щербинина Ю.В. *Речевая агрессия. Территория вражды*. М: Форум; 2012.
10. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: автореф. на соискание уч. степени канд. филол. наук. 2004.
11. Воронцова Т.А. Речевая агрессия в коммуникативно-дискурсивной парадигме. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006;(1):83–86.
12. Багана Ж. Особенности словообразования в камерунском варианте французского. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018;2(79):67–70.
13. Азначеева Е.Н. и др. *Дискурс: функционально-прагматический и когнитивный аспекты*, кол. монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та; 2008. 154 с.
14. Paul Biya's publication on Facebook, 03.05.2019. URL: <https://www.lebledparle.com/fr/politique-cameroun/1107537-paul-biya-vous-devez-vous-defier-des-marchands-d-illusion> [дата обращения: 15.03.2023].
15. Article of the “Journal du Cameroun.com”. URL: <https://www.journalducameroun.com/en/news-in-brief/i-did-not-choose-to-be-born-bamileke-maurice-kamto/> [дата обращения: 22.03.2023].
16. Maurice Kamto: Ex-Cameroon minister claiming to be president-elect, 09.10.2018. URL: <https://www.africanews.com/2018/10/09/maurice-kamto-ex-cameroon-minister-claiming-to-be-president-elect/> [дата обращения: 2.03.2023].

References

1. Klyuyev YU.V. *Political discourse in mass communication: an analysis of public political interaction*. М.: Direkt-Media; 2016. (In Russ.)
2. Yakhin M.A., Sakayeva L.R. Concept as a basic feature of cognitive linguistics in the works of domestic and foreign linguists. *Kazan Linguistic Journal*. 2019;4(2):38–47. (In Russ.)
3. Hobfoll Stevan E. *Tribalism: The Evolutionary Origins of Fear Politics*. L.: Palgrave Macmillan; 2018.
4. Clark C., Winegard B. Tribalism in War and Peace: *The Nature and Evolution of Ideological Epistemology and Its Significance for Modern Social Science*. Available from: https://www.researchgate.net/publication/338754119_Tribalism_in_War_and_Peace_The_Nature_and_Evolution_of_Ideological_Epistemology_and_Its_Significance_for_Modern_Social_Science [accessed: 16.02.2023].
5. Blazhevich YU.S. Ethno-linguistic and cultural situation in Cameroon. *Scientific notes of the Oryol State University*. 2018;1(78):90–92. (In Russ.)
6. Blazhevich YU.S. *The fate of European languages in Cameroon: a monograph*. М.: Flint; 2021. (In Russ.)
7. Korniyakova M.V. Home among strangers: modern tribalism and its impact on the state. Sat. articles. Simferopol, publishing house of the Crimean Federation University; 2020:82–99. (In Russ.)
8. Takhtarova S.S., Pavlov D.V. Communicative portrait as the main means of creating the character image (based on novel by Anthony Burgess “Doctor is sick”). *Kazan Linguistic Journal*. 2019;2(2):90–97. (In Russ.)

9. Shcherbinina YU. V. *Verbal aggression. Territory of hostility*. M.: Forum; 2012. (In Russ.)
10. Mikhaleva O. L. Political discourse as a sphere for the implementation of manipulative influence: author. for an apprenticeship Ph.D. philol. Sciences. Kemerovo. 2004.
11. Vorontsova T.A. Speech aggression in the communicative-discursive paradigm. *Vestnik VSU, Series Linguistics and Intercultural Communication*. 2006;(1):83–86. (In Russ.)
12. Bagana ZH. Peculiarities of word formation in the Cameroonian version of French. *Uchenye zapiski Oryol State University*. 2018;2(79):67–70.
13. Aznacheeva E.N. et al. *Discourse: functional-pragmatic and cognitive aspects*. Col. Monograph. Chelyabinsk: Publishing house Chelyab. State University; 2008.
14. Paul Biya's publication on Facebook, 03.05.2019. Available from: <https://www.lebledparle.com/fr/politique-cameroun/1107537-paul-biya-vous-devez-vous-defier-des-marchands-d-illusion> [accessed: 15.03.2023].
15. Article of the “Journal du Cameroun.com”. Available from: <https://www.journalducameroun.com/en/news-in-brief/i-did-not-choose-to-be-born-bamileke-maurice-kamto/> [accessed: 22.03.2023].
16. Maurice Kamto: Ex-Cameroon minister claiming to be president-elect, 09.10.2018. Available from: <https://www.africanews.com/2018/10/09/maurice-kamto-ex-cameroon-minister-claiming-to-be-president-elect/> [accessed: 2.03.2023].

Автор публикации

Нефедова Лилия Амириановна –
доктор филологических наук, профессор
Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
Email: lan2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

Author of the publication

Nefedova Liliya.Amirianovna –
Doctor of Philology, Professor,
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
Email: lan2@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3105-766X>

Элла Анисет Блэйзэ

аспирант
Челябинский государственный университет
Челябинск, Россия
Email: anicetville@yahoo.fr

Ella Anicet-Blaise

Graduate Student,
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
Email: anicetville@yahoo.fr

**Раскрытие информации о конфликте
интересов**

Автор заявляет об отсутствии
конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 16.10.2022
Одобрена после рецензирования: 30.11.2022
Принята к публикации: 5.12.2022

Article info

Submitted: 16.10.2022
Approved after peer reviewing: 30.11.2022
Accepted for publication: 5.12.2022

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81-139

Филологические науки
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

**ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ
ПОДХОДОВ К ПРЕПОДАВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Е.М. Попкова¹, О.И. Палагина²

МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

¹e.popkova@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-2894>

²oxana.palagina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0594-659X>

Аннотация. На фоне недавних социальных и экономических сдвигов, развития цифровых технологий и трансформирования системы международных отношений назрела необходимость преобразований в подходе к преподаванию дипломатического дискурса на иностранном языке. В статье анализируются причины и суть изменений, произошедших за последнее десятилетие в наполняемости дипломатического дискурса в области востребованных языковых средств и компетенций, развитие которых должно быть частью образовательных программ по обучению иностранным языкам будущих дипломатов. Анализ затрагивает жанровые характеристики языка дипломатии, его лексико-грамматические особенности, а также место в парадигме подходов к преподаванию иностранных языков с точки зрения включения его в категорию иностранного языка для общих или специальных целей. Результаты исследования показывают, что развитие дипломатического дискурса идет в сторону усиления междисциплинарности его характера и в плане конституирующих элементов дипломатической терминологии, и в плане востребованных компетенций. Анализируя опыт преподавания английского языка будущим дипломатам на кафедре английского языка №1 МГИМО МИД РФ, авторы очерчивают главные компетенции, которые формируют основу современных языковых образовательных программ в этой сфере и приходят к выводу, что методология обучения дипломатическому дискурсу на иностранном языке лежит в области обучения иностранным языкам для специальных целей и, следовательно, требует особого подхода.

Ключевые слова: дипломатический дискурс; иностранный язык для специальных целей; язык дипломатии; дипломатическая терминология; междисциплинарность; подходы к преподаванию иностранного языка

Для цитирования: Попкова Е.М., Палагина О.И. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 257–270. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

Original article

Philology studies
<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

**DIPLOMATIC DISCOURSE IN THE MODERN PARADIGM
OF APPROACHES TO FOREIGN LANGUAGE TEACHING**

E.M. Popkova¹, O.I. Palagina²

¹MGIMO University, Moscow, Russia

¹e.popkova@my.mgimo.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1304-2894>

²oxana.palagina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0594-659X>

Abstract. The necessity of implementing changes to methods of teaching diplomatic discourse in a foreign language has become apparent against the background of recent social and economic changes, digital technology development and transformation of the system of international relations. The article analyses the reasons for and the essence of changes which have occurred in the content of diplomatic discourse over the last decade and relate to its linguistic characteristics and competencies required, and whose development should become part of foreign language educational curricula for future diplomats. Analysis involves genre characteristics of diplomatic discourse, its lexical and grammatical features, as well as its place in the paradigm of foreign language teaching methods with regard to its inclusion in the category of language learning for general or specific purposes. According to the findings, diplomatic discourse develops in the direction of increased interdisciplinarity of its nature, both from the perspective of constituent elements of diplomatic terminology and that of skills required. Analysing the record of teaching English to future diplomats at English Department №1 of MGIMO University, the authors outline the principal competences fundamental to modern educational curricular in the sphere of language teaching and come to the conclusion that methodology pertinent to the field belongs to the spectrum of methods of teaching languages for specific purposes and, as such, requires a special approach.

Keywords: diplomatic discourse; foreign language for specific purposes; language of diplomacy; diplomatic terminology; interdisciplinarity; language teaching approaches

For citation: Popkova E.M., Palagina O.I. Diplomatic discourse in the modern paradigm of approaches to foreign language teaching. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 257–270. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.257-270>

Среди круга задач, стоящих перед специалистами-международникам с учетом их рода деятельности, центральное место, как справедливо замечает М.В. Беляков, занимает «способность общаться, вести переговоры и убеждать» [1, с. 21]. И подготовка специалистов в области ведения переговоров на международной арене, особенно учитывая непреходящую турбулентность последних десятилетий, наблюдающуюся в мире, представляет особую важность для интересов государства, что определяет актуальность представленного исследования.

В этом контексте первостепенное значение приобретает разработка более эффективных программ обучения будущих дипломатов, далеко не последнее место среди которых занимают программы языковой подготовки. Особая важность языковых программ становится очевидной, если учесть тот факт, что с начала XXI века обучение языкам стало строиться исходя из принципов компетентностного подхода, определяемого Исаковой С.С. как «формирование практических знаний иностранного языка» [2, с. 87], нацеленного на актуализацию языкового образования в реальной жизни. Иными словами, компетентностный

подход предполагает овладение обучаемыми различными видами «компетенций» – практических коммуникативных навыков, важнейшим компонентом которых является умение достигать реальной цели, и «устанавливает новый тип образовательных результатов не сводимых к комбинации сведений и навыков, а ориентированный на способность и готовность личности к решению разного рода проблем...» [3, с. 27]. При этом в число таковых входят языковые навыки не только общей, но и профессиональной направленности, что нашло отражение в разделении подходов к преподаванию иностранного языка на преподавание иностранных языков для общих и профессиональных целей. Последний из них готовит обучаемых к ведению профессиональной деятельности на иностранном языке с учетом целевых задач и ситуаций общения, а содержание и цели программы языковой подготовки определяются конкретными потребностями определенного контингента обучающихся [4, 5].

Несомненно, изменения, внедряемые в образовательные программы по иностранным языкам, помимо изменений в востребованных профессиональных компетенциях должны учитывать и лингвистические изменения в языковом наполнении дискурса различных видов профессиональной деятельности, происходящие под влиянием факторов развития общества и технологий. И в этой связи важно не попасться в ловушку удобного, опробованного временем, традиционного подхода к преподаванию иностранных языков, а своевременно отслеживать изменения в потребностях обучаемых и оперативно реагировать на них путем преобразования наполняемости курсов обучения.

Представленное исследование ставило целью определить жанровые и языковые особенности дипломатического дискурса, выделяемые на данном этапе развития дипломатии как вида профессиональной деятельности, а также целевые ситуации общения и связанные с ними задачи, входящие в круг необходимых современным дипломатам языковых компетенций.

Еще одной целью ставилось рассмотреть принципы, на которых необходимо основывать обновленные образовательные программы преподавания ино-

странного языка будущим дипломатам: должно ли обучение строиться с применением подхода к обучению языку для профессиональных целей или для так называемых общих целей – вопрос, нередко возникающий у специалистов в области преподавания иностранного языка, малознакомых со спецификой данной области. Правильный ответ на данный вопрос имеет решающее значение при выборе учебного материала и выстраивания учебных программ, соответствующих вызовам настоящего времени.

Основными методами исследования, легшими в основу данной статьи, стал сравнительный анализ литературы по вопросу природы дипломатического дискурса, включающий диссертационные исследования, статьи в научных журналах, публикации мнений специалистов в данной области, размещенные в сети Интернет, а также анализ образовательных программ и учебной литературы, применяемых на кафедре английского языка №1 МГИМО МИД РФ, одного из ведущих вузов в области подготовки специалистов-международников. При этом проведенное исследование опиралось на качественный анализ аспектов дипломатического дискурса не только с точки зрения синхронии, но и рассматривало его развитие в диахронической плоскости для отслеживания тенденций происходящих изменений, а также характеристик дипломатического дискурса, остающихся неизменными на протяжении последних десятилетий его развития. С этой целью для анализа привлекались источники, опубликованные в течение двух предшествующих десятилетий, то есть с того времени, когда получил свое развитие компетентностный подход в преподавании иностранных языков, что повлияло на методологию преподавания.

Результаты исследования показывают, что разделение дипломатического дискурса по жанрам в первую очередь проходит по линии разделения двух форматов – письменного (официально-документального) и устного (обиходно-делового). Что касается дипломатических документов, их наиболее полная классификация была предложена И.И. Борисенко и Л.И. Евтушенко[6] и является актуальной и на данный момент: 1) договоры и другие международные со-

глашения; 2) конституционные акты ООН и других международных организаций; 3) односторонние юридические акты; 4) резолюции и отчеты Генеральной Ассамблеи ООН и других международных организаций; 5) заключительные документы межправительственных визитов, переговоров, международных конференций; 6) дипломатическая корреспонденция (официальные и неофициальные письма, вербальные ноты, памятные записки / меморандумы, экзекватура, грамоты (верительные, отзывные), и пр.).

Документы договорного плана являются весьма формализованными и включают большое количество клишированных фраз, а дипломатическая переписка, в свою очередь, «„регулируется“ соблюдением протокола» [7] в плане степени вежливости и характеризуется большим количеством протокольных формул.

Говоря об устной дипломатической коммуникации, следует разделять жанры, относящиеся к ее публичной части (пресс-конференции, заявления, выступления дипломатов на заседаниях международных организаций, и др.) и закрытой, которая, как правило представляет собой переговорный процесс между двумя или более сторонами. При этом публичная часть дипломатической коммуникации (как в письменной, так и в устной форме) зачастую требует особого красноречия для убеждения широких масс в правильности своей позиции, а следовательно, владением приемами ораторского искусства. В то же время для переговорного процесса особую важность имеет «умение быть политически корректным и сдержанным, но при этом доносить информацию и добиваться поставленной цели» [8, с. 167], для чего необходимы знания теории коммуникации, включая владение определенными стратегиями (напр., стратегия оппозиционирования) и реализующими их тактиками общения (напр., уход от ответа, вуалирование и пр.), описание которых приводится в ряде работ [9; 10; 11].

Что касается лексико-грамматического наполнения, из вышеприведенного очевидно, что дипломатический дискурс имеет интердискурсивный характер, что обуславливает его специфическое лексико-грамматическое наполнение.

Так, в лексическом плане дипломатический дискурс впервые очередь характеризуется наличием таких конституирующих элементов как терминология из дипломатической, политической, юридической, военной и экономической сфер, а также из сферы масс-медиа. Некоторые авторы отмечают также включенность в область международных отношений понятий из таких смежных направлений как сфера безопасности и финансовая сфера [12].

Широкое использование в дипломатическом языке клишированных фраз и протокольных формул, которые можно отнести к этикетной и комплиментарной лексике, помогает повысить эффективность дипломатической коммуникации, так как позволяет сэкономить время и обеспечить однозначное понимание текстов дипломатической переписки. В то же время стандартизированные клише устной речи оказывают дипломатическим работникам помощь и в ситуациях устного общения, требующих спонтанного ответа, таких как, например, пресс-конференции и брифинги, позволяя выиграть время для обдумывания.

Среди других конституирующих элементов дипломатического регистра можно назвать слова возвышенного или книжного стиля, употребление которых позволяет придать дипломатическому документу важность и возвышенность звучания, а также экспрессивно-эмоциональные слова, целью которых является повышение образности выражения и оказание большего эмоционального влияния на аудиторию. Как правило, подобная лексика употребляется в публичной части дипломатического дискурса.

Помимо этого, лексическая наполняемость языка дипломатии характеризуется наличием большого количества аббревиатур, обозначающих госорганы, международные организации пр. (ООН, ВОЗ, СНГ, и т.д.), эвфемизмов («поддержка с воздуха» как замена «бомбардировок», «отрицательный экономический рост» вместо «экономический спад»), и лингвокультурем как общего плана, так и связанных со страной специализации будущего дипломата («Уайтхолл» как символ, обозначающий британское правительство и его министерства, «Палата общин», и пр.).

Что касается грамматических особенностей дипломатического языка, то они проявляются как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях, помогая повысить уровень официальности и/или образности и эмфазы. Для усиления официальности звучания текста (как правило, в текстах договорного плана и официальной дипломатической переписке) используется сложный синтаксис, где преобладают обезличенные конструкции, длинные «сложноподчиненные предложения с различными типами придаточных частей (преимущественно определительными и изъяснительными)» [1, с. 24], часто осложненные большим количеством причастных и инфинитивных оборотов, а также пространным перечнем однородных членов.

Напротив, в тех случаях, когда ставится цель повысить уровень образности и эмфазы в высказывании, дипломатический дискурс характеризуется более частым употреблением эмфатических конструкций, тип которых отличается в зависимости от иностранного языка. В английском языке, в частности, в подобных целях используется инверсия, предложения с препозицией (так называемые *cleft sentences*), параллелизм. Cf: *Only in exceptional cases can a nation's laws or sovereign acts have legal effect outside its own territory* [13, с. 15] (инверсия). *What really matters is not what countries are, in terms of various quantitative measures, but what they do* [14] (предложение с препозицией).

Переходя к вопросу о профессиональных компетенциях будущих специалистов-международников, стоит начать с того, что анализ жанровых характеристик языка дипломатии, приведенный выше, позволяет выделить три плоскости, связанные с иноязычными коммуникативными компетенциями, востребованными при осуществлении профессиональной деятельности в области международных отношений. Так, часть компетенций, необходимых для ведения дипломатической переписки, выполняет явную **этикетную функцию**. Для эффективной коммуникации в этой сфере специалисту-международнику требуется владеть языковыми средствами, характерными для дипломатической корреспонденции (клишированные фразы, протокольные формулы) и форматами

различных текстов, обеспечивающими соблюдение основных правил международного этикета.

Дипломатический дискурс, связанный с **ведением переговорной деятельности**, должен отличаться такими характеристиками как официальность звучания, сдержанность, нивелированная эмоциональная окраска, что предполагает не только знание соответствующих языковых средств выражения, но и владение навыками аргументированного изложения своей позиции. Сюда же можно отнести необходимость владения переговорными тактиками общения, и в целом «умение высокопрофессионально вести переговоры» [12, с. 63].

Что же касается **публичной части** дипломатического дискурса, как устной, так и письменной, она, несомненно, связана с использованием различных риторических приемов, повышающих убедительный потенциал подачи материала, образность высказываний и их эмоциональную наполненность для оказания необходимого эффекта на целевую аудиторию. Таким образом, основными компетенциями в этой области являются следующие: владение языковыми и стилистическими средствами, характерными для разнообразных жанров, включая средства повышения образности, эмоциональности, и убедительности высказывания; знание основных правил построения публичной речи в различных ситуациях профессионального общения; владение различными форматами и тактиками общения, характерными для ситуаций спонтанного общения; владение навыками логичного изложения своей позиции.

Рассматривая лингвистические и компетентностные изменения в современном дипломатическом дискурсе, нельзя не заметить, что в последнее время сфера дипломатического общения претерпевает огромные изменения. Конечно, изменения эти не имеют временный характер, а представляют собой непрерывный процесс [15], поскольку система дипломатического языка отличается динамичностью и подвижностью, отражая любые изменения в политическом сообществе [8]. Однако именно за последнее десятилетие эти изменения стали особенно выраженными, причинами чего можно назвать как усложнение и из-

менение обстановки на международной арене, так и внутренние проблемы государств в плане экономики и политики.

Кроме того, одной из главнейших причин процесса изменений является все более быстрое развитие цифровых технологий, особенно на фоне недавней пандемии коронавируса, что уже привело дипломатию в сферу социальных сетей [16; 17], сделав ее более открытой и доступной, и усилив ее направленность в сторону публичного дискурса [18]. Цифровизация внесла изменения и в основные каналы дипломатической коммуникации, что связано не только с появлением новых средств коммуникации, таких как различные мессенджеры, но и с поиском дипломатами альтернативных средств обмена информацией, вызванном усилением хакерских атак на традиционные каналы дипломатической связи [19].

Л.М. Терентий отмечает также и ряд других факторов, способствующих изменению коммуникации в дипломатическом контексте. Автор указывает на то, что дипломатия все чаще пересекается со сферой коммерции, испытывает на себе значительно усилившиеся влияние прессы и культурных диаспор внутри страны, а также партийной борьбы, которая в современном мире нередко становится вопросом международной политики [20]. Другие авторы в качестве причин изменений в современном дипломатическом дискурсе называют также появление новых акторов на арене международных отношений, включая в их круг граждан, которые долго находились на периферии дипломатических отношений, но обрели голос с появлением цифровых технологий [21].

Вышеназванные изменения находят выражение во всех аспектах дипломатического дискурса. В частности, под влиянием изменений в геополитической обстановке дипломатический язык пополнился такими лексическими единицами как «санкции», «недружественные страны», «казус Трампа», «кибердипломатия», и др. Особую популярность приобрело словосочетание английского языка *fakenews*, обозначающие недостоверные или вымышленные новости, которые стала повсеместно употребляться и в русском языке в своем английском

звучании («фейк»). Пересечение современной дипломатии со сферой коммерции привело потому, что частью дипломатического дискурса стали такие понятия как «торговый баланс», «внешний долг», «финансовые санкции», и пр., а проблемы кибербезопасности, с которыми приходится в настоящее время сталкиваться международной общественности, пополнили дипломатический дискурс такими словами как «утечка данных», «хакерские атаки», «кибертерроризм», «бот» и пр. Не обошли дипломатический дискурс стороной и такие понятия как «устойчивое развитие», «демографические показатели», «дискриминация», а также иные термины из социальных наук и различных, связанных с ними сфер жизни.

Более того, стали наблюдаться изменения и в характере самой коммуникации между представителями дипломатического сообщества, приводящие к смешению стилей и жанров и использованию дипломатическими представителями жанров коммуникаций, обычно не характерных для определенных ситуаций. Например, В.М. Беляков приводит анализ выступления Постоянного представителя России в Совете Безопасности (СБ) ООН В.А. Небензи от 29.05.2018 г, которое отличалась сильным эмоциональным окрасом, использованием иронии и сарказма, обычно не характерных для подобного контекста выступлений [9].

Таким образом, как показывает проведенный анализ, изменения, происходящие в глобальном мировом пространстве и отражающиеся на межгосударственных отношениях и принципах взаимодействия, а, следовательно, и на дипломатическом дискурсе, привели к тому, что язык дипломатии, во-первых, стал отличаться еще большей междисциплинарностью, как в лексико-грамматическом, так и жанровом плане, а, во-вторых, специфическим набором новых целевых компетенций, относящихся в закрытой части дипломатического дискурса к навыкам ведения переговоров и умению воздействовать на широкие массы в части публичного дипломатического дискурса.

При этом содержание соответствующих программ по иностранному языку для дипломатов выходит за рамки простого наполнения грамматических конструкций, присущих и общему языку, расширенной лексикой по теме специализации. Оно должно также включать и ознакомление с жанровыми особенностями, присущими дипломатическому дискурсу, и развитие новых востребованных в профессии дипломата ключевых компетенций, проанализированных в данной статье, включая обучение специальным стратегиям и тактикам ведения переговоров на иностранном языке, а также различным риторическим приемам, востребованным в публичной части дипломатии, построению логичных аргументированных высказываний.

В свете вышеизложенного очевидным также видится тот факт, что вопреки расхожему мнению о том, что язык дипломатии в целом принадлежит пласту иностранного языка, изучаемого для общих целей, на деле он обладает целым рядом отличительных особенностей, которые более чем позволяют определить его как язык, предназначенный для профессиональных целей. Даже поверхностный взгляд на язык дипломатического общения позволяет заметить безусловную взаимосвязь между содержанием и целями обучения и конкретными нуждами определенных групп обучаемых, факт чего, как упоминалось ранее, является одним из главных критериев отнесения изучаемого языка к категории языка для специальных целей. А, следовательно, подход в преподавании иностранного языка специалистам-международникам должен основываться на методах обучения языкам для профессиональных целей. Это значит, что применение учебных материалов по иностранному языку для так называемых общих целей, хотя и является более легким вариантом, не отвечает целям обучения; требуется разработка специальных программ и учебных материалов, отражающих всю специфику деятельности дипломата как с точки зрения подлежащих усвоению лексико-грамматических средств, так и с точки зрения будущих профессиональных компетенций.

Список литературы

1. Беляков М.В. Дипломатический дискурс как вид политического дискурса. *Филологические науки в МГИМО*. 2010;41(56):19–26.
2. Исакова С.С. Компетентностный подход в обучении иностранным языкам студентов по специальности «международные отношения». *Вестник бишкекского гуманитарного университета*. 2019;3(49):86–88. DOI:10.35254/bhu.2019.49.7.
3. Троянская С.Л. *Основы компетентностного подхода в высшем образовании*. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет»; 2016.
4. Paltridge B., Starfield S. (Ed.) *The handbook of English for Specific Purposes*. Wiley-Blackwell; 2013.
5. Thornbury S. *An A to Z of ELT*. Oxford: Macmillan; 2011.
6. Борисенко И.И., Евтушенко Л.И. *Английский язык в международных документах (право, торговля, дипломатия)*. М.; 2003.
7. Бостанджян Л. Коммуникативно-прагматические особенности дипломатического дискурса. *Иностранные языки в высшей школе*. 2014;2(17):104–112. DOI:10.46991/FLNE/2014/18.2.104.
8. Яппарова В.Н. Дипломатический дискурс как объект междисциплинарного исследования. *Филология и культура*. 2016;2(44):165–170.
9. Беляков М.В. *Лингвоаксиология и лингвосемиотика дипломатического дискурса (на материале открытой профессиональной дипломатии)*: дисс. ... доктора филол. наук. М.; 2022.
10. Трабелси Х. *Лингвокоммуникативный анализ дипломатического дискурса*: дисс. ... канд. филол. наук. М.; 2013.
11. Кукатова О.А. Речевая стратегия оппозиционирования и репрезентирующие ее тактики в дипломатическом дискурсе. *Политическая лингвистика*. 2017;4(64):76–80.
12. Сакаева Л.Р., Евсюкова А.В. Формирование и процесс пополнения семантического поля «дипломатия и внешняя политика» в английском и русском языках в сопоставительном аспекте. *Казанский лингвистический журнал*. 2020;2(3):57–70. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57–70.
13. *ABC of International Law*. Swiss Federal Department of Foreign Affairs, Bern; 2009.
14. Evans G. *Middle power diplomacy*. URL: <https://www.gevans.org/speeches/speech441.html> [дата обращения: 27.02.2023]
15. Weisbrode K. *Diplomacy in Foreign Policy*. Oxford Research Encyclopedia of Politics. OUP; 2017. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.410.
16. Palash S.M. Imran. *Public Diplomacy in Social Media: An Examination of Twitter Use by Foreign Embassies in the U.S.* USA: University of Oklahoma; 2021.
17. Suwwan N. *Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy*. USA: Academica Press; 2022.
18. Ардаева Н.В. Дипломатический и политический дискурс. Латинская Америка. *Власть*. 2018;26(5):114–117. DOI:10.31171/vlast.v26i5.5831.
19. McTague T., Rao P. Leaks Are Changing How Diplomats Talk. *The Atlantic*, 18.07.2019. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/07/changing-nature-diplomacy-age-leaks/594226/> [дата обращения: 15.12.2022]
20. Терентий Л.М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010;1(22):47–56.
21. Pamment J. *The New Diplomacy*. Wilton Park; 2017.

References

1. Belyakov M.V. Diplomatic discourse as a type of political discourse. *Filologicheskie nauki v MGI MO*. 2010;41(56):19–26. (In Russ.)

2. Isakova S.S. Competency-based approach to teaching foreign languages to students of international relations. *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета*. 2019;3(49):86–88. DOI:10.35254/bhu.2019.49.7. (In Russ.)
3. Troyanskaya S.L. *The basics of competency-based approach in higher education*. Izhevsk: Izdatelski tsentr «Udmurtsky universitet»; 2016. (In Russ.)
4. Paltridge B., Starfield S. (Ed.) *The handbook of English for Specific Purposes*. Wiley-Blackwell; 2013.
5. Thornbury S. *An A to Z of ELT*. Oxford: Macmillan; 2011.
6. Borisenko I.I., Evtushenko L.I. *English in international documents (law, trade, diplomacy)*. M.; 2003. (In Russ.)
7. Bostanjyan L. On communicative-pragmatic specificity of diplomatic discourse. *Inostranniye yaziki v visshey shkole*. 2014;2(17):104–112. DOI:10.46991/FLHE/2014/18.2.104. (In Russ.)
8. Yapparova V.N. Diplomatic discourse as the subject of interdisciplinary study. *Filologiya I kul'tura*. 2016;2(44):165–170. (In Russ.)
9. Belyakov M.V. *Linguoaxiology and linguosemiotics of diplomatic discourse (materials of open professional diplomacy)*: Doctor of Philology dissertation. M.; 2022. (In Russ.)
10. Trabelsi Kh. *Communicative linguistic analysis of diplomatic discourse*: Doctor of Philology dissertation. M.; 2013. (In Russ.)
11. Kukatova O.A. Speech strategy of opposition and the tactics representing it in the diplomatic discourse. *Politicheskaya lingvistika*. 2017;4(64):76–80. (In Russ.)
12. Sakayeva L.R., Yevsyukova A.V. Comparative study of formation and process of expansion of the semantic field ‘diplomacy and foreign policy’ in English and Russian. *Kazan linguistic journal*. 2020;2(3):57–70. DOI: 10.26907/2658-3321.2020.3.2.57–70. (In Russ.)
13. *ABC of International Law*. Swiss Federal Department of Foreign Affairs, Bern; 2009.
14. Evans G. *Middle power diplomacy*. Available from: <https://www.gevans.org/speeches/speech441.html> [accessed: 27.02.2023]
15. Weisbrode K. *Diplomacy in Foreign Policy*. Oxford Research Encyclopedia of Politics. OUP; 2017. DOI:10.1093/acrefore/9780190228637.013.410.
16. Palash S. M. Imran. *Public Diplomacy in Social Media: An Examination of Twitter Use by Foreign Embassies in the U.S.* USA: University of Oklahoma; 2021.
17. Suwwan N. *Within Tweeting Distance: How States Use Twitter Diplomacy*. USA: Academica Press; 2022.
18. Ardayeva N.V. Diplomatic and political discourse. Latin America. *Vlast*. 2018;26(5):114–117. DOI:10.31171/vlast.v26i5.5831. (In Russ.)
19. McTague T., Rao P. Leaks Are Changing How Diplomats Talk. *The Atlantic*, 18.07.2019. Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2019/07/changing-nature-diplomacy-age-leaks/594226/> [accessed: 15.12.2022]
20. Terentii L.M. Diplomatic discourse as a special form of political communication. *Voprosikognitivnoilingvistiki*. 2010;1(22):47–56. (In Russ.)
21. Pamment J. *The New Diplomacy*. Wilton Park; 2017.

Автор публикации

Попкова Екатерина Михайловна –
кандидат филологических наук, доцент
КАЯ№1 МГИМО МИД РФ
Москва, Россия
Email: e.popkova@my.mgimo.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1304-2894>

Палагина Оксана Игоревна –
кандидат филологических наук,

Author of the publication

Popkova Ekaterina Mikhailovna –
PhD in Philology, Associate professor
English Department 1, MGIMO University
Moscow, Russia
Email: e.popkova@my.mgimo.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1304-2894>

Palagina Oksana Igorevna –
PhD in Philology, Senior lecturer

*старший преподаватель
КАЯ№1 МГИМО МИД РФ
Москва, Россия
Email: oxana.palagina@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-0594-659X>*

*КАЯ№1 MGIMO University
Moscow, Russia
Email: oxana.palagina@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0000-0594-659X>*

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

*Поступила в редакцию: 16.10.2022
Одобрена после рецензирования: 30.11.2022
Принята к публикации: 5.12.2022*

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

*Submitted: 16.10.2022
Approved after peer reviewing: 30.11.2022
Accepted for publication: 5.12.2022*

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81`23, 81`342.1

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.271-281>

**К ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ И ОПИСАНИЯ ТЕМБРАЛЬНЫХ
ГОЛОСОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ДЕТСКОЙ ИГРОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

С.Н. Поспелова

*Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
sdankov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>*

Аннотация. В статье отражены результаты психолингвистического исследования восприятия просодического тембра на материале спонтанной детской речи. Проблема описания лингвистического тембра является недостаточно разработанной: с одной стороны, отсутствует единая трактовка понятия «тембр», с другой стороны – до сих пор остается нерешенным вопрос об отнесенности тембра к компонентам интонации. Очевидно, что тембр представляет собой средство передачи эмотивных значений высказывания, а его восприятие основано на эмоционально-оценочных ощущениях. В статье рассматривается просодический тембр, который, в отличие от индивидуального тембра говорящего, не является конститутивным средством. Исследование проведено на материале спонтанной звучащей речи дошкольников в ситуации игры. Анализ особенностей восприятия тембральных голосовых характеристик «наивными» носителями русского языка и экспертами-фонетистами показал, что палитра тембров, предоставленная аудиторам перед началом эксперимента и включающая в себя только «светлотные» характеристики, облегчает классификацию фрагментов, однако не отражает в полной мере особенности звучания речи. В статье также проводится соотнесение результатов, полученных от экспертов-фонетистов по «светлотным» характеристикам просодического тембра с теорией тембров гласных Е.Н. Винарской.

Ключевые слова: просодия; тембр; лингвистика детской речи; эмоция; психолингвистический эксперимент

Для цитирования: Поспелова С.Н. К проблеме восприятия и описания тембральных голосовых характеристик в детской игровой коммуникации. *Казанский лингвистический журнал.* 2023;6(2): 271–281. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.271-281>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.271-281>

**TO THE PROBLEM OF PERCEPTION AND DESCRIPTION OF TEMBRAL
VOICE CHARACTERISTICS IN CHILDREN'S GAME COMMUNICATION**

S.N. Pospelova

*Voronezh State University, Voronezh, Russia
sdankov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>*

Abstract. The article reflects the results of a psycholinguistic study of the perception of prosodic timbre based on the material of spontaneous children's speech. The problem of describing of the timbre is not sufficiently developed: on the one hand, there is no single interpretation of the concept of «timbre», on the other hand, the question of relating the timbre to the components of in-

tonation still remains unresolved. It is obvious that timbre is a means of conveying the emotive meanings of an utterance, and its perception is based on emotional and evaluative sensations. The article deals with the prosodic timbre, which, unlike the speaker's voice quality, is not a constitutive means. The study was conducted on the material of spontaneous speech of preschoolers in a game. An analysis of the peculiarities of the perception of timbre by «naive» native Russian speakers and phonetic experts showed that the palette of timbres provided to the auditors before the start of the experiment and including only «light» characteristics facilitates the classification of fragments but does not fully reflect the features of speech sounding. The article also compares the results obtained from phonetic experts on the characteristics of the prosodic timbre with the theory of vowel timbres by E.N. Vinarskaya.

Keywords: prosody, timbre, children's speech, emotion, psycholinguistic experiment.

For citation: Pospelova S.N. To the Problem of Perception and Description of Tembral Voice Characteristics in Children's Game Communication. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 271–281. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.271-281>

Введение. В ряде современных исследований межличностной коммуникации поддерживается тезис об ее «многоканальности» или «поликодовости», иначе говоря, об одновременном задействовании нескольких знаковых систем, нескольких каналов передачи и восприятия информации. Мультиmodalность рассматривается сегодня как неотъемлемое свойство вербального общения и языка в целом. Данные относительно доли участия различных каналов в передаче информации существенно разнятся, однако, по утверждению И.Н. Горелова, невербальная информация, являющаяся обязательной частью речевого акта, в большинстве случаев опережает реализацию вербальных средств [1, с. 143].

Просодия, которая, по мнению ряда ученых, относится к невербальным структурам, включает в себя различные аудитивно воспринимаемые параметры речи: высоту тона голоса, темп, громкость, тембр, особенности артикуляции гласных звуков. Тембр среди прочих параметров звучащей речи является одним из самых «загадочных», поскольку в лингвистике, равно как и в музыковедении, остается большое количество проблемных вопросов, связанных с его исследованием. Примечательно замечание К. Штумпфа об исследовании тембра в музыке: «Тембр существует лишь при условии, что нет никакого, или, по крайней мере, нет полного анализа. Он, так сказать, растекается по мере того, как анализ становится более ясным и более полным» [2, с. 529]. Эту мысль продол-

жает Б.М. Теплов, утверждая, что чувство тембра заключается в «восприятии не анализируемого слухом комплекса одновременных звуков», сам тембр не поддается количественной характеристике, и можно лишь «пытаться более или менее приблизительно «описать» тембр» [3, с. 68]. Таким образом, рассмотрение тембра в музыке находится преимущественно в области эмоционально-эстетических ощущений, исследование непосредственно тембра речи – в области психолингвистики.

Обзор литературы. В музыковедении и лингвистике термин «тембр» трактуется исследователями по-разному. По Б.М. Теплову, тембр представляет собой «звуковое тело», «материю, плоть звука». В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой разграничивается «тембр», восходящий к немецкому понятию *Klang=farbe* (качество звука, дословно – «окраска звучания») и «тембр» как аналог *speech timbre, suprasyntactic timbre*. В первом случае «тембр» интерпретируется как окраска звука (качество гласного/фонетическая характеристика согласного звука); во втором – «специфическая сверхсегментная окраска речи, придающая ей те или другие экспрессивно-эмоциональные свойства» [4, с. 470–471].

Л.К. Цеплитис разграничивает понятия «асемантический» и «семантический» суперсегментный тембр. Асемантический тембр – это тембр языка или форм языка (диалектов, стилей), определяемый артикуляционной базой. По Цеплитису, такой тембр представляет собой конститутивное средство, равно как и индивидуальный тембр, свойственный голосу каждого человека. Семантический же суперсегментный тембр передает элементы содержания высказывания – эмоции [5, с. 150]. На необходимость разграничивать эмоционально обусловленные особенности тембра с одной стороны и индивидуальные и ситуативно обусловленные особенности «качества голоса» говорящего с другой стороны (жесткий, мягкий, придыхательный, хриплый и т.д.) указывает также Н.Д. Светозарова [6, с. 54].

Отметим, что отнесение тембра к компонентам интонации является одним из дискуссионных вопросов в лингвистике, поскольку различия по тембру, по замечанию Н.Д. Светозаровой, не участвуют в передаче основных коммуникативных функций интонации и проявляются лишь при выражении отдельных конкретных эмоций (под *коммуникативной функцией* подразумевается отнесенность высказывания к конкретному типу по его цели – вопросительное, повествовательное, побудительное; об особенностях номинации эмоций в русском языке см. [7]).

Многими лингвистами, не включающими тембр в состав интонации, рассматривается исключительно индивидуальный тембр говорящего, а изменения, наслаивающиеся на него, игнорируются. По утверждению Цеплитиса, индивидуальный тембр голоса зависит от анатомического строения речевого аппарата человека, а интонационный порождается изменением формы резонаторов в этом аппарате. Анатомическое строение речевого аппарата индивидуально, изменения же формы резонаторов являются общими для коллектива носителей языка, чем объясняется тот факт, что по речи можно распознавать эмоциональное состояние говорящих [5, с. 150]. Обращение к эмоциональной и спонтанной речи, по мнению Н.Д. Светозаровой, дает богатый материал для классификации тембров и позволяет включить *просодический тембр* в число компонентов интонации.

По Е.Н. Винарской, по голосу говорящего, точнее по тембру гласных, можно определить его функциональные состояния (устал, встревожен, полон сил, испытывает ужас и т.д.), при этом преимущественное внимание обращается на тембр ударных гласных в ключевых для понимания словах, а среди них на те, которые устойчиво повторяются [8, с. 49]. Эта мысль подтверждается исследователем на материале поэтических текстов: проводится параллель между звучанием речи и музыкой – «мажорный колорит» сравнивается со светом, минорный – с тенью. Так, высказывание звучит *мажорно*, если соответствующее эмоционально-активационное состояние говорящего имеет прогрессивное раз-

витие, если эмоциональное напряжение нарастает. И, напротив, регрессивное развитие эмоционально-активационного состояния говорящего – падение эмоционального напряжения – придает высказыванию *минорное* звучание. Предполагается, что национально-специфические вокализации, служащие в раннем детском возрасте эмоциональному взаимодействию со взрослым, в дальнейшем преобразуются в гласные звуки русской речи и становятся паралингвистическими звуковыми жестами. *И-тембр* маркирует нарастание эмоционального напряжения, *У-тембр* – его падение. Различные варианты *И-* и *Э-*вокализаций с характерными для них высокочастотными составляющими могут выступать в функции мажорной тоники текста, варианты *У-* и *О-*вокализаций – в функции минорной тоники. Таким образом, заключает Е.Н. Винарская, синтагматическое ударение, падающее на звуки, в которых гласные реализуют тембры, выражающие эмоции высокой (*А-тембр*) и прогрессивной (*И-тембр*) субъективной ценности, бессознательно интерпретируются слушающим в образном контексте как проявления чувства радости, гордости, торжества. Доминирование *О-* и *У-*тембров в образном контексте может вызвать эмоции отвращения, жалости [8, с. 48–49].

Материал и методика исследования. В качестве материала для исследования были использованы видеозаписи игровой коммуникации двух русскоязычных дошкольников (возраст мальчиков на момент начала проведения записей – 4 года (И.) и 5 лет 3 месяца (К.)) объемом 3,5 часа. Записи проводились методом включенного наблюдения по месту жительства одного из мальчиков в течение шести месяцев. Мальчики принадлежат к семьям среднего класса; родители, бабушки и дедушки имеют высшее образование; на протяжении полутора (И.) и двух (К.) лет дети посещали детский сад. До проведения записей дети часто встречались и играли друг с другом; оператором выступила мама одного из мальчиков, благодаря чему удалось минимизировать действие эффекта «парадокса наблюдателя» [9].

Для целей нашего исследования записи были нарезаны на небольшие фрагменты и конвертированы в формат wav. Затем была произведена транскрипция записей в транскрипционной системе GAT-2 [10], разработанной в Институте немецкого языка г. Маннхайма (IDS Mannheim) и используемой преимущественно в исследованиях звучащей речи в рамках мультимодального подхода.

В корпусе звучащей детской речи были выделены четыре группы фрагментов, иллюстрирующих определенные просодические образцы: «рассказчик сказки», «супергерой», «маленький обиженный ребенок», «авторитарный взрослый». Названия групп фрагментов обсуждались в ходе психолингвистических экспериментов, проведенных с «наивными» носителями языка. *Просодические образцы* представляют собой повторяющиеся комплексы просодических средств, соответствующие определенным ситуациям общения, приобретенные детьми из их речевого окружения на основе многократного восприятия и включают в себя такие параметры звучащей речи как высота тона голоса, громкость, темп речи, ударности, ритм, особенности артикуляции гласных звуков и тембр [11].

Речевые фрагменты были предложены к прослушиванию экспертам-фонетистам, сотрудникам Научно-методического центра фонетики Воронежского государственного университета. Сотрудниками НМЦ фонетики разработана методика аудитивного анализа звучащей речи, в основе которой лежит психолингвистический подход (подробнее об исследованиях НМЦФ ВГУ – [12]). Одной из задач, стоящих перед аудиторами, являлась характеристика тембра высказываний. Нами была предложена следующая палитра тембров: «очень темный – темный – не определен – светлый – очень светлый». Данная палитра заимствована из каталога аудитивно воспринимаемых параметров звучащей речи, разработанного в Институте речеведения и фонетики университета им. М. Лютера Галле-Виттенберг (ФРГ) и представленного в работе И. Бозе [13]. Таким образом, при проведении аудитивного анализа с привлечением экспертов-фонетистов мы ограничились «светлотными» характеристиками тембра.

При этом мы опирались на наблюдения Л.К. Цеплитиса, который на основе анализа 21 работы приводит список названий разновидностей тембра, используемых исследователями, а также составляет частотный список таких обозначений. Согласно этому частотному списку, в большинстве случаев при описании тембра используются характеристики «светлый» (14 упоминаний), «темный» (12 упоминаний), «мягкий», «острый/твердый», «тяжелый», «холодный», «горячий». Л.К. Цеплитис неоднократно отмечает, что общепринятые теоретические принципы анализа тембра отсутствуют, «тембр в основном характеризуется словами, применяемыми в практической жизни для обозначения соответствующих слуховых впечатлений», и «акустический смысл этих слов не всегда настолько ясен, чтобы их можно было без пояснений использовать в качестве лингвистических терминов» [5, с. 143].

После проведения аудитивного анализа с участием экспертов-фонетистов нами был проведен психолингвистический эксперимент с «наивными» носителями языка. Им не предлагалась какая-либо палитра тембров, они могли охарактеризовать звучание речевых фрагментов своими словами. В этом эксперименте приняли участие 15 человек (мужчины и женщины) в возрасте от 19 до 58 лет, род занятий – студенты, врачи, предприниматели.

Результаты и обсуждение. Во время проведения аудитивного анализа эксперты-фонетисты испытывали некоторые сложности в отнесении речевых фрагментов к характеристикам из палитры тембров. После прослушивания фрагментов проводилась дискуссия, в ходе которой аудиторам, как правило, удавалось прийти к общему мнению. Так, в группе фрагментов в роли «рассказчика сказки» тембр голоса был охарактеризован аудиторам единогласно как светлый. В группах фрагментов в роли «супергероя», «авторитарного взрослого» и «маленького обиженного ребенка» тембр не был определен, поскольку эксперты не смогли охарактеризовать его как «светлый» или «темный». Ниже представлена таблица, в которой отражены примеры фрагментов из каждой группы, а также показатели, полученные от экспертов и от «наивных» но-

сителей языка. Пример №1 относится к группе фрагментов в роли «супергероя», №2 – «рассказчика сказки», №3 – «авторитарного взрослого» и №4 – «маленького обиженного ребенка».

Таблица 1.

Тембральная характеристика речевых фрагментов детской коммуникации

№	Транскрипция фрагмента	Тембральная характеристика	
		группа экспертов-фонетистов	группа «наивных» носителей языка
1	332112 смот^Рите, 332113 (.) 'Поезд все сло^МАЛ; 332114 (0.36) и теперь поезд <<acc cresc> не 'МОжет по'ПАСТЬ 'НА вок>'ЗА:Л, 332115 (-) ше^НЯчий патруль 332116 (.) на ^Базу- 332117 (--)<< cresc> !'ВСЕ! ко !'МНЕ!,> 332118 (1.47)	Тембр не определен	Воодушев- ленный, звон- кий, уверен- ный, ликую- щий, повели- тельный
2	5004 (1.02) и Начали расти, 5005 (-) на (.) на ДЕРЕВЕ- 5006 (-) <<нараспев> Начали еще расти:, и: Вырос о^РА:Н, 5007 (-) и вырос 5008 (.) зе^ЛЕ:ненький;> 5009 (1.41) [цветОчки- цветОчки-] 5010 [ПОТОМ?] 5011 <<нараспев> вы:рос 5012 (-)о^РА:Нжевый- 5013 (-) и ТАК стало белос^НЕжно, 5014 (-) что капиТАН ^ТОже> захотел быть- 5015 (-) СЕРый <<acc>↑ВОЛк `я с тоБОУ- (.) ^МОЖно;>	Светлый тембр голоса	Спокойный, убаюкиваю- щий, прият- ный, гипнотичес- кий, мягкий, успокаиваю- щий
3	333321 (-) у меня голо^ВА 333322 (.) рас^КА:львается;	Тембр не определен	Жесткий, напористый, злой, уверен- ный, задири- стый, безапе- ляци-онный
4	331960 <<жалобно> ко ну ^КОля 'Я хочу кин^ЖАЛ;> 331961 (--)'Я тебе дам за это- 331962 (.) вот ^Эти 331963 (.) они элект^Рические;	Тембр не определен	Низкий, раз- битый, во- прошающий

Отметим, что во фрагментах звучащей речи, в которых экспертами был отмечен светлый тембр голоса, преобладают ударные слоги, в которых гласные

реализуют тембры, выражающие эмоции высокой (А-тембр) и прогрессивной (И-тембр) субъективной ценности в терминологии Е.Н. Винарской. Таким образом, согласно этой концепции, высказывание звучит «мажорно» и бессознательно интерпретируется слушающим как проявление радости и торжества.

Представители группы «наивных» носителей языка, имевшие возможность описать звучание своими словами, охарактеризовали звучание всех фрагментов, не испытывая при этом сложностей. В основе характеристик, которые использовались при этом, лежат различные признаки: свойства звонкости-глухости, мягкости-твердости, высоты, а также образные определения, описывающие влияние, которое оказывал голос в отдельных случаях.

Выводы. Тот факт, что при соотнесении речевых фрагментов детской коммуникации со «светлотными» характеристиками тембра из предложенной палитры эксперты-фонетисты столкнулись с определенными сложностями, свидетельствует в пользу того, что просодический тембр сложно поддается описанию. Как показал эксперимент, предоставление аудиторам готовой палитры тембров со «светлотными» характеристиками, являющимися наиболее частотными в подобного рода исследованиях, не облегчает эту задачу, а, напротив, создает дополнительные трудности для auditors. Эксперимент, в ходе которого «наивные» носители языка имели возможность описать звучание фрагментов своими словами, продемонстрировал, что палитра наименований тембров, используемых участниками эксперимента, существенно разнообразнее и выходит за рамки «светлотных» характеристик. Классификация и систематизация фрагментов, охарактеризованных подобным способом, достаточно проблематична, поскольку в основе наименований, полученных в результате описания ощущений от звучания, лежат различные принципы. При этом, на наш взгляд, предоставление аудиторам «свободы» в характеристике фрагментов детской коммуникации позволяет описать просодический тембр более точно, по сравнению с методом соотнесения фрагментов с характеристиками из палитры тембров. Полученные в результате аудитивного анализа «светлотные»

тембральные характеристики речевых фрагментов полностью соотносимы с исследованиями тембров гласных Е.Н. Винарской [8].

Дальнейшие исследования тембральных характеристик детской звучащей речи могут быть направлены на поиск возможных соответствий между традиционными «светлотными» характеристиками и нелингвистическими терминами, а также на создание более объективной и отражающей все оттенки звучащей речи палитры тембров.

Список литературы

1. Горелов И.Н. Соотношение вербального и невербального в коммуникативной деятельности. *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. отв. ред. Е.Ф. Тарасов. М.: Наука; 1985. с. 116–150.
2. Stumpf C. *Tonpsychologie*. Band II. Leipzig: Verlag von S. Hirzel; 1890. 614 S. (На нем. яз.)
3. Теплов Б.М. *Психология музыкальных способностей*. Москва-Ленинград: изд-во Академии педагогических наук РСФСР; 1947. 335 с.
4. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Советская энциклопедия; 1966. 608 с.
5. Цеплитис Л.К. *Анализ речевой интонации*. Рига: Зинатне; 1974. 272 с.
6. Светозарова Н.Д. *Интонационная система русского языка*. Ленинград: изд-во Ленинградского университета; 1982. 174 с.
7. Муллагаянова Г.С. Положительные эмоции, эксплицируемые в русском языке. *Казанский лингвистический журнал*. 2020. 3(1):28–40.
8. Винарская Е.Н. *Выразительные средства текста (на материале русской поэзии)*. Воронеж: Воронежский государственный университет; 2003. 172 с.
9. Labov W. Das Studium der Sprache im sozialen Kontext. *Aspekte der Soziolinguistik*. W. Klein, D. Wunderlich (Hg.). Frankfurt: Athenäum-Fischer-Taschenbuch-Verlag; 1972. S. 123–206. (На нем. яз.)
10. Selting M., Auer P., Barth-Weingarten D. et al. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*. 2022; (10):353–402. URL: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf> [дата обращения: 17.12.2022]. (На нем. яз.)
11. Поспелова С.Н. *Просодические признаки речи в игровой коммуникации дошкольников*. дис. кандидата филологических наук. Воронеж; 2021. 145 с.
12. Величкова Л.В., Абакумова О.В., Петроченко Е.В., Воропаева И.В. Проект «Психолингвистическое изучение звучащей речи». *Вопросы психолингвистики*. 2017;(33): 240–255.
13. Bose I. *doch da sin ja' nur muster. Kindlicher Sprechausdruck im sozialen Rollenspiel*. Frankfurt a. M.: Peter Lang; 2003. 438 S. (На нем. яз.)

References

1. Gorelov I.N. *Correlation of verbal and non-verbal in communicative activity*. The study of speech thinking in psycholinguistics. resp. ed. E.F. Tarasov. M.: Nauka; 1985. p. 116–150. (In Russ.)
2. Stumpf C. *Tonpsychologie*. Band II. Leipzig: Verlag von S. Hirzel; 1890. 614 S. (In Ger.)

3. Teplov B.M. *Psychology of musical abilities*. Moscow-Leningrad: publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR; 1947. 335 p. (In Russ.)
4. Akhmanova O.S. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Soviet Encyclopedia; 1966. 608 p. (In Russ.)
5. Tseplitis L.K. *Analysis of speech intonation*. Riga: Zinatne; 1974. 272 p. (In Russ.)
6. Svetozarova N.D. *The intonation system of the Russian language*. Leningrad: publishing house of the Leningrad University; 1982. 174 p. (In Russ.)
7. Mullagayanova G.S. Positive emotions explicated in Russian. *Kazan Linguistic Journal*. 2020;3(1):28–40. (In Russ.)
8. Vinarskaya E.N. *Expressive means of the text (on the material of Russian poetry)*. Voronezh: Voronezh State University; 2003. 172 p. (In Russ.)
9. Labov W. *Das Studium der Sprache im sozialen Kontext // Aspekte der Soziolinguistik*. W. Klein, D. Wunderlich (Hg.). Frankfurt: Athenäum-Fischer-Taschenbuch-Verlag; 1972. S. 123–206. (In Ger.)
10. Selting M., Auer P., Barth-Weingarten D. et al. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). *Gesprächsforschung – Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion*. 2022;(10):353–402. URL: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf> [accessed: 17.12.2022]. (In Ger.)
11. Pospelova S.N. *Prosodic features of speech in play communication of preschoolers*. dis. candidate of philological sciences. Voronezh; 2021. 145 p. (In Russ.)
12. Velichkova L.V., Abakumova O.V., Petrochenko E.V., Voropaeva I.V. Project "Psycholinguistic Study of Sounding Speech". *Issues of Psycholinguistics*. 2017;(33):240–255. (In Russ.)
13. Bose I. *doch da sin ja' nur muster. Kindlicher Sprechausdruck im sozialen Rollenspiel*. Frankfurt a. M.: Peter Lang; 2003. 438 S. (In Ger.)

Автор публикации

Поспелова Софья Николаевна –
 кандидат филологических наук, преподаватель
 Воронежский государственный университет
 Воронеж, Россия
 Email: sdankov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 20.02.2023
 Одобрена после рецензирования: 19.03.2023
 Принята к публикации: 3.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

Author of the publication

Pospelova Sofia Nikolaevna –
 PhD in Philology, lecturer
 Voronezh State University
 Voronezh, Russia
 Email: sdankov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 20.02.2023
 Approved after peer reviewing: 19.03.2023
 Accepted for publication: 3.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

**ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА
PHILOLOGY. THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE
LINGUISTICS**

Научная статья
УДК 81'33

Филологические науки

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293>

**ИНСТРУМЕНТЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В КОНТРОЛЕ
КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА**

А.М. Шейко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия
Anastasia_sheyko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8669-2292>

Аннотация. В статье предлагается краткий обзор инструментов прикладной лингвистики, используемых в профессиональной переводческой деятельности, а именно облачных сервисов, программ для работы с терминологическими базами и модулей контроля качества письменного перевода (Quality Assurance tools), интегрированных в системы памяти переводов (Translation Memory tools) и САТ-инструменты (Computer Assisted/Aided Translation tool). Перечисленные функциональные характеристики средств контроля качества перевода свидетельствуют о том, что процессу автоматической обработки в большей степени поддаются те составляющие редактуры и постредактуры текста, которые связаны с форматированием и не требуют анализа контекста и прямого участия исполнителя на этапе верификации правильности предлагаемых программой исправлений. Рассматриваемые инструменты автоматизированной обработки текстов представляют собой лингвистические ресурсы и являются ядром прикладной и компьютерной лингвистики, формируя одно из направлений в сфере лингвистических технологий для анализа и обработки естественного языка наряду с машинным переводом, системами распознавания речи, извлечения данных и автоматического реферирования. Несмотря на долгую историю существования и становления прикладной лингвистики как подраздела цифровой филологии (Digital Humanities), ее проблемное поле остается дискуссионным и само по себе становится самостоятельной темой исследований, посвященных понятийному статусу, подходам и методологии данной научной области.

Ключевые слова: качество перевода; автоматизированная проверка качества перевода; САТ-инструменты; программы памяти переводов; лингвистические ресурсы; лингвистические технологии; прикладная лингвистика

Для цитирования: Шейко А.М. Инструменты прикладной лингвистики в контроле качества перевода. *Казанский лингвистический журнал*. 2023;6(2): 282–293. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293>

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293>

LANGUAGE TECHNOLOGY TOOLS IN TRANSLATION QUALITY ASSURANCE

A.M. Sheiko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia
Anastasia_sheyko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8669-2292>

Abstract. The article summarizes a brief description of linguistic tools applied by localization agencies and professional translators: cloud services, evaluation metrics, terminology management, standalone Quality Assurance tools or integrated into Translation Memory databases and Computer Assisted/Aided Translation tools. The functions and features of QA-tools reviewed in the paper imply accurate analysis of the particular context and active involvement of the translator while verifying the quality of a translation. Automated quality assessment tools prove useful eliminating formal (formatting) mistakes considerably reducing the time required for the monotonous repetitive process of proofreading and correction. Automated QA-methods are the main research topic of computational linguistics and language technologies (or natural language processing) along with language modelling, machine translation, natural language understanding and generation, automatic text summarization and data retrieval. The subject, methods, goals and approaches of Computational Linguistics as an interdisciplinary field of Digital Humanities are a matter of controversy and considerable interest, thus encouraging further discussion on the topic.

Keywords: quality assurance; automated quality assurance; computer assisted/ aided translation tools; translation memory tools; language resources; language technology

For citation: Sheiko A.M. Language Technology Tools in Translation Quality Assurance. *Kazan Linguistic Journal*. 2023;6(2): 282–293. (In Russ.). <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2023.6.2.282-293>

Масштабное развитие информационных технологий и беспрецедентные темпы цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека дали мощный стимул к расширению инструментария прикладных наук, и лингвистика не стала исключением.

Автоматическая обработка и анализ текстов, машинный перевод, автоматизация контроля качества перевода, лингвистическая экспертиза, распознавание и извлечение информации из текста, автоматический анализ морфологии – вот только некоторые аспекты прикладной лингвистики, междисциплинарное осмысление которых в XXI веке получило «второе дыхание».

Разработка инструментов компьютерного анализа как одно из направлений прикладной лингвистики тесно связана с лингвистическими технологиями, применяемыми для поиска и обработки информации, также эти инструменты называют специальными лингвистическими информационными ресурсами – они представляют собой лингвистические данные и программы, которые непосредственно используются в языковых технологиях (для сравнения, к тематическим лингвистическим информационным ресурсам относятся «любые ресурсы, создаваемые или используемые лингвистами в профессиональной деятельности»).

сти, они выделяются из универсальных структур по тематическому принципу») [1, с. 116].

В этом контексте средства автоматизированной проверки качества перевода, о которых пойдет речь в данной статье, являются «лингвистическими ресурсами», а именно «компьютерными средствами поддержки работы лингвиста» [2, с. 2].

Лингвистические ресурсы являются ярким примером интеграции теоретических знаний исходя из практических потребностей. Так, например, алгоритм работы программ проверки орфографии (spellcheckers) ориентирован на продуктивную лексику, то есть для эффективной работы приложения в его память вводятся лишь наиболее употребительные слова: количество загруженных слов напрямую определяет скорость работы. Таким образом, «теоретический подход о внесении всего объема используемой лексики оказывается в данном случае проигрышным, именно лексика активного словарного запаса помещается в ячейки памяти программы для быстрого анализа, представляя собой наглядный пример оптимизации знаний о языке» [3].

Инструменты проверки качества перевода (Quality Assessment tools, Quality Assurance tools, Quality Assessment automation tools, Translation Quality Assessment tools) широко используются переводчиками, редакторами, корректорами, специалистами по локализации и переводческими агентствами в рамках автоматизированного перевода текстов с использованием компьютерных технологий (иначе именуемых САТ-инструментами или «кошками»). САТ-инструмент (Computer Assisted/Aided Translation tool) представляет собой программное обеспечение для оптимизации переводческого процесса и включает широкий спектр ресурсов, позволяющих создавать базы памяти переводов (Translation Memory (TM)) на основе ранее переведенных сегментов текста (словосочетаний и предложений), пополнять глоссарии, а также осуществлять проверку качества.

Первые ТМ-технологии (translation memory tools, программы памяти переводов) появились на рынке примерно в 1980-х годах: пионерами в данной об-

ласти можно назвать Trados (1984 год) и Star Transit (1986 год). В 1992 году компания IBM Deutschland запустила программу Translation Manager/2 (TM/2), параллельно в том же 1992 году компания GlobalWare анонсировала программу XL8. В 1993 году сотрудничество компаний Telesoft (Испания) и Transsoft (США) положило начало реализации Déjà Vu. При этом модули контроля качества перевода, интегрированные в данные ТМ-инструменты, начали появляться значительно позже. Так, в Star Transit функционал по проверке орфографии, форматирования и единства терминологии появился только в 1998 году, то есть спустя десятилетие, в SDLX (Trados) верификация терминологии и проверка качества были интегрированы в 2003 и 2005 годах. Такая значительная задержка в разработке модулей контроля качества переводов привела к тому, что в данный момент эффективность QA-программ значительно уступает производительности ТМ-инструментов и по многим параметрам не оправдывает ожидания пользователей (наличие ложноположительных ошибок, нераспознанные ошибки, зависание, нестабильность работы, ограниченность сегмента анализа одним предложением, игнорирование контекста и т.п.) [4], [5], [6], [7].

Работа инструментов контроля качества основывается на определенных алгоритмах, позволяющих привести переведенный текст в соответствие с установленными критериями и стандартами всего за несколько минут. Основная задача QA-инструмента – оптимизировать скорость обработки документа, обеспечить гарантированное единство стиля и используемой терминологии. Контроль качества в данном контексте представляет собой систему подсказок, которая поможет избежать языковых нарушений при переводе и оповестит о неправильном написании слова или некорректном использовании соответствия. При подобной проверке качества автоматическое исправление перевода является опциональным – по заданным пользователем параметрам программа выводит отчет с перечнем нарушений, которые необходимо обработать в «ручном» режиме.

Программы для проверки грамматики и правописания обеспечивают соответствие переведенного текста лингвистическим требованиям, то есть выявляют возможные нарушения правописания, пунктуации и грамматических норм, но верификация правильности и исправление таких ошибок требует прямого участия исполнителя перевода, внимательности и безукоризненного владения переводящим языком, а потому не может быть полностью выполнено программой в фоновом режиме. Однако, при установлении несоответствий в форматировании переведенного текста роль САТ-инструментов для помощи переводчику нельзя недооценивать, так как этот однообразный процесс лучше всего поддается автоматизированной коррекции и позволяет многократно повысить скорость обработки текста. К ошибкам форматирования относятся, например, двойной пробел, пропущенная точка в конце предложения и другие нарушения, устранение которых не требует внимательной вычитки текста. Таким образом, субъективное принятие решений и значение «человеческого фактора» в работе программ автоматизированного контроля качества практически сведены к нулю [8].

Итак, современный инструментарий автоматизированного контроля качества предоставляет возможность делать следующие проверки (расположим их по степени важности):

- нарушение порядка, структуры или вложения тэгов / плейсхолдеров (основополагающих элементов организации текста);
- соблюдение терминологии (соответствие глоссарию);
- унификация форматирования;
- сохранение последовательности перевода одинаковых сегментов текста;
- выявление ошибок в цифрах;
- конвертация формата цифр/единиц измерения в языке перевода;
- повторы;

- опечатки;
- расстановка двойных, конечных и парных знаков препинания (в том числе окончание оригинала и перевода на разные знаки пунктуации);
- двойные и лишние пробелы;
- использование неправильного регистра, использование букв разного регистра в оригинале и переводе, постановка двух прописных букв подряд, использование сочетания латиницы и кириллицы;
- полное или частичное совпадение оригинала и перевода (сокращение или увеличение длины сегмента перевода по сравнению с оригиналом);
- распознавание e-mail адресов и ссылок.

На больших объемах текста такую проверку практически невозможно осуществить в ограниченное время без применения автоматизированных инструментов.

Контроль качества представляет собой финальную стадию переводческого процесса и позволяет совместить корректуру и постредатуру документа перед сдачей заказчику. По итогам проверки документа программа выводит отчет, в котором все ошибки сгруппированы по категориям и могут быть исправлены непосредственно в переводе без перехода в стороннее приложение. Процесс формализации и категоризации ошибок по степени важности опционален и настраивается пользователем, в зависимости от текста или клиента. Но не стоит забывать, что при высокой скорости обработки и автоматизации, за решения о внесении корректуры согласно данным QA-инструмента несет ответственность исполнитель, учитывая нормы и правила переводящего языка, контекст, собственные знания и требования заказчика.

Автоматизированный перевод включает широчайший спектр инструментов, которые условно подразделяются на:

- программы для проверки орфографии, пунктуации и грамматики;

— программы для проверки форматирования (отдельные, облачные или встроенные в текстовые редакторы и САТ-инструменты (QA-плагины и QA-модули)).

В настоящее время на рынке переводческих решений представлено большое количество программ контроля качества перевода, различающихся по алгоритму работы, функционалу, доступности в РФ и стоимости.

Отдельные программы контроля качества и лингвистических услуг (standalone autoQA, review and evaluation) [9]:

1. QA Distiller Yamagata;	14. Lingotek;
2. ErrorSpy D.O.G.;	15. Linguistic ToolBox Lionbridge;
3. Verifika Palex;	16. LinQ;
4. Xbench Apsic;	17. Modelfront;
5. AceProof	18. Ocelot;
6. Bureau Works;	19. Okapi CheckMate;
7. ContentQuo;	20. Phoenix ITI;
8. FineQA Tilti Systems;	21. RIGORA Logrus Global;
9. globalReview Kaleidoscope;	22. TAUS DQF plugins;
10. Glossa Group;	23. Televic;
11. InContext QA Lingoport;	24. TQAuditor;
12. LexiQA;	25. Vistatec;
13. Lilt;	26. WebReview Gemino.

Наиболее известные в РФ QA-программы мы вынесли в начало списка: QA Distiller, ErrorSpy, Xbench и Verifika (русская разработка). Описание функционала, выполняемых типов проверок и других параметров (включая скорость обработки и количество ложноположительных срабатываний) подробно изложено во многих работах [4], [10], [11], [12] [13], а на сайте «Город переводчиков» преимуществам и недостаткам работы программ Xbench и Verifika посвящен отдельный пост с «говорящим» заголовком «Битва титанов» [14].

Не менее внушителен арсенал программ для проверки, автоматического извлечения терминов и управления терминологическими базами (terminology management) [9]:

1. Accolada Uniterm;
2. Acrilinx;
3. Across crossTerm;
4. AnyLexic;
5. Bureau Works;
6. Congree;
7. Copernicus Semantix;
8. Coreon;
9. Ego translating;
10. evoTerm PTS;
11. Flashterm;
12. Fluency Term Server;
13. Fusion Terminology;
14. Glossa Group;
15. Interpretbank;
16. i-Term DANTERM;
17. [i]-Match;
18. LCTerm IAILC;
19. Lexeri Toptranslation;
20. Lexicool Lingo4;
21. Lilt;
22. LogiTerm Terminotix;
23. LookUp D.O.G.;
24. Marfa CAT;
25. MultiLing;
26. Prospector Logrus Global;
27. QTerm memoQ;
28. quickTerm Kaleidoscope;
29. SDL Multiterm;
30. SQUIDDS;
31. SynchroTerm;
32. Termbases.eu;
33. Termbox Lingosail;
34. TERMCAT GesTerm;
35. TermCloud Gemino;
36. Terminator Open Source
Paltform.Terminologue;
37. TermLode Logrus Global;
38. TermWeb Interverbum tech;
39. Termwikipro;
40. Tilde,
41. TippyTerm SysKon;
42. Translate5;
43. WebTerm, TermStar (STAR);
44. Wordbee;
45. WordFinder.

Программные CAT-инструменты хоть и не теряют своей актуальности, но постепенно сдают позиции, уступая место современным облачным технологиям

перевода, позволяющим работать над проектом в режиме реального времени.

Здесь разработчики также предлагают несколько решений:

1. SmartCAT;
2. Lokalise;
3. Phrase Strings;
4. Crowdin;
5. Transifex;
6. POEditor;
7. Smartling;
8. Weglot;
9. Lionbridge;
10. XTM Cloud;
11. Unbabel.

Помимо программ для проверки качества в переводческой среде также используются так называемые метрики (экспертные системы оценки перевода разных типов текстов):

1. Multidimensional Quality Metric (MQM);
2. TAUS Dynamic Quality Framework (DQF);
3. LISA Quality Model;
4. SAE J2450.

В основе работы этих программ лежит индекс Translation Quality Index (TQI), или индекс качества перевода. Он представляет собой количественный показатель качества выполненного перевода в баллах на основе классификации переводческих ошибок, ранжированных по категориям и степени серьезности.

Однако при таком огромном выборе переводческих инструментов, непрерывном развитии ТМ-технологий и инструментов и росте их востребованности особого внимания требует тот факт, что оптимизация переводческого процесса позволяет выполнять большее количество переводов, что в свою очередь приводит к сокращению времени на обработку и редактуру и увеличению количества допущенных ошибок, которые выявляют QA-инструменты, т.е. переводчик оказывается в «замкнутом круге»: технологии, созданные для повышения про-

дуктивности и эффективности в непрофессиональных руках могут иметь прямо противоположный эффект.

Список литературы

1. Антопольский А.Б. Лингвистические ресурсы и технологии в России: состояние и перспективы. (Обзор). *Социальные новации и социальные науки*. Москва: ИНИОН РАН. 2021;(2):114–131. URL: https://sns-journal.ru/site/assets/files/1154/sns_2_antopol_skii.pdf. DOI:10.31249/snsn/2021.02.08.
2. Гольдин В.Е. *Введение в электронные лингвистические ресурсы*. URL:http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/130.pdf [дата обращения:30.01.2023].
3. Прикладная лингвистика – Анатолий Баранов. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BzrupwFSu8> [дата обращения: 30.01.2023].
4. Makoushina Ju. Translation Quality Assurance Tools: current state and future approaches. *Translating and the Computer*. 2007;(29). URL: <https://aclanthology.org/2007.tc-1.8.pdf> [дата обращения:30.01.2023]. (In Eng.)
5. Garcia I. Long term memories: Trados and TM turn 20. *Journal of Specialised Translation*. 2005;(4). URL: https://www.jostrans.org/issue04/art_garcia.pdf [дата обращения:30.01.2023]. (In Eng.)
6. From IBM: Translation Manager/2.*Language Industry Monitor*. 1992;(11). URL: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/90/LIM-1992-11-5.pdf> [дата обращения:30.01.2023]. (In Eng.)
7. XL8 Becomes a Family. *Language Industry Monitor*. 1994;(20). URL: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/90/LIM-1994-20-4.pdf> [дата обращения:30.01.2023]. (In Eng.)
8. ZehnalováJ. Tradition and Trends in Translation Quality Assessment. *Tradition and Trends in Trans-Language Communication*. 2013;(2). URL: https://www.researchgate.net/publication/294260655_Tradition_and_Trends_in_Translation_Quality_assessment [дата обращения:30.01.2023]. (In Eng.)
9. Translation Quality Assurance Tools: Old and New. URL: <https://www.nimdzi.com/translation-quality-assurance-tools/> [дата обращения: 30.01.2023]. (In Eng.)
10. Полякова Н. В. Сопоставительный анализ современных QA-инструментов для письменного перевода. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2022;4(222):51–61.
11. Petrova V. Translation Quality Assessment Tools and Processes in Relation to CAT Tools. , *In Proceedings of the Human-Informed Translation and Interpreting Technology Workshop (HiT-IT 2019)*. URL: <https://aclanthology.org/W19-8711.pdf>. DOI:10.26615/issn.2683-0078.2019_011. (In Eng.)
12. Gural S., Chemezov Y. Analysis of Efficiency of Translation Quality Assurance Tools. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014;(154):360–363. URL: https://www.researchgate.net/publication/275244541_Analysis_of_Efficiency_of_Translation_Quality_Assurance_Tools. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.10.163 (In Eng.)
13. Daems J., Macken L., Vandepitte S. Quality as the sum of its parts: A two-step approach for the identification of translation problems and translation quality assessment for HT and MT+PE. *Proceedings of the 2nd Workshop on Post-editing Technology and Practice*. 2013. URL: <https://aclanthology.org/2013.mtsummit-wptp.8.pdf>[датаобращения:30.01.2023]. (In Eng.)
14. Битва титанов: Verifika vs. xBench. URL: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=16&t=60871> [дата обращения: 30.01.2023].

References

1. Antopolsky A.B. Language resources and technology in Russia: state and prospects (Review). *Social Novelties and Social Sciences*. Moscow: INION RAN. 2021;(2):114–131. Available from: https://sns-journal.ru/site/assets/files/1154/sns_2_antopol_ski.pdf. DOI:10.31249/snsn/2021.02.08. (In Russ.)
2. Gol'din V.E. *Introduction to digital language resources*. Available from: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/130.pdf [accessed:30.01.2023].
3. Applied Linguistics–Anatoly Baranov. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=3BzrupwFSu8> [accessed: 30.01.2023].
4. Makoushina Ju. Translation Quality Assurance Tools: current state and future approaches. *Translating and the Computer*. 2007;(29). Available from: <https://aclanthology.org/2007.tc-1.8.pdf> [accessed:30.01.2023].
5. Garcia I. Long term memories: Trados and TM turn 20. *Journal of Specialised Translation*. 2005; (4). Available from: https://www.jostrans.org/issue04/art_garcia.pdf [accessed: 30.01.2023].
6. From IBM: Translation Manager/2. *Language Industry Monitor*. 1992;(11). Available from: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/90/LIM-1992-11-5.pdf> [accessed:30.01.2023].
7. XL8 Becomes a Family. *Language Industry Monitor*. 1994;(20). Available from: <https://aclanthology.org/www.mt-archive.info/90/LIM-1994-20-4.pdf> [accessed:30.01.2023].
8. Zehnalová J. Tradition and Trends in Translation Quality Assessment. *Tradition and Trends in Trans-Language Communication*. 2013;(2). Available from: https://www.researchgate.net/publication/294260655_Tradition_and_Trends_in_Translation_Quality_assessment [accessed: 30.01.2023].
9. Translation Quality Assurance Tools: Old and New. Available from: <https://www.nimdzi.com/translation-quality-assurance-tools/> [accessed: 30.01.2023]
10. Polyakova N.V. Comparative Analysis of Modern QATools for Written Translation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022;4(222):51–61. (In Russ.)
11. Petrova V. Translation Quality Assessment Tools and Processes in Relation to CAT Tools. In *Proceedings of the Human-Informed Translation and Interpreting Technology Workshop (HiT-IT 2019)*. Available from: <https://aclanthology.org/W19-8711.pdf>. DOI:10.26615/issn.2683-0078.2019_011.
12. Gural S., Chemezov Y. Analysis of Efficiency of Translation Quality Assurance Tools. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2014;(154):360–363. Available from: https://www.researchgate.net/publication/275244541_Analysis_of_Efficiency_of_Translation_Quality_Assurance_Tools. DOI:10.1016/j.sbspro.2014.10.163.
13. Daems J., Macken L., Vandepitte S. Quality as the sum of its parts: A two-step approach for the identification of translation problems and translation quality assessment for HT and MT+PE. *Proceedings of the 2nd Workshop on Post-editing Technology and Practice*. 2013. Available from: <https://aclanthology.org/2013.mtsummit-wptp.8.pdf> [accessed: 30.01.2023].
14. The Battle of the Titans: Verifika vs. xBench. Available from: <http://www.trworkshop.net/forum/viewtopic.php?f=16&t=60871> [accessed: 30.01.2023].

Автор публикации

Пospelova Софья Николаевна –
кандидат филологических наук, преподаватель
Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия
Email: sdankov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>

Раскрытие информации о конфликте

Author of the publication

Pospelova Sofia Nikolaevna –
PhD in Philology, lecturer
Voronezh State University
Voronezh, Russia
Email: sdankov@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0007-4115-0514>

Conflicts of Interest Disclosure

интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 1.02.2023

Одобрена после рецензирования: 15.03.2023

Принята к публикации: 5.04.2023

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Казанский лингвистический журнал» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы.

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 1.02.2023

Approved after peer reviewing: 15.03.2023

Accepted for publication: 5.04.2023

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Kazan Linguistic Journal thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.

Казанский лингвистический журнал
Международный научный рецензируемый журнал
Главный редактор – С.С. Тахтарова
Выпускающий редактор – А.Р. Лисенко
Шеф-редактор – Д.Р. Сабирова
Ответственный редактор – А.А. Абдрахманова
Научные редакторы:
Ф.Л. Ратнер (педагогика)
Л.Е. Бушканец (литературоведение)
Л.Р. Сакаева (лингвистика)

Kazan Linguistic Journal
International peer-reviewed journal
Chief editor – S.S. Takhtarova
Executive editor – A.R. Lisenko
Press and editorial manager – D.R. Sabirova
Responsible editor – A.A. Abdrakhmanova
Scientific editors:
F.L. Ratner (pedagogics)
L.E. Bushkanets (literary studies)
L.R. Sakaeva (linguistics)

Дата выхода в свет: 01.06.2023. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 70x108 1/16. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии Издательства Казанского университета

Адрес: ул. Профессора Нужи́на, 1/37, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008

Телефон: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции

Редакция не несёт ответственности за содержание публикаций

Распространяется бесплатно

Date of publication: 01.06.2023. Offset paper. Printing is digital. Format 70x108 1/16. Edition of 500 copies

Printed from the finished layout in the printing house of Kazan University publishing House

Address: 1/37, Professor Nuzhina str., Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008

Phone: +7 (843) 233-73-59, +7 (843) 233-73-28

Reprinting of materials is allowed only with the written permission of the editorial Board

The editors are not responsible for the content of publications

Available free of charge

